

EX ORIENTE LUX

2

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

2

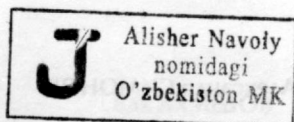
1 / 2016

Анвар Мамаджанов

Анвар Мамаджанов

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирождидин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Шавкат ВАЛИЕВ

Редактор
Елена ЮРЧЕНКО

Республика Узбекистан
Ташкент

Александр СИМОНОВ

ПОЭЗИЯ

Я иду по годам, как по лестнице...

Ростки весны

Но печали весна неподвластна,
Каждый миг для неё – миг творенья,
И трудилась зима не напрасно,
Подготовив весны возвращенье.

Смысл жизни, наверное, в этом,
Чтоб уйти и опять возвратиться.
И закаты сменяют рассветы,
И строка на бумагу ложится.

Василий КОСТЕЦКИЙ

караван истории

СУДЬБА АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА ШМИДА

А. Э. Шмидт вошел в науку как один из основателей отечественного исламоведения. Важное место в его исследованиях занимали также вопросы мусульманского права, истории, арабского языка и литературы. Он участвовал в нескольких экспедициях, имевших целью изучение архитектуры памятников Средней Азии. Ряд его исследований ориентировался на решение задач хозяйственного строительства.

Насирулла МИРКУРБАНОВ

литературоведение.
литературная критика

«ЖИЗНЬ... УСТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРУ»

После прочтения романа складывается впечатление, что ты как бы искупался в свежей родниковой воде, и это всё потому, что писатель сумел убедительно нарисовать мир своих героев, не вташив туда злодея или поганца, которыми чаще всего «перенаселена» сегодня современная литература.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ УЛЫБКА

Рассказ

Почему в нашей жизни случаются события, которые с легкостью опрокидывают все законы теории вероятности? Почему судьба так насмешлива и так любит сменить маску в тот момент, когда мы меньше всего ожидаем от нее этого?

Монолог

Было время, когда мы летали
Над просторами этой земли.
Было время, когда мы не лгали
Потому что – увы! – не могли.

Наши строки и чувства парили,
И не рвали сердца на куски.
Было время, когда мы любили
Не за что-то и не вопреки.

ЧЕРНО-БЕЛАЯ РАПСОДИЯ ЦВЕТНОГО МИРА

Эссе

Художник считает (и он в этом, безусловно, прав), что высшим достижением изобразительного искусства является **рисунк**! Не только потому, что это первое из древнейших изобразительных искусств, но и потому, что в задачу художника входит изумительная способность увидеть в чёрно-белом плоскостном изображении трёхмерное цветное соответствие миру вокруг нас.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Вика Осадченко. Коснись луча ладоною и лети...	29
Сергей Гордин. Если не жлет душа...	74
Александр Симонов. Я иду по годам, как по лестнице...	101

ПРОЗА

Лариса Юсупова. Мой белый ангел. Рассказ.	9
Бах Ахмедов. Двадцать восьмая улыбка. Рассказ.	46
Ольга Обломова. Элочка-Сердцеедка или От греха подальше. Рассказ.	85
Александр Свистунов. Гости. Рассказ.	106
Мирякуб Кобилов. Очередная мистическая тайна. Очерк.	128

НОВЫЕ ИМЕНА

Алексей Ротанов. Дверь. Рассказ.	33
Оксана Лесли. Литературные миниатюры.	77
Ася Шайдулина. Монолог.	82
Владимир Панкратов. Шестое января, вторник. Рассказ.	131

КАРАВАН ИСТОРИИ

Василий Костешкий. Судьба Александра Эдуардовича Шмидта.	41
Валерия Иофе, Виолетта Петровская. Память сердца (Некоторые страницы истории в кино).	93

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир Карасев. Черно-белая рапсодия цветного мира. Эссе.	59
Гайратулло Шукуров. Памяти давно минувших лет.	121

ПЕРЕВОДЫ

Алишер Навои. Ключ к сокровищнице мысли... Перевод Р. Фархади.	6
Поэтический коллаж. (Стихи современных узбекских поэтов). Перевод с узбекского Н. Ильина	56
Гоzi Рахмон. Дом с голубями. Рассказ. Перевод с узбекского Т. Нармизаева	144

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Насирулла Миркурбанов. «Жизнь... устремление к добру».	38
Кодиржон Носиров. Комментарий к стихотворению Пушкина.	98
Дильбар Джаббарова. «Солнце» как художественный образ.	125

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Анвара Мамаджанова.

Звезда Востока

2016 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 29. 01. 2016 г.
Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 840 экз. Заказ 143
Цена договорная.
Отпечатано в типографии
ИПТД имени Гафура Гуляма.
г. Ташкент, Шайхантахурский район,
ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Материалы в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведения классической и современной узбекской литературы» отмечены эмблемой Общественного фонда при Олий Мажлисе.

Уважаемые друзья-читатели журнала «Звезда Востока»!

Редакция и общественный совет журнала поздравляют Вас с наступившим 2016 Новым годом! Доброго всем здоровья, безграничной читательской любознательности, творческого вдохновения!

Как Вам известно, в 2016 г. журнал «Звезда Востока» будет выходить 6 раз в год. Редакция и общественный совет журнала направляют все усилия на то, чтоб он был интересным и полезным для читателя, отражал наиболее значительные явления современной русскоязычной узбекистанской литературы, знакомил читателя с культурно-историческим наследием Узбекистана.

Как отметил Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов в Новогоднем поздравлении народу Узбекистана, «...уверенность в завтрашнем дне, наша опора и надежда – это дорогие для всех нас дети, наша молодежь. Чем больше мы уделяем внимания, еще раз внимания и средств для подготовки подрастающего поколения, отвечающего самым современным требованиям, самостоятельно мыслящих, интеллектуально богатых, преданных своей Родине молодых людей, вне всякого сомнения, – мы тем самым приблизим поставленную перед нами цель». Поэтому значительную роль на страницах журнала будут играть материалы о молодежи и для молодежи, расширится рубрика «Новые имена», дающая возможность познакомить читателя с молодыми прозаиками, поэтами, литературоведами, искусствоведами.

Редакция журнала выиграла грант фонда Олий Мажлис на 2016 год «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» и в рамках гранта приглашает к сотрудничеству переводчиков с узбекского языка на русский, краеведов, этнографов, историков, искусствоведов, литературоведов. Мы ждем Ваших интересных материалов, способствующих популяризации культурно-исторического наследия нашей страны, включению узбекской литературы посредством переводов в мировой литературный процесс.

Редакция объявляет конкурсы:

- 1) на лучший перевод (поэзия – проза);
- 2) на лучшее эссе о современном искусстве Узбекистана (живопись, музыка, театр, кино и т. д.)
- 3) на лучшую литературоведческую статью о современной узбекистанской малой прозе, поэзии.

Срок конкурса январь – октябрь 2016 года. Материалы подавать в электронном и распечатанном виде в формате WORD или RTF с пометкой «На конкурс». Достойные материалы будут опубликованы, авторы-победители награждены.

Надеемся на Вашу поддержку и активное сотрудничество!

(1441–1501)

Ключ к сокровищнице мысли...

В 2016 г. исполняется 575 лет со дня рождения великого Алишера Навои. Вниманию читателей журнала в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» предлагаются новые переводы его произведений.

Сказать о блеске черных глаз, о дугах ли ее бровей,
Что ранят сердце всякий раз, терзают нежностью своей.

Жесток ее лучистый взгляд, ресницы источают яд –
Сказать ли, как в печали я томлюсь, а думы лишь о ней.

Сказать ли: беспредельна боль, разлуки ночь терпеть доколь.
Лишь встреча с милой исцелит, вернет мне свет весенних дней.

Сказать о локонах сперва – иль как из уст ее слова
Летят, подобно ветеркам среди цветов, среди полей...

Чудесный сад, куда я зван: и в нем – тростник, девичий стан,
Обвитый шелком голубым, с накидкой, что зари алей...

Сказать ли: беспощаден рок, любви-владычице оброк
Не грузом дорогих камней, – платить я должен жизнью всей.

О, Навои, запомни впредь – всего трудней красу воспеть:
Сказать о блеске черных глаз, о дугах ли ее бровей?

* * *

Заветных тайн чтением бывает человек.
Небесных слов писцом бывает человек.
Любовных снов певцом бывает человек,
Безумств и зол венцом бывает человек.

* * *

Да, праведником стать всего трудней,
От суеты отречься шумных дней
И в саван завернуть пустое тело,
И в небо вознестись душой своей.

* * *

Хотя, и, может быть,
отрадно за рекой,
Ошибка не ценить,
что рядом, под рукой.

* * *

Гнездо у птицы на колючей ветке,
Ей в нем уютней, чем в роскошной клетке.

* * *

Письмо твое мой ободрило дух,
Вернуло свет глазам и сердцу слух.
Мгновенно мир стал лучезарным снова, –
Сражает нас и возрождает Слово!

* * *

О, праведник, живущий на земле,
Аскетом слыть – не более, чем поза.
Покуда корни спят в холодной мгле,
Не расцветет лучистым утром роза.

Перевод Раима ФАРХАДИ

Раим ФАРХАДИ

Член СП Узбекистана, поэт, переводчик, главный редактор детского экологического журнала «Родничок».

проза

МОЙ БЕЛЫЙ АНГЕЛ

Рассказ

Всем сыновьям и мамам на земле посвящается...

*Чуть приоткрыв таинственную дверь,
В том зеркале узнал бы я любого.
Не стало для меня чужих потерь.
И горя не осталось вдруг чужого.*

Ночами стал являться мне белый ангел. Впервые он привиделся мне в тот поминальный день, когда исполнился ровно год со дня кончины мамы. С той ночи стал он частым гостем моих снов и бессонниц. Он был желанным гостем – белый ангел. И часто с того дня, касаясь головой подушки, я ощущал его приближение по какой-то звенящей сверчковой тишине. Он плавно возникал из сонной пустоты, седой и призрачной и, приближаясь, разливался серебристым светом. И туман утраты окутывал меня плотным, душным кольцом. И что-то подступало к горлу, переполняло и выливалось, взлетая к этому свету, призывному и слепящему. Торопясь и мучась, исходил я криком, несвязным и сбивчивым. Как будто боялся упустить свой шанс и что-то не успеть поведать этому заоблачному гостю из иного мира, куда так рано призвали мою мать. И будто бы лишь от этого моего бессвязного и сбивчивого лепета все зависело в том ее мире. И убоюсь какой-то непостижимой путаницы, выныривая из белесого тумана, я кричал ему, как глухому, ему, белому и светящемуся:

– Мафрат! – я называл ему по буквам. – Да! Год 29-й! Мирьям! – я повторял ему ее израильское имя, не доверяя в этих снах всем канцеляриям, пусть даже и небесным.

А перед глазами цветным и частым фейерверком мелькали вспышками то милое и грустное лицо, то строгие глаза, то быстрые и добрые руки. И белый гость мой расправляет крылья. И страшно мне, что он сейчас взлетит и растворится в сонной пустоте.

О чем я только не просил его, что только не рассказывал: и год рождения и кончины, и имена шестерых детей, и биографии предков... То сбивался на описание

Лариса
ЮСУПОВА

Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Автор интересных детских книг «Мамин праздник», «Находка», «Непослушайка», «Мамин выходной», «Про нельзя» и др; переводов стихов Тураба Тулы, Айдын Ходжиевой, Кутби Носировой, Кавсар Турдиевой. Автор созданного совместно с композитором Алиёй Тахтагановой цикла песен на фарси.

лица и внешности. И все просил, просил его о чем-то. Я готовил ей место в далеком неземном Эдеме. И все доказывал, все просил, просил...

А он светился нестерпимым светом и посыпал меня серебряной пылью.

А я уже видел нехитрый очаг в углу большого нашего двора и огромный желтый таз с инжировым вареньем. Маму, которая сосредоточенно помешивает огромной ложкой янтарное варево и старается отогнать нас от огня. А мы летаем, как пчелы, на восхитительный медовый запах. И, сбегав за ложками, ждем своей законной добычи, которую любят, наверное, все дети на свете – пенки с варенья.

Вот я висну на большой урючине и заключаю пари на семь ошичек (богатство несметное в ту пору и неслыханное), что спрыгну с нее прямо в соседний двор.

А вот я уже постарше и целый день преследую огромную стрекозу, совсем необыкновенную с прозрачными зелеными крылышками. Даже сейчас, спустя многие годы, я помню ее горчичный окрас с продольными пунктирными полосками по всей спинке. Я гонялся за нею несколько часов от цветка к цветку, отмахивая не одну улицу босыми ногами. И наконец поймал ее и посадил дома в банку. За каникулы мне нужно было собрать гербарий да коллекцию жуков, стрекоз и бабочек. Я мечтал, чтобы мои работы оказались самыми лучшими. Каждые два часа я заглядывал в банку, проверяя, не заснула ли она уже наконец, с таким трудом пойманная мной добыча. Но стрекоза все никак не сдавалась. Она сильно билась о края банки и издавала какие-то шуршащие и стрекочущие звуки.

– Борюшка! – взмолилась, наконец, мама. – Ну, давай, ее выпустим. Ведь божья тварь живая... Жалко же, Боренька!

– Ты что?! Вообще не понимаешь? У меня задание по ботанике! – с жаром возражал я матери. – Она у меня самая главная теперь в коллекции, самая лучшая! Я за ней полдня гонялся. Все ноги в кровь исцарапал. А ты выпустим...

– Бориска! Ну, давай ее выпустим! – не унималась мама. – Бог с ней, с этой коллекцией. Смотри, как она бьется. Плачет, наверное. И языка у нее нет, пожаловаться. Божья тварь ведь бессловесная. Ну разве можно так живое мучить?!

Но я никак не поддавался ее уговорам.

– Тогда убей! – рассердилась мама. – Так честнее будет, чем издеваться, голодом морить, да еще в банке держать без воды и воздуха. Давай, убивай быстрее! Ну, чего смотришь?!

Я ошеломленно глядел на мать во все глаза. Слово «убей» враз окатило меня ледяным душем. И так мне вдруг стало почему-то стыдно, так жалко эту стрекозу и всех ее подружек, старательно рассованных мною по разным банкам, что в один миг опротивела сама идея собирать коллекцию.

Как мама радовалась, когда я отпустил всех своих пленников на волю. Она просто светилась от счастья и потом целую неделю рассказывала всем соседкам, какой я у нее добрый и жалостливый сын. А добрый и жалостливый ее сын втайне давно жалел о своем великодушно поступке и еще очень долго оплакивал свою несбывшуюся коллекцию. Особенно в сентябре, на уроке ботаники, когда учитель расхваливал работы одноклассников, совсем никудышные, на мой ревнивый взгляд. А я оказался единственным бездельником, вернувшимся после каникул с пустыми руками.

С тех пор я перестал любить уроки ботаники и беззастенчиво приносил тройки по этому предмету, всякий раз мстительно напоминая матери о своей несостоявшейся коллекции. Она виновато помалкивала, никак не комментируя мои

позорные оценки. Но теперь, спустя много лет, я, как и она, никак не могу уразуметь, зачем мне было ловить и мучить этих красивых и быстрокрылых стрекоз. И всякий раз мне радостно вспомнить, как отпустили мы с мамой на свет Божий всех этих жуков, стрекоз и бабочек. И в том числе ту, самую главную, огромную стрекозу с зелеными крыльями и полосатой горчичной спинкой.

Мама всегда любила все живое. Трава, деревья, цветы – все, по ее мнению, имело душу и несло свои тайны людям. Какой же у нас был чудный сад! Каких только цветов не выращивала мама! Ночную красавицу и душистый табак, львиный зев и огненные пионы, золотые шары, фиалки, подснежники, целые поляны ромашек и ирисов, бульdeneжи и мальву, сирень махровую, белую, похожую на ветви черемухи. Как они умещались у нее в голове, все эти названия. Как строго следила мама за поливом цветов – обязанность, возложенная на старших детей. Цветы радовали глаз круглый год. Начиная с подснежников и фиалок ранней узбекской весной и заканчивая белой фатой или живой невестой, как по неведению называла мама свой необыкновенный куст, который расцветал в конце сентября белыми гроздьями, подобными кистям крупного винограда. Гроздья белых шариков свисали с куста, подобно плодам калины, только белого цвета. Мама безмерно гордилась этим своим кустом, цветущим аж до нового года, сохраняющим свою красоту под хлопьями снега. Она берегла его, ухаживала и нередко разговаривала с ним. Впрочем, она разговаривала со всеми своими цветами. Через много-много лет я прилетел в Западную Сибирь и в Тюмени увидел бесчисленные цветущие кусты, точь-в-точь похожие на мамин диковинный цветок.

– Как называются эти кусты? – спрашивал я прохожих.

– Это снежный ягодник, – услышал я от пожилого мужчины, удивленного моим вопросом. – Как? Неужели вы не знаете? Их же у нас полным-полно в городе. На каждой улице растут. Красивые, правда?.. По два-три месяца под снегом цветут!

Я умиленно посмотрел на белые гроздья и побежал звонить маме, чтобы сообщить название ее любимца.

Маму всегда радовали две вещи: цветы и дети. И она не обращала внимания ни на какие житейские неприятности. Сад плодоносит, цветы растут, дети бегают, родные все здоровы, а если нет, то хотя бы живы, друзья заходят, родня бывает, муж, слава Богу, золотой, дети хорошие.

А деньги, ну, что ж, их не хватает почти всегда. Пусть муж работает на стройке сварщиком, пусть подрабатывает сантехником, не шадя себя и не жалея сил. Денег все равно не хватает. Есть на свете и более бедные семьи. Я вспоминаю грязных нищих стариков, которых угощала мать, заполняла им сумки, не помня собственной нужды, смущенный шепоток соседок, одалживающих у матери деньги.

– Ничего, мне Бог даст, – никогда не унывала мама.

И Бог давал и испытывал. Испытывал и давал. Без жалоб и сетований, спокойно, ровно и уверенно жила мама, никогда не унывая. Она вязала, шила, перекраивала и подгоняла под нас форму. Рьяно посещала лоскуточные магазины, где можно было дешево купить остаточные куски красивых тканей, искусно их комбинировала. И мы всегда были одеты ничуть не хуже своих сверстников. С обувью, конечно, было труднее, мы донашивали ее друг за другом. Странно, что она на нас так не горела, как на нынешних детях. Видимо, была намного прочнее в ту пору. Мы просто вырастали из нее и передавали по наследству младшим.

– Да-да! – заверял я своего белого гостя. – Представь себе: она не унывала никогда.

Длинными летними вечерами мама все чинила и штопала свою единственную нарядную юбку, очень пеструю, из какого-то полупрозрачного хрустящего шелка. Юбка было двенадцатиклинкой. Сильно присборенной на широкой резинке у пояса. На темно-зеленом фоне вразнобой шли пирамидки ярких крошечных полосок: желтого, красного, белого, травянисто-зеленого цвета. После каждой стирки юбка сверкала все причудливее, казалась все новее и краше. Но, то ли от долгой носки, то ли от маргеланского жаркого солнца, от нее как бы отлетали кусочки ткани. И если посмотреть на свет, то можно было обнаружить на юбке множество мелких дырочек. Из-за сильной сборки и пестроты ткани они были почти незаметны. При свете яркой лампы вечерами мы с мамой чинили эту юбку. Я как сейчас помню эти разноцветные нитки мулине, заплетенные в толстую коску, маму, которая учила выдергивать из косы нужную нитку и вдевать ее в иглу... У каждого из нас была игла с вдетой в нее цветной ниткой, которые по необходимости мы подавали штопающей маме.

Как же он назывался этот хрустящий пестрый шелк? Наверное, крепдешин... Или нет?! Да, точно нет! А как? Ну, как?! Я чувствовал, что не успокоюсь, пока не вспомню, как назывался этот шелк. И позвонил в Нью-Йорк. И долго слушал длинные гудки.

– Борис?! Алло! Борька, ты?! Что случилось?! С кем?! Ну, говори скорее?! – кричала в трубку моя заспанная сестренка. Ее паника выплескивалась из телефонной мембраны, грозя затопить все мое личное пространство. Я обругал себя ослом, с опозданием сообразив, который у них теперь там час.

– Ты не волнуйся, – пробормотал я виновато, пристыженный своим дурацким звонком. – Да, нет. У нас все в порядке. Я просто хотел спросить про мамину юбку. Ну, помнишь, сборчатую, пеструю такую?!

– Ты что в уме?! Или пьяный?! – поразилась сестренка. – Три часа ночи у нас! Я чуть со страху не померла! Юбка ему мамина понадобилась!

– Рива! – сказал я ей строго, не подавая виду, что погибаю от смущения. – Ну все, ты меня совсем пристыдила. У меня все коленки красные. Не веришь, пришлю фото, – пошутил я в трубку. – Да, я забыл, что у вас ночь. Без обид, Ривка! А где сейчас эта юбка мамина?... Да нет, я не рехнулся!.. Да ладно... Я понимаю, что столько лет прошло. А ты сама хоть помнишь, как мы ее чинили всегда?!

– А с чего это я забыла?! Здравствуйте! – обиделась Рива. – Мама столько лет с ней не расставалась! – рассмеялась сестренка.

– А материал? – подступил я к главному вопросу. – Ну шелк этот как назывался? Крепдешин что ли?

– Какой крепдешин?! – возмутилась Ривка. – Крепдешин мягкий такой. А этот жесткий был, шуршащий весь. Креп-жоржет, наверное, или креп-жаккард, – засомневалась сестрица.

– А у тебя какая нитка была? – спросил я ее после паузы.

– У меня желтая... – растерялась Ривка. – Мама для себя ничего и не шила, только все штопала эту юбку, хорошо, что пестрая была, никто и не догадывался, какая она вся латаная-перелатаная. И ей так шла. У мамы ведь фигурка была точеная.

Мы помолчали, вспоминая мать и слушая дыхание друг друга за сотни тысяч верст по обе стороны огромного океана. И так уютно и тепло мне было с ней молчать: с моей сестренкой, прижавшись ухом к телефонной трубке, как не было уже давным-давно.

– Ладно, ложись спать! – спохватился я. – Тебе же на работу завтра.

– Нет. Подожди! – запротестовала Рива. – Я уже не хочу спать. Борь, а помнишь, как мы в Ташкенте для мамы платье покупали, а она ни за что его брать не хотела, ругалась с нами в ГУМе, так что ее потом какой-то дедушка пристыдил.

Еще бы мне было не помнить эту первую поездку в Ташкент! Дома в Маргелане тайком от мамы папа лично пристегнул мне булавкой к белью завернутую в мужской носовой платок пачку денег и строго наказал как старшему сыну приехать в Ташкенте маму, как бы она не сопротивлялась. И вот мы втроем в ташкентском ГУМе. Мы с Ривкой носимся по всем этажам, до одури накатавшись на эскалаторе. Глаза разбегаются, все хочется купить, все рассмотреть. Но мы упорно движемся к основной цели – отделу готового женского платья. А мама нервничает, боясь потерять нас в толпе. Она поминутно достает из кармана список запланированных подарков и после каждой покупки расстроено роется в своем худеющем на глазах кошельке. А мы с Ривкой ликуем, заговорщически обмениваясь хитрыми взглядами. Мама ведь и не знает, как мы сегодня богаты. Осталось только заманить ее в женский отдел.

– У вас деньги? – не поняла мама. – Какие еще деньги? Откуда?!

– Нам папа дал, – объясняем мы важно. – Он сказал, чтобы ты без обновы домой даже не являлась.

– Па-апа?! – изумляется мама. – И сколько же там у вас?

Я отстегнул булавку дрожащими и потными руками.

– О-о-о! – обрадовалась мама. – Сколько денег! Ну, теперь на все хватит! Пойдемте скорее, сейчас всем купим.

– Нет уж! – воспротивилась Ривка. – Папа сказал, что это тебе на платье.

– Да ну, вас! – возмутилась мама. – Я как-нибудь сама разберусь, что кому надо! Пошли отсюда!

Но мы вцепились в нее мертвой хваткой. Ривка накинула маме на плечи какой-то вишневым жакет и стала снимать с вешалки чудесное трикотинное платье.

– Примерь! Примерь! Ну, примерь, мамочка! – ташила она мать за занавеску примерочной.

Мать возмущенно пыталась на нее прикрикнуть, выдергивала руки из наших цепких ладоней, грозила надрать нам уши и все порывалась выскочить из женского отдела. А мы ее просили, требовали, умоляли и чуть не плакали:

– Купи! Купи платье! Ну, хоть примерь, мамочка!

– Ай-ай-ай! – вдруг вмешался высокий седой старик и громко застучал на нее палкой по полу. – Что же это вы так, мамаша, хулиганите?! Совсем своих детей не уважаете! Таких детей не ценить! Таких детей! И не стыдно вам?! Другая бы за счастье посчитала такое отношение. Эх, вы, голова два уха! Немедленно купите себе платье и перестаньте спорить! Вы привлекаете к себе внимание. Нехорошо.

Уши у мамы сделались малиновыми, лицо виноватым, глаза налились слезами. А мы с Ривкой взяли ее за руки и потащили в примерочную, пользуясь ее растерянностью и смущением. Поколебавшись, мама скрылась за занавеской. Платье было красоты неопишуемой: всех оттенков коричневого и терракотового цвета с воротничком хомутиком – последний писк моды. На маме оно смотрелось изумительно, стоило сумасшедшие деньги – целых 85 рублей.

– Ну вот, – сказала мама, – видите, как дорого. Короче, я переодеваюсь, и мы уходим. Хватит на сегодня, а то опоздаем.

Она снова ушла за занавеску. А я помчался скорее к кассе оплачивать покупку, дрожа и испуганно озираясь на занавеску. Вдруг не успею! Кассирша, улыбаясь, выдала мне чек, проворно пересчитала деньги и, подавая сдачу, подмигнула Ривке:

– Подожди тут.

Когда мама вышла из примерочной, я взял ее за руку и увлек за собой. Мы вышли из отдела универмага. Позади пританцовывала ликующая Ривка. Она строила мне гримасы, подпрыгивая и указывая глазами на свой раздувшийся рюкзак. Через три часа отходил наш поезд. Мать узнала о нашей проделке только перед самым Маргеланом. Дома отец крепко расцеловал нас с Ривкой. Мама очень любила и берегла это платье и носила его долгие годы.

– Борь, – сказала Рива, когда молчание обернулось вечностью. – А ты что ж это Шурпачку не звонишь? Теть Шурочке нашей! Мы с ней уже раза три разговаривали. Слышь, Борька?!

– Слышу, – ответил я после паузы. – Я позвоню потом.

– Дай мне слово, что это будет завтра, – попросила сестра. – Ты ж у нее любимец самый, у тети Шляпы своей. Она все ждет тебя не дождется.

Как было стыдно, что мне об этом напоминали. Я знал, что должен был давно сам о ней вспомнить, да и не забывал я, но никак не мог преодолеть в себе что-то.

– Хорошо, – пообещал я сестре сквозь стиснутые зубы.

Рой воспоминаний окружил меня плотным кольцом, они жалили, словно пчелы из потревоженного улья.

Мне снова виделось палящее солнце маргеланского базара, томительно тянувшиеся часы, пока распродался наш товар, я чувствовал мучительную жажду, долго не мог напиться и успокаивался лишь задымив на кухне сигаретой.

И как я ни держал себя в руках, ни урезонивал свое воображение, ни твердил себе, что не властен над своими воспоминаниями и снами, все равно обрывки их виделись реалиями и занимали мои мысли все больше. Я никому ничего не мог рассказать, только пристальнее вслушивался во всякую информацию о снах, которой обожают делиться люди, и силился не выдать своего обостренного интереса, дабы не стать самому объектом расспросов.

Что и кому я мог рассказать. Ничто не могло выразить то, что у меня на душе: ни голос, ни интонация. Я говорил себе круглыми пустыми фразами, и они жили совсем отдельно от меня и моей воли. Лишь однажды в поминальный день я обмолвился вслух, что душа моя плачет, и не помню, кто из близких закрыл мне рот замечанием, что плачет душа сегодня у всех.

Всегда ли был я настолько одинок? Я, имеющий жену, детей, сестер и братьев, родственников и близких, неисчислимое количество знакомых. Иль поня это только с дорогой утратой.

Едва дождавшись перерыва, переждав сотрудников, я ринулся к телефону и сам себе поражаюсь, набрал номер по памяти. По памяти... А ведь я не набирал его так давно – целую вечность.

– Алло! – раздался в трубке теплый, сипловатый голос. – Алло! Я слушаю. Говорите.

– Тетя Шляпа! – позвал я в трубку. – Это я, тетя Шляпа!

Трубка вскрикнула, ахнула и задрожала в моей руке, как живая.

– Бориска! Борька! Борюшка! Мамка-то наша! Марфенька моя бедная! – зарыдала трубка. Она причитала, приговаривала, оплакивала ту, которую любила и потеряла. И кричала: – Алло, Борька! Борис, ты где?! Бориска?! Алло!

Я молча плакал, не в силах разжать стиснутые челюсти. Потом опустил трубку на рычаг и долго ждал, что она сейчас взорвется оглушительным звуком и затрясется, забьется в моей руке. Но аппарат молчал. Ведь она не знала моего рабочего номера. Моя тетя Шляпа.

Через какое-то время я вдруг нашел себя сидящим прямо на земле в дальнем углу заднего двора нашего офиса. Я отряхнул штаны и переместился на край колченогой синей садовой скамейки. Я знал, о ком услышит ночью белый ангел, но только не мог себе уяснить, с чего же я начну и как успею рассказать ему так много.

В один из дней, когда мы возвращались с матерью с базара, успешно продав свой нехитрый товар и еле-еле втиснувшись в маленький старый автобус, судьба уготовила нам встречу с человеком, который навсегда вошел в нашу жизнь и семью. Пытаясь удержаться на одной ноге, потому как вторую поставить пока было некуда, я вцепился в поручень автобуса и задрал голову, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха, и вдруг увидел очень полную девушку, на голове которой было надето несколько шляп с огромными широкими полями. Это было очень смешно. Я расхохотался и завопил на весь автобус:

– Тетя Шляпа! Мама, смотри, тетя Шляпа!

Мама шикнула и, высвободив в толкучке руку, небожно дернула меня за ухо. Но я не унимался, покатываясь со смеху. Вслед за мной захохотал весь автобус. Громче всех смеялась сама владелица шляп. Она стянула с себя одну и нахлобучила мне на голову по самый подбородок.

– Во-от! – сказала она лукаво и показала мне язык. – Теперь и ты дядя Шляпа! Такие шляпы красивые! – поделилась она с мамой, как со старой знакомой. Ну, просто грех одну покупать было. Возьму, думаю, на подарки. Держите! – одела она еще одну шляпу маме на голову.

– Да вы что! – ахнула мама. – Я не возьму! Ведь вы же на подарки купили! И вообще она же деньги стоит. Борька, верни сейчас же шляпу тете!

– О-ой! – нараспев сказала девушка. – Я все равно еще не придумала, кому их дарить. Я так люблю дарить подарки, – призналась она доверительно. – Вам так идет! Носите на здоровье.

Мама, неприученная к подаркам, совсем смутилась. А я стал расспрашивать незнакомку, зачем она надела столько шляп на голову.

– Ну, ты же видишь, какая давка! Они бы совсем измялись в руках. Жалко же. Вот я и нахлобучила на голову.

Мать снова рассмеялась находчивости девушки.

– Меня Шурой зовут, – представилась незнакомка. – Я вас часто вижу на базаре, даже покупала у вас что-то.

– А я Борис, – важно встретил я в беседе.

– Борис-барбарис! – засмеялась тетя Шляпа. – Ну, давай пять, познакомимся.

Мы тогда и не знали, что знакомимся на всю оставшуюся жизнь. Что для меня она так и останется навсегда тетей Шляпой, и именно через нее вдруг высветится мое призвание, и сложится спортивная судьба. Что мы всегда будем ждать ее к субботнему обеду. А она будет тратить свои последние гроши на лакомства для нас, детей, вопреки грозным запретам отца и ужасу нашей мамы. Что будет она всю жизнь называть нашу маму по-русски Марфой. А у самой Шурочки, моей тети Шляпы, появится множество смешных имен: Шурпа, Шурпачок, Шурпача и Опа Шурпа, как смешно дразнил ее наш отец. А я навсегда останусь ее любимцем, ее «двоюродным» сыном, каким считала она меня долгие годы.

Вскоре у нас с мамой произошла еще одна судьбоносная встреча в одно из воскресений после трудного базарного дня.

В тот день мы томились на остановке, как-то очень уж долго поджидая автобус, он все не шел и не шел. Все скамейки были заняты, и мы уселись прямо на перевернутые ведра, радуясь своей выдумке. Уставшие люди смотрели на нас с легкой завистью. Увидев автобус, мы дружно вскочили и ринулись занимать сидячие места, совсем забыв про свои ведра. Только уселись у окна, как мама про них вспомнила. Сейчас и не понять городским людям, какой ценностью были для того времени эмалированные ведра, как были необходимы в хозяйстве. Мы вскочили, готовые выбежать за ведрами из автобуса, и обалдели. Ведер не было, потому что на них, как матрешки, сидели две совершенно одинаковые узбечки. Их широкие платья спускались до земли, прикрывая ведра, казалось, они сидят на пенечках, как яркие расписные сувениры из нашего центрального магазина.

– Езжайте-езжайте, – замахали руками они. – Какой у вас дом? А улица? Езжайте! Мы вам домой принесем эти ведра! А то когда еще автобус будет! – кричали они маме. – Не выходите, места потеряете!

Мама послушалась, и мы поехали домой с непривычно пустыми руками.

Рано утром раздался стук в калитку.

– Это мы, «ведерки»! – закричали женские голоса за забором. – Ассалому аллейкум!

Но когда мама, накинув платье, открыла дверь, на улице никого не было. Вместо девушек на пороге стояли два ведра: одно, наполненное черешней, другое – абрикосами. Девушки оказались снохами-двойняшками из соседней махалли и звали их, как водится, Зухра и Фатима.

Вот так она и началась эта мамина дружба с сестрами-близнецами и с Шурочкой – моей тетей Шляпой. Папа в шутку называл их всех женсоветом и признавал за ними великое братство четырех мушкетеров женского рода.

Без женсовета не пролетала и муха без билета. Все решалось вместе – хашаром. Стегались ли одеяла, стриглись ли куриные перья на подушки, сажались ли цветы, собирались ли фрукты – все касалось всех: и труд, и отдых, и вечно неразрешимые жизненные вопросы. Нам казалось, что близняшки Зухра и Фатима так и жили всегда на улице. Всегда нарядные и гладко причесанные. Казалось их руки и не знали домашней работы. Но двор у них, почему-то, всегда был полит и выметен, обеды приготовлены как бы сами собой, а две снохи – Фатима и Зухра – расхаживали день-деньской из махалли в махаллю, совершенно не озабоченные домашними делами.

Самым близким человеком, почти членом нашей семьи была тетя Шляпа. Она работала медсестрой в местной школе, в которой вскоре начали учиться и все мы. И как-то незаметно крепко прилепилась к нашему дому. Я обожал свою тетю Шляпу, был ее любимцем и проводил у нее все свободное время. Иной раз мы с ней подменяли на базаре маму и являлись домой уставшие и гордые как истинные кормильцы семьи. Она была для меня самым большим взрослым другом после матери. Правда, взрослой ее можно было тогда называть только с большой натяжкой. В этом и была своеобразная прелесть ее обаяния и нашего тесного общения. Она была большим и славным ребенком, доверчивым и веселым – моя тетя Шляпа. И я легко мог подбить ее на любое озорство. Она покрывала меня во всем, что не касалось, конечно, границ дозволенного, смешно преодолевая свирепый педантизм отца и укоры мамы.

– Ну, Шурпа! – пеняла ей мама. – Ты чего мне так детей портишь? Борьку совсем избаловала. Скоро его к нам на голову посадишь. Смотри у меня! Ох, и выпорю я тебя, Шурка!

– У-у, Марфа такая! – отвечала ей беспечная Шурка. – А зачем тогда детей рожать, если не баловать?

– Вот своих нарожай, тогда и балуй! – серьезно выговаривала ей мама. И тут же переходила на излюбленную тему, как засиделась уже в девках ее подруга, что пора ей замуж выходить, пока не поздно. Деток пора нарожать.

– Уйдут-уйдут годочки, и не заметишь, как одна останешься.

– Чего это одна, – смеялась тетя Шляпа. – Вон, у меня «двоюродный» сын есть. Чем не ребенок? – невинно спрашивала она подругу и показывала ей язык, ну, что, мол, съела!

Мама только головой качала. Ее сильно волновала судьба Шурпы. Яркая, красивая Шурочка была все же на любителя из-за чрезмерной полноты. Но, несмотря на лишний вес и высокий рост, она вся была какая-то ладная и прибранная: глаза синели на ласковом лице, кожа была гладкая и матовая, и вся она лучилась шаловливым озорством, добротой и щедростью русского человека. Щедростью, не признающей границ и здравого смысла, добротой безграничной.

– Без царя в голове она – Шурпа твоя ненаглядная, – с досадой говорил маме отец, а сам любил ее именно за это качество.

Я снова хохотал, как в детстве, вспомнив чудачества своей тети Шляпы и давясь от смеха, пересказывал их ангелу.

– Борька! – забежала как-то она к нам во двор. – Зови мать скорее. Марфа у тебя деньги есть? Давай быстрее, я за лисой сбегаю.

– За какой лисой? – опешила мама.

– За такой! Потом объясню! – отмахнулась Шурпа.

Пожав плечами, мама вынесла какие-то деньги.

– Хватит тебе?

– У меня еще есть, – фыркнула Шурочка и убежала.

Конечно же, я помчался за ней. Большая и важная, она шагала легко и быстро, как степная верблудица. Я еле догнал ее уже на базаре. Сияя от счастья, она купила в магазине мягкую игрушку – огромную рыжую лису с чудным пушистым хвостом. У лисы была хитрая плутовская морда, и она сильно смахивала на лукавую тетю Шляпу. Я все никак не мог обойти бесчисленные мешки с овощами и фруктами, чтобы подойти к ней поближе.

– Тетя Шляпа! – крикнул я ей вслед, боясь, что она сейчас исчезнет в каком-нибудь магазине.

Она оглянулась и пошла мне навстречу, игнорируя разложенные на земле товары о чем-то, как всегда, вешая мне за три версты. И вдруг споткнувшись обо что-то, упала коленками на холшовые мешки с болгарским перцем. Коленки остались целы, чего нельзя было сказать о товаре. Сто десять килограммов живого веса за мгновение приплюснули мешки, обратив болгарский перец в почти готовый зверобой. Надо отдать должное добродушию и юмору наших узбекских продавцов. Они хохотали до упаду, поднимая на ноги тетю Шляпу, ничуть не сожалея о раздавленном товаре. Мы долго извинялись и веселились всю дорогу, предвкушая, как расскажем о происшествии дома.

Мама хваталась за щеки, охала, но смеялась вместе с нами.

– Представляешь, – сказала ей тетя Шляпа, округлив глаза, – хорошо, что я... – наклонилась она к уху подруги.

Мама ошалело глянула на Шурочку, вскрикнула и схватилась за живот обеими руками. Она хохотала до икоты, усевшись прямо на землю возле скамейки, а мы, дети, отпаивали ее водой и никак не могли понять, отчего она так хохочет. Весь день до самого прихода отца раздавались безудержные всхлипы матери. Она просто погибала от смеха. Вечером они хохотали уже вместе с отцом, словно безумцы, а мы никак не могли понять их веселье. Прозрение наступило гораздо позже, когда я взрослым человеком вспомнил про этот случай. Ведь она была такая большая и полная, тетя Шляпа, а в то время было большим дефицитом нижнее женское белье ее размера. Где уж мне неискушенному провинциальному мальчику было оценить всю тонкость и пикантность той давней смешной ситуации.

Конечно же, лиса была подарена мне, ее любимому «двоюродному» сыну. Она и сейчас сидит у меня на секретере, старая и облезлая, широко ухмыляясь своей продувной острой мордой.

Следующее событие, о котором рассказал я белому гостю, случилось в самом начале года, когда я перешел в пятый класс. В тот день мы пришли в школу с самого утра, хотя учились во вторую смену, потому что на одиннадцать часов была назначена футбольная игра между командами пятых и шестых классов. Я как нападающий запаса приплясывал на месте, ожидая ту счастливую минуту, когда меня введут в игру. Пока что мы проигрываем. И я постановяю от огорчения, уверенный, что с моим вводом в игру начнем выигрывать. И вот, о счастье, я на поле. Я сходу завладел мячом и сильным ударом послал его в ворота. Мелькает изумленное лицо Сережки Воробьева, моего закадычного друга и вратаря нашей команды. Он падает рыбкой на живот и чудом отбивает этот неожиданный мяч. Какую-то секунду стоит оглушительная тишина, вдруг все взрывается оглушительным хохотом, и игра прерывается. Обе команды погибают от смеха. Трибуны болельщиков в восторге колотят друг друга портфелями. И даже судья, наш суровый физрук, не может удержаться от смеха. Нападающий чуть не забил мяч в собственные ворота! Я повернулся и побежал прочь с поля, из школы, прочь из района, города, своей глупой судьбы, выставившей меня на посмеище. Я бежал, не разбирая дороги, и крупные слезы градом катились из глаз. Жизнь была кончена. Раз и навсегда кончена. Ничто больше не могло меня оправдать и спасти. Выбегая из школьных ворот, я врезался во что-то мягкое и теплое и забился в чьих-то руках.

– Бориска! – вскрикнула тетя Шляпа. – Что с тобой?! Что случилось?! Да ты что, Бориска?!

Я молча вырывался у нее из рук, брыкался, пытался укунить и ревел, ревел без остановки, словно белуга. Она молча волоком притащила меня в медпункт и заперла на ключ дверь. А я кричал, что все равно не буду больше жить, и пусть она от меня отстанет, и в школу эту больше не пойду, пусть она провалится эта школа, пусть они все провалятся со своим футболом!

– Отстаньте! – хрипел я приглушенным шепотом, боясь, что меня кто-нибудь услышит. – Я все равно сбегу из дома. Пустите! Я всех ненавижу!

Короче, соплей и слюней в тот час было много. Часа через полтора я начал выдыхаться, попил воды и даже пояснил сквозь зубы, в чем было дело.

– Фи, – сказала мне тетя Шляпа. – Подумаешь! Ну пнул свой мяч не туда.

Вот если бы ты гол забил в свои ворота! Тогда бы точно – лажа. А так чего?! Ерунда какая-то, так!.. – сказала она мне мягким голосом. – Там уже уроки начались. Пошли отсюда, пока в коридоре нет никого. Что-то мне сегодня совсем работать не хочется.

И мы ушли домой. Без ее сумочки, без моего портфеля. Два дезертира и прогульщика. Она с работы, а я с учебы. Она привела меня к себе домой и уложила на свою кровать. Я отвернулся лицом к стене и сразу заснул, измученный слезами и воплями. Когда я проснулся, было уже совсем темно. И непонятно, почему я не дома. Конечно же, тетя Шляпа уже успела сбегать к маме, но вела себя как ни в чем не бывало и помалкивала. Будто была нормой, эта моя ночевка вне дома. Я заявил, что больше никогда не вернусь в эту школу.

– Я тоже, – беспечно ответила тетя Шляпа. – Мы с тобой уйдем вместе.

Все завтрашнее утро мы провалялись в постели. А к обеду я уже был записан в городскую спортивную секцию. Прогуляв неделю, я, конечно же, вернулся в свою школу, но уже в совсем другой весовой категории в глазах ребят. Так почти случайно я получил направление в жизни, и уже никогда его не менял. Это привело меня в большой спорт и определило мою судьбу.

Она еще долго была только моей – тетя Шляпа, и, казалось, принадлежала мне всецело. Но я все же заставил себя рассказать ангелу о случае, который определил ее личную жизнь, привел к браку и материнству.

К одной из соседок тети Шляпы вдруг приехал, похоронив в Фергане жену, ее вдовый сын с пятилетним мальчиком. Он перебрался в Маргелан к матери, устроился работать на стройку.

– Шурочка, – обратилась к тете Шляпе соседка, – у тебя столько подруг разных, познакомь с кем-нибудь Сашу моего. Его женить нужно срочно – мальчишке мать нужна.

Добросовестная Шура перезнакомила Александра со всеми одинокими подругами. Да безуспешно. Никому тот не приглянулся – не особо красив, да еще и с ребенком, выпить не дурак. Короче, большим сокровищем он никому не показался. Тем временем пятилетний Петька повадился прибегать к тете Шляпе на чай с конфетами. Та читала ему интересные сказки, стирала рубашку и кормила чем-нибудь вкусеньким.

– Тетя Шурочка, – вздохнул как-то Петька. – Вот бы вы были моей мамой!

Та же мысль посетила и его отца с бабушкой. Шурочка растерялась. Единственным доводом «за» в этой ситуации была ее жалость к заброшенному Петьке. И вот наш двор загудел, словно улей. Был созван экстренный женсовет, к которому примкнуло еще несколько сочувствующих лиц, симпатизирующих Шурочке. Я так и вижу перемазанных усьмой женщин, спорящих до хрипоты весь день на нашей террасе, до самого вечера. Прервались они только с приходом отца с работы. «Ведерки» – Фатима и Зухра – тут же прыснули в разные стороны, будто их здесь и не было. Вслед за ними засобирались домой две учительницы начальных классов и библиотечарь нашей школы. Сердитые и взволнованные, они больше всех переживали за Шурочку и все кричали, что этот мужлан ей не пара. Они сами еще недавно отказались от этого вдового жениха и были очень горды собой. Главное было теперь уберечь Шурочку от опрометчивого шага...

– Молчи, – успела шепнуть маме красная и расстроенная Шурочка, – я прошу тебя, пусть он не знает.

Но нашему отцу, как оказалось, уже принесла сорока на хвосте весточку. Отец был догадливый и, видимо, легко сложил в уме два и два. Он спокойно съел предложенный ему ужин, промокнул салфеткой усы и достал из буфета литровую бутылку самогона.

– Адрес говори! – потребовал он у Шурочки.

– Какой адрес?! – пролепетала та бледнея.

– Да, ладно! – отмахнулся отец. – Как его зовут, жениха твоего? Адрес давай! А то будете со своим женсоветом все лето кудахтать. Схожу-ка я сам с ним потолкую.

Тяжело ступая, отец ушел, прикрыв за собой калитку. Его не было так долго, что подруги уже и не знали о чем думать. Домой отец пришел совсем поздно, ночью. И по всему было видно, что одной бутылкой там дело не обошлось.

– Нормальный парень! – вынес он свой вердикт. – Ну, выпивает, конечно. А какой русский не пьет, да еще и строитель. Под ноги надо смотреть, а не в небо летать.

– В небе, – машинально поправила мама.

– Ну, в небе, – покладисто согласился отец. – Давай, Александра, замуж выходи, – впервые он назвал Шурочку ее полным именем. – Я решил. Видишь, пропил тебя уже, – пошутил отец. – Ты молодец, что мальчика пожалела. Бог тебе воздаст за это. Вот увидишь.

Бог и вправду воздал. Одного за другим она родила мужу еще трех сыновей. И хотя и не считалась по тем временам многодетной матерью, но со вселенским одиночеством уже было покончено навсегда.

Перед самым нашим отъездом дяди Саши не стало. Он скончался от обширного инфаркта ночью, не пролежав ни одного дня в постели. Просто не проснулся утром на работу. Дети подросли и потихоньку разъехались. Тетя Шляпа почему-то ехать не желала и осталась в Маргелане совсем одна. Я не мог бросить в ее детей камень, так как и сам был хорош, ее любимый «двоюродный» сын.

В тетин Шляпин сад переехали перед нашим отъездом почти все мамини цветы. Снежный ягодник перекочевал с особым комфортом и осторожно-стью. Его выкопали с огромным пластом земли, чтобы, не привести Господь, не задеть корни, незадолго до нашего отъезда. Всякий раз в разговорах по телефону мама расспрашивала свою Шурпу о цветах и особо о своем любимце – снежном ягоднике. Каждый год она волновалась: зацвел ли он снова, и как долго держались на ветках цветы. И только в последний раз она ни о чем спросить не успела. Он зацвел только через месяц после ее ухода.

Я вспоминаю последние ее годы, эти адские муки, связанные с переездом на землю обетованную.

Благодаря необыкновенной мягкости характера, странно сочетающейся с железной волей, собрала она там почти всех своих детей. С какой змеиной мудростью она улаживала все наши семейные конфликты. Как ублажала слух ласковым словом. Она сохранила все наши семьи. А до того ли было в эти первые трудные годы. Снова нужда стучала в дверь новоявленных репатриантов. Долги, безработица, незнание языка... И только мать не склонила голову. Она устроила свой мини-Маргелан на улице новообретенной родины.

Продолжала выпекать хлеб, как в далеком Узбекистане, а внуки ежедневно разносили его в соседские дома. Как ручейки стекались люди в ее дом на далекой новой земле. Она скрашивала им тоску и неприкаянность духа, неустроенность

и безысходность первых лет иммиграции. И не задумывались люди о ее собственном мироощущении, человека, едва ступившего в неведомый ей мир.

Дети, ее дети... Да, как могли мы быть так беспечно уверены, надеяться на долгую ее жизнь после столь тяжкого бесконечного труда. Как комета, промчалась она по жизни, щедро раздаривая себя. Всем хватало ее тепла и света. Она жила по заповедям Божьим. Не зная Торы, не читая библиотеки мира, следовала всем законам свободно и легко, как дышала. И тому же учила своих детей всему, что имела сама. Всему и разному – благородству и человечности, коммерции и деловитости, порядочности и чистоплотности. А главное, умению делиться всем и со всеми и умиению отзываться на чужую беду. Как умудрилась она сохранить свой кроткий нрав и до конца жизни остаться мягкой и уступчивой – не знаю. Но знаю, как часто пользовались ее мягкостью люди и даже мы, ее дети.

Так уж вышло, что именно мне суждено было нанести ей удар, стать ее болью. «Но почему именно мне?» – с отчаянием вопрошал я, глядя на ангела. Я не смог, никак не смог там остаться, тосковал и маялся, ничего не мог с собой поделаться. Я всю жизнь был в спорте, жил спортом и не мог поступить неспортивно. Меня тянуло домой, в Узбекистан, в Ташкент, в свою команду. Я бы не смог выступать под чужим флагом, пусть даже своей второй исторической родины. Для меня родина одна, как мать. Я полюбил Израиль, восхищался его красотой и обычаями. Пьянила мысль, что я среди своих, и здесь так много таких как я, что можно жить по-новому, совсем-совсем по-другому, начать с нуля, с чистого листа. Но я так и не принял гражданства и снова вернулся с семьей в Ташкент. Домой, к себе, к своей команде, к спорту!

Мать поняла. Она всегда меня понимала.

Теперь огромные деньги уходили на наши телефонные разговоры, сердце мое разрывалось и раздваивалось. «Одна половина была тут, другая там – с матерью», – горько сетовал я своему заоблачному гостю. Мать пересказывала мне по телефону свои мелкие радости:

– Бориска, вот эти все перелетные птицы, которые летят на юг в жаркие страны, они все здесь, Боря! У нас, в Израиле! Ты бы видел, какая здесь красота! Все перелетные птицы здесь, – повторяла она ликующе, как будто сама себе не верила. – А потом они опять летят домой, – тихо обронила как-то в разговоре мама. – И мы тоже, словно эти птицы...

И вдруг ее как будто прорвало:

– Хочу домой слетать. Так хочу домой, Боренька. В Маргелан хочу. В Ташкент. В Каттакурган съездить. На могилки сходить. Приедь, Боренька, за мной. Приедешь?.. – с тоскою в голосе просила меня мать. – Цветы свои проведу, у Шурпы погошу. В Ташкенте с внуками посижу.

– Легко! – обещал я ей с жаром.

«Вот-вот, прямо с понедельника подам документы на гостевую визу и поеду за ней. Правда, не с этого, а через понедельник», – уверял себя я.

Но дни складывались в недели, недели в месяцы, а моя поездка к маме то отменялась, то откладывалась. Я метался по огромным просторам СНГ то один, то с командой, по вокзалам, аэропортам. И все казалось, что вот-вот на той неделе или в следующем месяце... Но в крайнем случае – в конце зимы, весны или лета поеду я за мамой. Я был очень занят, график напряжен, все казалось таким важным, актуальным, ничего нельзя было перенести или отменить. И сам себе я казался таким деловым и значимым...

«Да что же я у нее один сын, разьединственный? Слава Богу, у нее еще пятеро! Что ж они сами мать сопроводить не могут?... Хотя бы до Ташкента, чтобы мне вручить, – отбивался я от своей назойливой совести. – Все меня ждут вечно!» – негодовал я, пытаясь от злости.

...Когда я остановился на полном скаку, оказалось, что бежать было в общем-то некуда. Я перестал спешить, и оказалось, что спешка – это глупая выдумка, суета-сует, иллюзия бурной деятельности, бессмысленной и бестолковой. Никто и не заметил во мне теперешних перемен, не удивился смене жизненного графика. Все это было важно тогда только для меня. Но в прошлом, а не сегодня. Я сам теперь не понимал, к чему тогда так неистово стремился. Меня несло и несло куда-то, а мать все ждала. Она всегда была терпелива. Мама.

Я снова вижу эту новую, жизнь с нуля, этот новый, купленный в рассрочку, домик, садик, который успела разбить мать незадолго до своей кончины.

Узнав о ее болезни, я срочно вылетел в Израиль, пройдя, как по этапу, через все мытарства, связанные с оформлением визы.

Мой белый ангел, нет, ничего я не почуял, увидев ее желтое, изможденное лицо. Но как ударило меня в грудь прямой и резкой наводкой, когда мать вручила мне собранные деньги, велел раздать последние долги за дом и поблагодарить людей за помощь.

И все же я опять уехал. По срочному звонку из Ташкента. Всего на два-три дня или на недельку, как уверял я маму. На какие-то дурацкие, никчемные соревнования, без которых мне можно было вполне обойтись. На состязания, которые мы все равно тогда проиграли.

– Скажи, Скажи!!! Оно мне было надо?!. Зачем, зачем же я тогда уехал?!. Зачем ее тогда оставил?!. – с отчаянием шептал я ангелу, но он молчал, и я продолжил горестный рассказ.

Через четыре дня я вновь купил билет на Тель-а-вив и набивал подарками свой чемодан, готовясь в рейс. Звонок прогремел, когда я уже заказал такси. Я побелел. Не поднимая трубки, я уже знал, что услышу.

Я опоздал к маме... Я опоздал всего на день. И это опоздание было теперь на всю жизнь. Кто опоздал, тот просто не успел.

А я ведь подсознательно ждал этого звонка! Предчувствие давило на хребет и подступало к горлу, не давая продохнуть. Как смел, как смел я улететь?... Как смел тогда ее оставить?... Я едва ташил к такси ватные ноги и волок за собой чемодан, огромный ненужный чемодан с запоздалыми подарками. Я уже не успел к своей живой маме и не должен был опоздать теперь, к ней умершей. Я летел к ней на крылатом серебристом самолете, который следовал по своему небесному маршруту согласно графику и расписанию с установленной на земле скоростью. А тот глупец, что нервничал и торопился, мог лететь впереди самолета, если у него это получится. Глупец нервничал и спешил, и каждая его глупая клеточка дрожала и спешила к матери.

– Хорошо тебе, Белому, на своих собственных крыльях, – выговаривал я ангелу. – А я не забуду до самой своей смерти, как торопил мысленно свой медлительный самолет, прищпоривал, как скаковую лошадь перед финишем... Ты знаешь, – вдруг сознался я ангелу, открывая свою страшную тайну, – знаешь, ведь я боялся мертвецов с самого детства. Я цепенел при виде покойника и никогда не мог себя заставить приблизиться к мертвому телу. Мать знала эту мою слабость. Она и здесь меня уберегла, опять оградила. Я

не прошел последних испытаний. Не видел мертвого лица, не целовал холодного чела. Она была уже одета в саван к моему приезду.

И проклял я свою сыновью слепоту, глухоту своего черствого сердца, свое неведение сокрытой от меня родительской любви. Неведенье такое глупое, такое подлое под твердой коркой сыновьего эгоизма.

И вновь взмахнул крылами белый ангел.

Странно, что видевший в снах весь его облик я не смог бы изобразить его, если б захотел. Только крылья да серебристый ответ и холодный жар слепящего сияния. Но ведь ночами были же со мной его глаза и повороты головы, дрожание белоснежных крыл. Ведь были же, были. Но не дано было его описать, как и увидеть ту серебристую пыльцу, которой он посыпал меня так щедро. А впрочем, я был склонен думать, что это просто седины, долго разглядывая поутру свою голову. Но седины не было. На ладонях не оставалось серебристого налета. И только руки мои стали более гладкими и шелковистыми. Я чуть было однажды не спросил об этом у жены, и был благодарен судьбе за то, что вовремя прикусил язык. Даже ей не смог бы я ничего рассказывать, и временами мне казалось, что я просто медленно схожу с ума от ночи к ночи.

Но белый ангел не посещал меня регулярно, он появлялся неожиданно. Перерывы между его визитами стали для меня прелюдией наших ночных свиданий, я проигрывал все, что пытался вспомнить, силился вложить кусочек яви в эти сны, как будто режиссировал свое следующее ночное видение. То я досадовал, что не все ему высказал, то пугался своей болтливости, а то и попросту стыдился. Чего же я стыдился, солидный и взрослый мужик? Собственных сновидений? Или того, что днем вновь и вновь неотступно возвращаюсь к ним?

В который раз я твердо решал не размышлять об этом. Но человек не властен над своими снами. Я был готов принимать снотворное, чтобы крепче спать, не мучась видениями. И тут же устыдился своего предательства. «Боже, не дай ему обидеться», – невольно прошептали мои губы. И он явился снова – небесный мой курьер.

Мутная река катила свои желтые воды. Мелькали, сменяясь, то деревья, то мазанки, то хлопковые поля. Поля, поля... То зеленые, а то и белые от хлопка. И знал я почему-то, что этот край, никогда мной ранее не виденный, – Катта-Курганский. Что мутную реку величают Кара-Дарьей. А эти люди, работающие в поле, зовут себя пайшанбинцами. То была мамина родина. И снова, захлебываясь и торопясь, стал объяснять я и рассказывать. Что? Зачем? Я сам того не знал.

Что я стремился доказать ему, о чем поведать? Ему, светящемуся и всезнающему. Видно стремился уготовить ей особое избранное место на небесах. Используя все земные грешные ходы той земли, где я родился.

Что пользы в этом было белому ангелу? Чего только не слышал он на этой земле! Где только не звенели его крылья!

Но он молчал и слушал, и посыпал меня серебряной пылью.

А я рассказывал ему и то, что знал и видел, и что смутно помнил из рассказов старших. И о бедняцкой многодетной семье, в которой выросла мама. И о бесребреннике деде с его пятью дочерьми и единственным младшим сыном. И о его горькой доле хлопкороба-труженника. Я рассказал ему даже об обреченной на провал попытке деда работать заведующим складом. Да, коммерсантом дед мой оказался весьма неудачливым. Обманутого, ободранного, словно липку-горемыку,

за крупную недостачу ждало тюремное заключение. Спасибо, не подкачали родственные связи. По наущению братьев мой некоммерческий еврейский дед был вынужден бежать в город Маргелан, в Ферганскую долину.

1935-1936 годы. Голод, разруха, мародерство. Нетрудно себе представить состояние моей бедной бабушки с шестерыми детьми без кормильца. На фоне всеобщей растерянности и отчаяния разогнулся и выпрямился тонкий и стойкий колосок – дочь Мафрат. Это она подала идею выпечки и продажи хлеба. Она колола и продавала шора-донак (соленые косточки). Собралось немного денег, окрепли мечты о соединении семьи. В Маргелан, к отцу, к мужу! – приближала каждая скопленная и отложенная на билеты бумажка.

Но опять беды и испытания! Видно, верно говорят в народе: «Что не камень, то по ноге хромого». Перед самым отъездом грянула девальвация денег. Купить билеты стало невозможно. «И вот тогда, тогда, ты слышишь, выходит дочь Мафрат. Мафрат, ты слышишь? С полными горстями мелких денег, желая как-то утешить нашу бабушку. И этой вот доложенной мелочи хватает на билеты».

Семья соединяется. Мало-помалу жизнь налаживается. Строится новый дом, постепенно тают долги. Время идет своим чередом, перемежая белое с черным. И вот война 1941 года.

Война. Глубокий тыл. Все для фронта, все для победы. Такой далекой и такой желанной. Голод, холод, изнурительный труд, бесчисленные похороны. Хлеб по карточкам. Запинаясь и подбирая слова, рассказывал я своему белому гостю о том далеком, не испытанном мной лично тяжелом военном времени. Трудно, когда не знаешь, да еще и забудешь. Но расспросить получше теперь было некого. И я рассказывал, как умел, только то, что хорошо запомнил, забегая вперед, возвращаясь, перескакивая с одного события на другое. Но гость мой терпеливо слушал. Видно такими горькими и достоверными были рассказы старших, что все эти военные годы казались пережитыми мною лично. Я говорил, как заведенный, боясь споткнуться на каком-то слове и замолчать, не найти в себе сил продолжить этот тяжкий путанный рассказ.

Итак, война. Мама, совсем еще девочка, работает наравне со взрослыми мужчинами на заводе, иногда в две смены. Однажды ее поставили на резку хлеба по карточкам. Видимо, это было на территории завода в столовой или, может быть, в магазине. Я и сам этого толком не знал или не запомнил. Но храбро продолжал свой рассказ.

Даже странно, как ярко мне представлялась в моих снах наша юная мама. Как будто ожили и раскрасились черно-белые плохонькие фотографии военного времени. Дрожащая, как натянутая струна, девочка покрывалась то румянцем, то смертельной бледностью. Она, как коршун, следила за руками тети Зейнаб, которая опытными умелыми движениями нарезала и взвешивала пайки хлеба. Маме накануне уже шепнули страшную тайну: все крошки хлеба Зейнаб отдавала к утру помощнице. Мама бережно расфасовывала драгоценные пайки хлеба и чуть не плакала от огорчения и отчаяния – ведь крошек было так мало! Зейнаб усмехалась, искоса поглядывая на убитое лицо молчаливой девочки.

– Успокойся! – вдруг сказала она ласково, погладив маму по голове. – Будет тебе твои крошки, поднакопятся до утра.

Уличенная в своих корыстных помыслах бедная наша мама вспыхнула и застеснялась до слез, словно воришка, пойманный за руку на месте преступления. К утру весь хлеб был нарезан и расфасован согласно подготовленным длинным спискам.

Шатаясь от усталости, шла домой наша мама, прижимая к груди драгоценный пакет с хлебными крошками.

– Бобо! Бобожон! Дедушка! Смотрите, смотрите, сколько хлеба! – кинулась она к деду, протягивая старику пакет с хлебными крошками.

Дед в то время был уже почти незрячим. Он подошел к внучке и стал бережно трогать крошки, едва касаясь их дрожащими пальцами. Затем поднес пакет к лицу и медленно с наслаждением вдохнул запах хлеба. Мама заплакала. И впредь всю свою жизнь, вдыхая любой приятный ей аромат, она моментально вспоминала своего незрячего деда, вдыхающего запах хлеба и трогающего дрожащими пальцами хлебные крошки, его такое счастливое, незащищенное лицо.

Война! Она коснулась всех. Со всех собрала свою жатву. Даже тут, в глухом тылу, горе не миновало нашу семью. В очереди за хлебом погибла младшая сестренка.

Дня за три до этой беды, как раз перед каким-то еврейским праздником, отец с младшим маминим братом разломали на дрова старый сарай, так как топить было совсем нечем. В самом дальнем и темном углу под полусгнившим тряпьем они обнаружили старый медный ларь с несметными по тому военному времени сокровищами. В ларе была еда! Две бутылки хлопкового масла, банка риса, сечка и бесчисленные крохотные мешочки с крупами, невесть как убереженные от крыс. Видно очень плотно прилегала к ларю тяжеленная крышка. Еда! Она жгла сердце неслышанной неожиданной удачей. Воздавая бесчисленную хвалу всемогущему Господу, усматривающему их мирские нужды, бабушка вдруг приняла решение сварить на праздник плов. Напрасно ее отговаривали муж и отец от такого безумно расточительного шага. Напрасно слабо возражали старшие дети, призывая к благоразумной экономии продуктов. Бабушка была непреклонна в своем решении. Она отмела все трезвые доводы и, решив приготовить на праздник этот плов во славу Божию, пустилась во все тяжкие. Ведь раздобыть морковь с луком тоже было делом нешуточным, а о мясе, конечно, и речи не было. Семья быстро смирилась с неблагоразумием хозяйки. Сама идея плова, пусть даже постного и бедняцкого, сводила с ума голодных людей. А бабушка, ликуя, клялась отцу и мужу, что знает какой-то великий секрет, который поможет всей семье наесться досыта этим пловом. Она уверяла, что обеда хватит с лихвой на всех.

Он и вправду получился царским этот бедняцкий постный плов военного времени. Жаль, что его было так мало. Бабушка долго делила плов ложками. Вышло по шесть с половиной столовых ложек на каждого. После того, как все проглотили свои порции, бабушка принесла большой кувшин сырой воды, приказала всем наполнить свои кружки и запить этой водой съеденный плов. Она вся светилась от радости, гордая своей хитроумной придумкой. Действительно, от сырой воды рис быстро разбух в животах, и семья легла спать счастливая и сытая впервые за долгие месяцы.

На дне казанка экономная бабушка оставила на утро неподделенной крохотную горсточку плова в три с половиной ложки. Решение возникло как всегда, внезапно и неожиданно. Кто пойдет утром отоваривать хлебные карточки, тому и плов. Это было справедливо, так как очереди были очень длинными, иногда можно было простоять целый день.

Жребий упал на двенадцатилетнюю Ханну. Никто тогда еще не знал, что это был перст судьбы. Девочка, которой досталась такая вкусная горсточка плова, весело схватила карточки и убежала за хлебом.

Ее не было как-то уж слишком долго. Уже смеркалось, когда к ним во двор зашли два милиционера и увели за собой отца. Останки Ханны принесли ближе к ночи. Голодные, ожесточенные люди в этой бесконечно длинной очереди расправились с девочкой, думая, что она берет лишний хлеб. И слишком поздно поняли, что карточки отоваривались на очень большую семью.

Вдали от бомбежек и затемнений, в глубоком тылу, без выстрелов и разрывов гранат тоже шла война. Война собирала жатву.

Вспоминая о Ханне, бабушка хватала себя за волосы и билась головой об стенку. Затем неизменно вспоминала о горстке плова, которым в последний раз накормила свою девочку. Каким-то образом она утешала ее эта горстка риса. Видимо, казалась ей доказательством заботы и любви к погибшему ребенку.

Каждый год бабушка и мама доставали из семейного альбома плохонькую фотографию большеглазой серьезной девочки, глядевшей на мир чуть исподлобья ласково и застенчиво. «Леуль нишмат Хано бад Ёфо», – произносили они поминальную молитву, зажигая свечи и скорбно глядя на фотографию девочки. Девочки, которая ничего не успела в своей жизни: ни вырасти, ни выйти замуж, ни нарожать детей, но которой удалось съесть три с половиной ложки вкусного плова в самый последний день своей маленькой жизни.

Война закончилась. Потихоньку налаживалась мирная жизнь.

Мать уже стала работать в типографии, помогая родителям. В год, когда ей исполнилось 27, ее выдали замуж. Возраст не малый для еврейской девушки и в наше-то время, а уж в ту пору... Парня ей находят красивого, бесшабашного здоровяка, только что отслужившего армию.

Кто-то из знакомых, ссылаясь на достоверные источники, утверждал, что самый длинный сон, который снится будто бы всю ночь, на самом деле продолжается от сорока секунд до двух минут не более. Я не готов был верить этому. Но все же вздохнул облегченно, надеясь, что не очень утомил своего белого гостя.

«Спокойно! Тебя просто подкосила эта неожиданная смерть», – говорил я себе наутро. И вновь тянулся длинный шлейф воспоминаний, едва уместающихся в мои сны.

То виделись мы с братишкой, с восторгом несущие на веточке огромного скорпиона, твердо уверенные, что поймали зеленого богомола, и белое от ужаса мамино лицо, когда она выбивает у нас из рук эту ветку вместе со страшной и мерзкой добычей.

То при свете лампы мы все учим уроки, а мать, задумавшись, глядит в окно, не слыша нашего гула, уронив на колени какую-то штопку.

То меня больно дерут за уши за выстриженные младшему братишке брови и ресницы.

И вдруг слышится мне горестный мамин вскрик и отчаянный всплеск ладоней. Я снова вижу, как, постанывая от огорчения и досады, она ползает на коленках, пытаюсь собрать с пола ртутные шарики, которые дробятся и множатся, не даваясь ей в руки. Слышу причитания над разбитым мною единственным градусником.

Мне самому казалось, что я проглотил ртутную каплю. Ту самую из медицинского градусника. И она дробится и множится. Множится и дробится, разливается по закоулкам моей заблудшей души. Органа, кстати, так и неизвестного медицине. Ведь как бы не ныла эта душа, кто определит ее местонахождение? Болит? Душа? А где? В каком она месте? Сердце, печень,

селезенка? Ах, да, что-то в груди! Бегают ртутные капельки, плодятся и множась! И хочется вдохнуть поглубже, но страшно лопнуть от какой-то силы, что распирает грудь и рвется из тебя в поисках выхода.

И мне казалось в ирреальных своих реальностях снов и явий, что этот выход почти найден. Но он где-то в лабиринте, не просчитать который и не вычислить. И Богу Единому известен его вход и выход. Так я научился читать Тору.

Никогда, никогда не забыть мне первых семи дней со дня кончины мамы. И все же четкость этих воспоминаний нарушена, как резкость в телескопе, как сны мои, диковинные и смутные. Но так незнакомо и резко сжимало сердце от Кадиша. И голос раввина, распевающего слова молитвы, проникал в такие уголки моего подсознания... Такая ошущалась общность ликов, неведь откуда взявшаяся.

О, эти скорбные лики знакомых и полузнакомых людей, узнаваемых еще вчера по привычной хитрости и плутоватости взгляда.

Шло время, а лики, проступившие на практичных, до боли знакомых лицах родных и приятелей, эта общность знакомых и незнакомых между собой людей продолжала помниться и тревожить. Так я приобшился к синагоге.

Мой белый ангел, что можно рассказать тебе о том, как постигал я, будто первооткрыватель, простое и сложное – законы Божьи.

Не знает зрелости не хоронивший близких. Я породнился с теми, кто терял. Стал примечать я это со дня ничем не примечательного, когда беда в доме человека не только мне чужого, но и чуждого и даже ненавистного, прокралась в мое сердце и, оставив след в душе, сроднила нас на миг, как братьев.

А ведь сколько раз мне хотелось его прибить и уничтожить, этого своего врага, сколько раз, трясаясь от гнева, я мечтал раздавить эту гадину. Меня урезонивали. Мне объясняли компетентные органы, что это просто кверулянт, к фантазиям которого никто и не прислушивается. Смешное, вычурное слово «кверулянт» чуть меня отрезвило, охладило мой гневный пыл и стремление к отмщению. Я уже не мечтал его придушить, хотел просто дать ему разочек в морду. Но в тот похоронный день, когда мой враг повторял за раввином скорбные молитвенные слова утраты, я позабыл свои обиды. И уже почти не помнил, как меня не допустили к рейсу самолета, как унижительно тщательно обыскивали по его ложному доносу, то ли в связи с наркотой, то ли еще с бог весть каким криминалом. Как я не попал на Чемпионат мира по его ложному доносу о якобы применяемом мною допинге. Как сдавал тогда анализы, выслушивал угрозы и обвинения. Как сняли меня с еще одной большой игры из-за этой сволочи. Как принимал я потом запоздалые извинения. Я вдруг забыл, как ненавидел этого писаря, эту гадину, мешающую мне жить и работать. В тот скорбный для него день он больше не был для меня врагом. В тот миг я помнил лишь о том, что он хоронит мать. Я породнился с теми, кто терял.

Мой гость не прилетал четвертые сутки. Я плохо спал и нервничал, поджидая его ночи напролет, и поражался своей дури, и снова ждал. Потом твердо решил взять себя в руки. Вздвинченный и опустошенный от своих снов и бессонниц, я отправился на вокзал и купил билет на самый ранний субботний рейс в Маргелан. Я не позвонил тете Шляпе, не известил никого о своем приезде. Мне хотелось сделать сюрприз, и в этом был какой-то кусочек ушедшего детства. Дома в тот вечер я был особенно молчалив и даже отказался от ужина, выпив лишь стакан чая. Рассеянно просмотрел спортивные новости и прошел к себе в комнату. Я приготовил паспорт, купленный на поезд билет,

деньги. Сложил подарки в небольшой рюкзак и завел будильник. «Явись! – попросил я белого гостя. – Явись сегодня! Ведь завтра я уеду к тете Шляпе. Я не буду больше тянуть как прежде. Я слишком хорошо помню, как однажды не успел к маме. И теперь мне страшно что-то откладывать. Потому, что теперь я знаю, как надо спешить, как надо торопиться к еще живым».

Я сомневался, будет ли являться в снах в Маргелане мой заоблачный гость. Из-за этого все откладывал свою поездку. Сегодня я наконец созрел и все решил. «Она не будет больше одинока. Не будет», – твердил я, как мантру.

Удивляясь себе, я привязывал к местности свои сны и крылатого гостя, уговаривал себя, что сны мои – лишь плод моих фантазий. Они были напрасны, эти уговоры. Я не верил себе. Слишком привык я ждать белого заоблачного гостя готовился к этим встречам, прикипел к ним, будто к наркотику. И вот сейчас мне нужно было доказать ему что-то очень важное про свою тетю Шляпу и внушить себе и ему, что я еду к ней и за ней. К ней и за ней. Что никогда она уже не будет одинока, пока есть ее «двоюродный» сын. Что привезу ее к себе, погостить или навсегда, как она сама того захочет. Я еду к ней и за ней. Как же долго и преступно я созревал.

Почему-то я не обсуждал с женой своего решения. Как ни странно, но мне был важен только он – белый гость. Мой молчаливый белый ангел, который мерцал, слушал и посыпал меня серебряной пылью. Только его я хотел увидеть, ему рассказать и получить от него молчаливое одобрение.

«Явись», – попросил я снова, закрыв глаза.

И вдруг увидел над собой черно-синее маргеланское небо и яркие крупные звезды с чайное блюдце, висящие прямо надо мной, как яблоки. Вокруг шумел прекрасный мамин сад. И хлынули на меня все ароматы маргеланского босоногого детства: запахи горячего хлеба, цветов душистого табака, пахнувшего земляникой винограда «Изабелла». Я ошущал свежесть хрустящего морозного белья, сложенного стопкой у печки, и неуловимый запах свежeweымытых женских волос в натопленной комнате, и терпкий запах солнца, жаркого, щедрого маргеланского солнца, которым пахла мама, когда я ее целовал.

Ночной мой дом заполнился туманом.

Он вновь возник из сонной пустоты.

И облетел меня три раза, почти крылом касаясь головы.

И понял я: в последний раз все это.

И поднял голову навстречу тем крылам.

И тут сквозь сноп сверкающего света

Я в первый раз узнал его лицо.

Тогда рванулся я к нему навстречу и криком диким пробудил весь дом.

Но гостя, расправляя крылья, мне пригрозила пальцем, словно в детстве.

И голос строгий я опять услышал, знакомый и такой родной:

– Ты разве все уже, мой сын, закончил? Донес всю ношу? Сделал все дела?

Я разве так тебя всегда учила? Прошай, мой мальчик, мне уже пора.

Ко мне тебе еще пока не время. Мать подождет, не думай обо мне.

Она взмахнула белыми крылами... А в комнату мою почти вбежали испуганные дети и жена.

ПОЭЗИЯ

Коснись луча ладонью и лети...

Бабочка смысла молчит в янтаре формы,
Что это слово значит, никто не помнит.
Ни родственников, ни друзей у него не осталось.
Так и бродит, безродное, по языку,
не растворяясь в нем и уже не старясь,
но неизменно точно ложась в строку.

Это – наречие. Ему доверяют на слово.
В нем только жесткая, точно хрящи, основа.
Само себе аксиома, лишённое всех корней,
оно инородно среди суетливых своих потомков.
В толкающемся волнами тугом речевом потоке
оно тяжело, как камень, лежащий на самом дне.

Придержишь его за щекой, чтобы запомнить вкус,
потому что молчание – важнейшее из искусств.
Под скорлупой наречие прячет его ядро.
Достигшее совершенства, само по себе урок.
Единственное отражение на весь коридор зеркал.
Секрет вечной жизни в учебнике русского языка.

Все, что под вечер замерло, встав наперекосяк,
утро рисует заново, правки свои внося.
В небо взбегают лесенки, нежно гудят стволы.
Глупые радиопесенки становятся вдруг милы.
Словно лучи рассветные красят не в те цвета
наши попытки бледные старый сыграть спектакль.
В спектре надежд и чаяний – хрупкая завязь дня.
Света крыло случайное мягко толкнет меня.
Утренние, беспечные, тянутся облака –
это про что-то вечное сверху бежит строка:
птичьи уроки чтения, облачные слова,
смутный язык свечения, внятный едва-едва...

**Вика
ОСАДЧЕНКО**

Родилась в 1980 г.
в Ташкенте. Окон-
чила факультет
журналистики
НУУз. Участник
Ташкентских от-
крытых фести-
валей поэзии.
С 2006 г. член
СП Узбекистана.
Автор сборников
«Пейзажная ли-
рика», «Егоркины
сказки», «Воздух»,
«Наяву и никог-
да», «Ноябрь».

* * *

Первое из сердец загорается от любви,
а второе – чтобы не были дни темны.
Третье сердце хотело тепла, но сгорит дотла.
Боль его прорастет однажды, насквозь света,
но пока я возьму свое и зажгу его от вины.

А когда твое сердце тоже поплывет в ледяном нигде,
отпускай его осторожно, как свечу по ночной воде.
Как ребенку на ручку, повяжи ему кузmunчок.
Золотистый свет уколёт тебя в зрачок.
Только этого ты хотел, только этим ты и владел.

Нескончаем счет, и река течет, и огни горят,
словно звездочки по воде утекают в ряд.
Вот еще одна загорелась.
И еще одна.
И еще.

* * *

Постоянный шум человеческого жилья.
Многоцветных машин горячая чешуя.
Тот некрупный объект на обочине – это я.

Наугад бреду и дойду, глядишь, до моста.
А река – не сказать, чтоб была широка или там чиста,
но зато течет, а детали уже не в счет.
В городских пейзажах – особая красота.

На мосту горячо – не дотронуться до перил.
Пассажир моста понимает, что он приплыл,
замедляет шаг и вообще умеряет пыл.

И на берег сходит, неспешность реки впитав,
под тяжелый воздух и в пыльные руки трав.
Дальше можно плестись, устав, иль нестись стремглав –
перешедший мост обретает надежный тыл.

Так что я все иду, как по запаху зверь к воде.
Только блики и тени на мутном ее холсте.
Ежевика растет на замусоренном кусте.

Все иду, молчу, во рту у меня стихи.
Шевелю плавниками на дне воздушной реки.
Ты глядишь на меня с высоты, где ты строишь свои мосты,
где летят они и звенят, невесомы и широки.

* * *

Коснись луча ладонью и лети –
встречать слова, уставшие в пути,
и звездочки выпутывать из строчек,
и разбирать ветров небрежный почерк.

Ты слышишь, как стихают голоса,
протянутые вслед о возвращенье?
Прощанье ли, прощенье, превращенье? –
как ниточку с одежды обрезать...

* * *

Ей привиделось море в коротком сне.
Не такое, как вправду; не море; не
глубина – ширина – длина,
но идея была ясна.

Ей хотелось по берегу пробежать
вдоль холодного шаткого рубежа
со скелетом морского ежа в руке
босиком належке.

А ее уводили куда-то вбок,
где песок удержаться уже не мог
и стекал, как в песочных часах, назад,
не успев ничего сказать.

И она – волну, и волна звала,
но ей в руки совали уже дела,
и вгоняли крючки, и несли тиски,
и велели надеть носки.

А в последнем просвете, в остатке сна
билося море, холодное дочерна.
И осталось только глаза разжать,
не сумев его удержать.

* * *

Всё мимо рук, всего наперечет.
Уже непоправимо упускаешь,
уже заносит солью и песками
последнее, что дышит и течет;
уже живешь и чувствуешь кусками –

как будто ты стоишь холодной ночью
в пропахшем кофе аэропорту
и ждешь не то родню, не то мечту.
А рядом самолетов многооточья
бесстрастно набирают высоту.

* * *

а если я вообще не человек –
а чье-то обещание вернуться,
неосторожно сказанное слово
оживлено чужой тоской и даром? –
и, загнанное в плоть, как под плиту,
растерянное, мечется меж стен;
как слабый след; как гаснущее эхо
от голоса, что навсегда звучит
под этим небом, выцветшим к июню.

* * *

Когда все войны скомкает в одну,
и правых в этих сварах не найти –
останется рвануть,
на выход все, и господи, прости.

Какой мы дивный мир не сберегли.
Жгли города и рушили леса.
В золе, в пыли
теряет эхо наши голоса.

* * *

Сцепляются какие-то крючки,
и мысли развернуться не пускают,
и думаешь неровными кусками,
как через запотевшие очки:

тому назад какое-то число...
И лица словно плавятся с годами,
а жизнь легла, как карты для гаданья,
где равнозначны и добро, и зло.

* * *

Скольжение, кружение, и затем
лист падает на собственную тень,
и стрелки переводятся назад,
где он, снабженный тенью лучом,
споткнувшись на лету, клюет в плечо.
Сбивает счет, закольцевав абзац.

И заново в тебя влетают два
обрывка – темноты и вещества,
пока их не заучишь наизусть.
И тень лежит, прижатая листом.
И лист скользит в податливый простор
над двойником, распластанным внизу.

Наши тела
сотканы из тепла.
В каждом из нас танцует
солнечная игла.
Что за узор рисуют
взмахи ее крыла?

Смерть – ледяная сказка,
взятая под стекло.
Жизнь расточает краски,
выделяет тепло.
Смотрит душа с опаской,
как за окном бело.

Где там поют аутекам
золотые цветы?
Где собратья по цеху
ноты и немоты?
Страшно жить человеку
с пустотою на ты.

Вот мы и кормим пламя
маленького костра,
чтобы цвело над нами
солнечное вчера –
а будущее рывками
хлещет из-под пера.

Не удержать дистанции,
чтобы не занесло.
В танце на крайней станции
кружат добро и зло.
Что им от нас останется?
Вдоль пустоты протянется
солнечное тепло.

Надо мной летит пылинка.
Подо мной растет былинка.
Я тусуюсь в серединке.
Все мы, в общем-то, родня,
толпы тварей разномастных.
Это жизнь тасует маски,
хмурит бровки, строит глазки,
ливнем хлещет сквозь меня.

Переполненным ковчегом
мир с горами, морем, снегом,
с птицей-зверем-человеком
храбро в космосе плывет.
Со страницы на страницу
Приближают звезды лица,
и щеотно их ресницы
прошивают небосвод.

Мы бежим по круглой сцене.
Режиссер глядит с сомнением.
Нам в горячке превращений
не хватает слов и нот.
Вот мы все – в пальто и в перьях.
В рыбьем гриме, в теле зверя.
Пусть он взвесит и отмерит.
Скажет «Верю» и кивнет.

НОВЫЕ ИМЕНА

ДВЕРЬ*Рассказ*

Он с растерянностью посмотрел на новую красивую железную дверь. Сегодня первая ночь, когда Антон наконец-то сменил старую деревянную дверь на более прочную и защищённую. Он вложил в ремонт своей трешки почти полугодовой доход, именно доход, а не официальную заработную плату, и эта дверь была финальным штрихом в ремонте. Внешне она ничем не отличалась от других, но ее прочность была на порядок выше, да и конструкция была продумана до мелочей: от встроенной системы наблюдения до сверхпрочности, практически до невозможности взломать ее снаружи, хотя взорвать, наверное, можно было. Но в фирме пообещали, что в таком случае дом развалится, а дверь продолжит стоять. Большой железный ключ, призванный запирать и отпирать эту дверь, попросту застрял в замочной скважине, категорически отказываясь двигаться в каком-либо направлении.

На кухне уже styl чайник, из комнаты доносились звуки музыки 80-х, на полу валялась полупустая пачка сигарет, а он уже минут двадцать безрезультатно пытался сдвинуть ключ. Казалось, что тот просто прирос к двери, стал её частью, и никакой он не ключ вовсе, а всего-навсего запасная ручка. Наконец Антон понял, что своими силами здесь не справиться, и прекратил дергать ключ, нагло торчащий из плоскости двери.

Пятничный вечер был полностью испорчен сим незатейливым происшествием. И, казалось бы, такая маленькая штучка – ключ – способна полностью убить большую радость в душе человека. Хотя Антон знал цену маленьким вещам. В своей адвокатской практике он не раз одерживал верх именно благодаря очень маленьким деталям (прямо как ключи от дома), с которыми мы настолько свыклись, что уже просто не замечаем их особенности, неповторимости узора на куске железа и характера. Но, видно, из-за того, что характеры не всегда сходятся, порой что-то застопорит, впрочем, как и в жизни, когда всё вроде и движется, но с трудом,

**Алексей
ПОТАНОВ**

Родился в 1991 г. в Алма-тыке. Окончил факультет зарубежной филологии НУУЗ, публиковался в журнале «Гармония», в настоящее время магистрант кафедры мировой литературы НУУЗ. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

со скрежетом притираемого друг об друга металла. В таких случаях человеку приходится что-то ломать, изменять в себе или своём окружении, расставаться с привычным укладом жизни, менять список контактов. Но ломать ключ Антон не хотел, понимая, что его ситуацию это явно не изменит, а, может, наоборот, только усложнит.

Антон уже позвонил в службу спасения, но спастись его никто не собирался. А точнее не мог. Согласно уставу для того, чтобы вскрыть квартиру, ее хозяин должен находиться со своим паспортом снаружи, и никак не внутри пусть и собственной квартиры. На все уговоры, мольбы, восклицания Антона диспетчер равнодушно отвечала, что так положено, и принималась в который раз объяснять процедуру экстренного взлома хозяйских дверей. Когда Антон понял, что разговор ни к чему толковому не приведет, и общение скорее с механическим роботом, чем с человеком, пришлось нажать телефонную кнопку отбоя и начать действовать самостоятельно.

А действовать было просто необходимо: завтра на десять утра была назначена встреча с очень выгодным клиентом. Виновность его семнадцатилетнего сынишки даже не ставилась под сомнение. Авария, которую тот устроил почти в центре города, произошла днем при свидетелях, да еще и с летальным исходом. Поэтому перед Антоном стояла задача – не допустить, чтобы мальчик попал за решетку. Дело из простых: нужно всего лишь доказать, что виной всему некачественное железо, но никак не человек, который, рискуя собственной жизнью, всячески пытался предотвратить катастрофу. К тому же удача явно улыбалась Антону, потому что дело вёл давно знакомый ему милиционер. Уже не раз он помогал Антону потерять или довести до ума различные документы из дел его подопечных. Само собой, помощь была не безвозмездной, но расходы брала на себя сторона клиента, поэтому и сейчас Антон был полностью уверен, что заключение нарколога неожиданно испарится из пока ещё тоненькой папки.

В голову пришла мысль – позвонить маме, но что в этой ситуации могла сделать старая женщина. Мама его хоть и была весьма активной для своего возраста, и, возможно, даже способна была найти нужных в данной ситуации людей, но... Опять вечные унижения, попытки доказать полную несамостоятельность Антона, опять жалобы на жизнь, несмышлениша сына, упреки... Мать слишком авторитарная женщина, чтоб спокойно признать, что ребенок вырос, и у него может быть свое мнение и вообще что-нибудь свое. Антон до сих пор с содроганием вспоминает день переезда в собственную квартиру. Скандал, который тогда разразился, по мощности можно было приравнять к урагану Катрина. Мать неистово билась в истерике: вот дожила на старость лет до одиночества, обвиняла ещё не уехавшего Антона в том, что он полностью о ней забыл. Когда слезы не помогли (впрочем, они уже давно не помогали, так как их было слишком много по поводу, а еще больше без повода), началась психологическая атака: Антон, мол, опять набедокурит, а ей – старой и больной женщине – потом разгребать его проблемы. Антону всегда хотелось узнать о каких проблемах она говорит, но, не получив ответа однажды, он больше не возвращался к этому вопросу.

Постепенно их отношения с матерью сошли на нет, но не потому, что этого хотел Антон, он как приличный сын звонил через день, интересовался самочувствием, приезжал в гости раз в неделю, пока однажды его мать в довольно

жёсткой форме не высказала, что, даже уехав от неё, Антон продолжает мешать ей своим обильным, но пустым вниманием. С тех пор она сама навещала к нему, когда ей заблагорассудится, ни разу не предупредив о своем чаще всего очень позднем визите. Приезжала она в основном в перерывах между сериалами с коробом очередных поучений о том, как нужно жить, с кем нужно спать, что можно есть и прочее. Антон уже давно ей не противоречил, молча принимая факт ее присутствия в своей жизни, понимая, что все его доводы будут использованы против него же. Поразмыслив, Антон решил не звонить маме, т. к. он явно не готов к очередному её пришествию.

Просматривая список контактов в своём телефоне, Антон наткнулся на номер бывшей жены. В голове промелькнула шальная мысль попросить помощи у нее, но...

Ольга была доброй простой девушкой. Порой казалось, что единственный смысл её жизни – накормить и обогреть всех страждущих в округе. Даже сейчас, после развода, уже разменяв четвертый десяток, родив двоих детей, она по-прежнему смотрит на этот мир довольно наивными глазами, продолжает верить людям.

Антон часто задавался вопросом, как Оля решилась на развод?! Наверное, для неё это был просто героический поступок. Хотя понимал ее. Их семейные отношения больше напоминали отношения короля и слуги. За шесть лет Ольга просто устала от невольного заточения в четырёх стенах, нескончаемых болезней детей, постоянных уборок, стирок, готовки и вечно недовольного вида Антона. Бытовуха, как ржа, съела их обоих. Они продержались бы дольше при наличии чувств, но у Антона последние два года совместного проживания не было даже влечения, а чего-то другого не было никогда. Он предложение ей сделал только потому, что нужно было уже обзаводиться семьёй, возраст... А Ольга его любила, детей рожала, чтоб как-то зажечь, она же не знала, что зажигать-то нечего было. И врут, когда говорят, что моей любви хватало на обоих, ничего подобного, со временем даже на одного не хватает.

Развод прошёл очень удачно, правда, только для Антона. Воспользовавшись своими связями, он оставил Ольгу без всего, даже алиментов она не добилась. Добрые люди помогли доказать факт измены, поэтому судья был на стороне «потерпевшего» мужа.

«Да, хорошо мы в тот вечер посидели с Жориком, – улыбнулся Антон, вспомнив, как вечером с судьёй кутил в сауне. – Было же время».

Звонить бывшей тоже как-то расхотелось. Да и часы показывали полночь. Дети, наверное, уже спят. Иногда Антон жалел, что все так вышло, а временами даже скучал по своим двум мальчикам. Но особой любви к ним он не испытывал, дети в его планы не вписывались. «Дети хороши в старости, – думал Антон, – тогда с ними можно играть, разговаривать, баловать, а пока что нужно жить, работать, делать себе имя. Пусть растут, вот вырастут, тогда ладно, можно будет с ними пообщаться, а сейчас они только мешают. Какой от них прок?»

Антон методично просматривал список контактов своего смартфона. Номера клиентов сменялись в алфавитном порядке, но позвонить с такой проблемой было некому. «Репутация превыше всего», – Антон помнил главную заповедь адвоката. Наконец на букву «К» нашёлся нужный номер. «Колька, друг детства, вот он точно может мне помочь», – радостно мелькнуло в

голове и он нажал кнопку вызова. Ответили только на третью попытку дозвониться.

– Да, – холодно и резко сказали в трубке.

«Жена, – подумал Антон, – та ещё мегера. Страшная, жирная, вредная, где он её только нашёл? Как же её звали? А, не важно», – а вслух произнёс:

– Добрый вечер, а можно Колю?

– Не вечер, а ночь на дворе, и нельзя Колю, – отчеканили в ответ.

– Почему? – искренне удивился Антон.

– С того света вам его подать! – завершила разговор женщина.

«Чеканутая баба», – решил Антон и отложил телефон.

Заварив себе кофе, он молча прикурил сигарету и задумался. Ночной прохладный воздух игриво резвился клубами испускаемого дыма, а мгла зияющего проёма окна не выражала абсолютно никаких эмоций, пребывая в полном темном покое.

«Почему она так сказала, – думал Антон, – странные шутки. Я же вот недавно видел его живым и невредимым. Ну, почти невредимым, конечно, все-таки он лежал в больнице, но уж точно живой. Я тогда как раз купил себе машину, – Антон нахмурился, – синий кобальт, – прикусил нижнюю губу, – которую год уже как поменял». Антон вздохнул. Он вспомнил, как полтора года назад Коля вляпался с процентами и попросил в долг довольно крупную сумму денег, а Антон ему отказал. Деньги, конечно, были, но они собирались на машину, уж очень хотелось Антону именно синий кобальт. Машина ему быстро наскучила, и он её поменял. А вот Колька попал в больницу. Ему то ли почки отбили, то ли печень повредили, то ли ещё что, но врач заверил, что все будет в порядке, сердце сильное, так что жить будет нормально и долго.

* * *

«Должен же быть в этом дурацком телефоне хоть один контакт, по которому я мог бы позвонить?!» Антон был фактически в бешенстве. Он уже раз пять пролистывал список номеров, но так и не нашёл, к кому можно было обратиться за помощью. «Я крутой адвокат с кучей связей сдохну в собственной квартире из-за того, что мне не к кому обратиться? Что за бред, не верю! Не верю!»

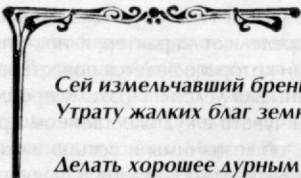
Он обзвонил всех своих любовниц, но ни одна не взяла трубку. «Видно окучивают очередного богатея», – думалось ему, и совсем не приходила в голову простая мысль, что ни одна просто не захотела ответить на звонок и вновь хоть ненадолго впустить его в свою жизнь. Он звонил даже тем, кого просто не мог вспомнить по имени. Кто-то отвечал, кто-то нет, кто-то был свободен, кто-то отдыхал в ночном клубе, кто-то оказался сокурсником, кто-то клиентом, которому отказали из-за неплатежеспособности, кто-то так и остался неузнанным, но ни один человек из этого огромного списка номеров не захотел бросить свои дела и хоть как-то помочь Антону, хотя бы простым человеческим сочувствием. Но больше других отличилась старушка из квартиры над ним. Услышав о его проблеме, она помолчала, а потом расхохоталась. Её дикий смех напоминал ведьмовскую истерию во время шабаша, казалось, будто она смеётся не по телефону, а где-то здесь, в квартире, стоя на новеньком паласе.

Начинало светать. Стрелки часов приближались к шести утра. Антон минут сорок сидел, сложив ноги по-турецки, перед своей уже ненавистой новенькой дверью, раскачиваясь вперед и назад. Он понимал, что ему уже 36, и что никакой он не успешный, а на самом деле ничего собой не представляющий, что все, чего он достиг – это глупая сытая никчемная жизнь, которая ничего не стоит, и даже его одиночество оказалось каким-то глупым и тяжким бременем.

Взгляд Антона привлекла наклейка на двери, которую он не видел прежде. Почти бесцветная надпись гласила: «Надавить и повернуть». Минут пять он смотрел на надпись, как баран на новые ворота, не понимая, что бы это значило: «Надавить и повернуть, надавить и повернуть...» Диким звоном будильника часы оповестили, что наступило шесть утра. «Надавить и повернуть!» – Антон резко сорвался с места, не обращая внимания на то, что в глазах потемнело, надавил на ключ и повернул ручку двери.

С тихим шорохом дверь открыла перед ним лестничную площадку. В окне подъезда напротив его двери было видно дерево со множеством щебечущих маленьких птичек, с удовольствием приветствующих новый день. Ключ с приглушенным звоном упал на цемент. Антон медленно проследил взглядом за куском железа, потом взглянул на птиц и еще раз пристально посмотрел на сиротливо лежащий ключ. В этот момент ему открылось нечто важное, он что-то решил для себя и с ледяным спокойствием потянул дверь на себя.

Дверь равнодушно захлопнулась... ведь её главная задача – защищать.

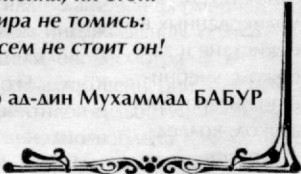

*Сей измельчавший бренный мир, пойми, не стоит наших слез,
Утрату жалких благ земных оплакивает лишь глупец.*

*Делать хорошее дурным людям – то же самое,
Что поступать дурно с хорошими людьми.*

*Когда назначена судьба, ее никто не обойдет,
И не помогут ни борьба, ни боль терпения, ни стон.
Весельем одолей недуг и скорбью мира не томишь:
Единого мгновенья мук, поверь, совсем не стоит он!*

Захир ад-дин Мухаммад БАБУР

литературоведение. литературная критика

**Насрулла
МИРКУРБАНОВ**

Кандидат филологических наук, профессор, авторитетный филолог-русист. Родился в Ташкенте в 1942 г., окончил Сырдарьинский госпединститут, работал преподавателем и деканом в вузах. С 1992 по 1995 год был на дипломатической службе, автор многочисленных литературоведческих статей, опубликованных в Узбекистане и за рубежом, учебников по литературе для школ, колледжей и вузов.

«ЖИЗНЬ... УСТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРУ»

Что бы ни писали современные критики о главном или высшем назначении литературы на земле, всё-таки неизменным и неоспоримым остаётся пушкинское – пробуждать в людях чувства добрые.

Роман Михаила Пака «Мандарины для Хелен», хорошо известный узбекистанскому читателю, как раз и есть довольно искренняя попытка писателя пробудить те самые «чувства добрые», изложив небольшую, но очень занимательную историю простого корейского парня по имени Кан Соволь из Сеула.

«Как бы мы ни понимали добро, – утверждал великий Лев Толстой, – жизнь наша есть не что иное, как лишь устремление к добру»¹. Совершенно очевидно, что ценность всякого художественного произведения в первую очередь определяется тем вкладом в «добро», в формирование добрых чувств, который вносится автором произведения. Именно тяга к добру, каждодневная потребность в нём, определяют характер и поступки главного героя, от имени которого ведётся повествование в романе «Мандарины для Хелен». Поэтому проблема добра, мир красок и чувств в художественном произведении, безусловно, общезначимы и весьма важны и для литературы, и для литературоведения. Очевидно, что совершенно необходимо seriously осознать и обозначить эту проблему в литературоведении.

Писатель не случайно даёт ему чрезвычайно значимое для каждого корейца имя Соволь. Ушедший из жизни молодым ещё в начале 30-х годов XX века Ким Соволь и сегодня является самым признанным поэтом Кореи. Его любят все корейцы независимо от возраста и политических взглядов, так как поэт Соволь – непревзойденный по мастерству певец любви и природы.

Герой Михаила Пака Кан Соволь унаследовал от своего тезки страстную влюбленность в природу Страны Утренней Свежести, он восхищается простотой и сердечностью жителей острова. Почти идиллический

¹ Л. Толстой, Афоризмы <http://www.orator.ru/tolstoy.html>

мир сельчан читатель воспринимает преломленным через призму ощущений лирического героя. Писательской манере Михаила Пака свойственна мягкая неторопливость, но не та, что сродни понятию медлительность, скорее это ментальное спокойствие, экзистенциальное ощущение времени и пространства, унаследованное Паком по крови у Востока.

К примеру, детальное и скрупулезное описание местности, работы на мандариновых плантациях и в оранжерее, поездки и пробежки героя по острову должны бы утомить читателя, но этого не происходит, так как к перу писателя как бы незаметно пристроилась и кисть художника. Безусловно, именно этот симбиоз пера и кисти позволил автору мастерски передать «аромат» и природную магию цвета скупыми мазками русского наречия, а читателю почти наяву увидеть причудливый мир южнокорейской флоры и восхититься поистине сказочным пейзажем острова Чечжудо. «Вслушаемся» в размышления Кан Соволя:

«Я увидел перед собой необъятную панораму. Зеленое плато впереди постепенно переходило в розово-голубое, виднелись белые домики с черепичными оранжевыми крышами, улочки, сады, а дальше кромка берега и синий океан. Океан, бесконечный, где-то высоко сливался с небом. Затем, поворачиваясь, я увидел вдали город, как на ладони, за городом тот же океан, потом кипарисы и рисовые плантации, потом – холмы-орумы, словно верблюжий караван, уходили и таяли в дымке, потом – вновь сады и городок поменьше, потом – гора Халласан, которая отсюда казалась игрушечной и не такой высокой, за ней ветряки с тонкими лопастями, потом – вновь холмы, но с полями ярко желтого рапса... Мне казалось, что я наблюдаю первозданную картину мира».

Создаётся впечатление, что время остановилось, и ты уже не читаешь текст, а разглядываешь художественное полотно, вглядываясь в палитру красок, различая детали. Размеренность повествования способствует визуальному восприятию слова, отображающего натуру.

В романе «Мандарины для Хелен» перед читателем предстаёт многополярный, но совершенно субъективный мир, увиденный глазами и воспринятый сердцем молодого человека, который только начинает принимать серьезные решения в жизни. Мир этот густонаселен. В нём обитает огромное количество говорящих на разных языках, не похожих по цвету кожи, отличающихся по культуре и вероисповеданию, но очень порядочных и по-своему интересных людей, живущих на разных континентах.

Это русский инженер Игорь Ковригин и француз Жан Бертран, потомок голландских моряков Ди Дарён, по прозвищу Рыжий Хамель и фермер Нам Суён, хозяйка «мандариновой усадьбы» миссис Эйко и ныряльщицы «хэннё», полицейский из Эфиопии Тукеле и довольно дерзкая, но, несмотря на это, чрезвычайно очаровательная школьница-корейка Моа из Швейцарии и многие другие. Все они принимают непосредственное участие в судьбе главного героя.

Подружка Соволя Мирэ безнадежно и глубоко влюблена в него, а он видит в ней скорее женщину-друга, лишенную домостроевских комплексов. Несмотря на свою эмансипированность и, говоря современным языком молодежи, продвинутость во взглядах на сексуальные отношения между полами, Мирэ продолжает оставаться восточной женщиной, корейкой. Объясниться в любви мужчине первой она не сможет, это – табу. Её осторожный и подталкивающий не столько к эротическим откровениям, сколько к объяснению

в любви, ночной телефонный разговор об эротических снах Соволя, а позже очень трогательное и грустное прощание молодых людей на острове – яркое подтверждение тому, что Пак – мастер психологических сцен и писатель, глубоко знающий национальные традиции, обычаи и менталитет современных корейцев.

Иешуа Га-Ноцри в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» утверждал, что все люди добры от природы, а злыми их делают несчастья. Практически все герои «Мандаринов для Хелен» люди добрые, хотя не скажешь, что несчастья совсем уж обошли их стороной, жизнь есть жизнь. Но Михаил Пак убедительно доказывает, что доброта и любовь придают высокий смысл сосуществованию человеческих особей на земле, внося в их отношения согласие и гармонию.

В мире, созданном пером писателя Пака, царствует гармония межличностных отношений. Даже покидая друг друга, расставаясь практически навсегда, мужчины и женщины расстаются не врагами, как это часто бывает, а, что называется, с пониманием и уважением к выбору любимого человека.

Хелен – самая главная и яркая звезда на небосклоне жизни героя, чувства к ней – это очень личное, сокровенное. В каждой из женщин, встречающихся на его жизненном пути, Соволь, может быть, сам того до конца не понимая, пытается найти черты девушки из далекого африканского племени орым. И, безусловно, вставные новеллы о Хелен – чрезвычайно волнующие, искренние и мастерски сделанные мини-повести. Не буду останавливаться на деталях, пусть читатель сам окунется в мир мягких, добрых и искренних отношений героев современной житейской притчи Михаила Пака.

После прочтения романа складывается впечатление, что ты как бы искупался в свежей родниковой воде, и это всё потому, что писатель сумел убедительно нарисовать мир своих героев, не втащив туда злодея или поганца, которыми чаще всего «перенаселена» сегодня современная литература. По природе своей Михаил Тимофеевич Пак человек добрый и видит мир вокруг себя, как говорят, «в меру своей испорченности», а он (этот мир), как оказалось, совсем неплох.

Константин Паустовский в своей статье о Бунине как-то заметил, что «Мир состоит из великого множества соединений красок и света. И тот, кто легко и точно улавливает эти соединения, – счастливейший человек, особенно если он художник или писатель»¹. Опираясь на авторитет великого Паустовского, а также имея в виду, что автор «Мандаринов для Хелен» писатель и художник в одном лице, берусь утверждать, что Михаил Пак вполне счастливый человек. И счастьем этим он довольно щедро делится с почитателями своего таланта живописца и писателя.

¹ К. Паустовский, Собр. соч. в 9 томах, т. 3 – М.: Художественная литература, 1982, с. 334.

караван истории

СУДЬБА АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА ШМИДТА

Блестящий знаток ислама, мусульманского права, арабского языка и литературы, Александр Эдуардович Шмидт родился 12 (24) марта 1871 года в Астрахани в семье военного врача. По делам службы отец был переведен в Тбилиси. В 7-летнем возрасте Александр был определен в одну из лучших гимназий города, которую окончил с золотой медалью – 1-ю Тифлисскую классическую гимназию. Именно с нее и начинается путь ученого-востоковеда Александра Эдуардовича Шмидта, который еще в детские годы проявлял интерес к восточным культурам и самостоятельно изучал восточные языки.

После окончания гимназии 18-летний Александр продолжил учебу на факультете восточных языков (арабско-персидско-турецкое отделение) Санкт-Петербургского университета, в котором преподавали такие знаменитые ученые-тюркологи, как О. И. Сенковский, А. К. Казембек, К. П. Патканов, И. Н. Березин, В. П. Васильев, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский и др.

Из стен университета вышли такие знаменитые ученые, как арабист И. Ю. Крачковский, востоковед, филолог, историк, этнограф и археолог Н. Я. Марр, этнограф Р. Ф. Итс, востоковед-тюрколог, П. М. Мелиоранский, востоковед, египтолог и ассириолог В. В. Струве, востоковед и археолог М. М. Дьяконов и др.

Уже будучи студентом, Александр обратил на себя внимание преподавателей своей склонностью к научно-исследовательской работе. Виктор Романович Розен – академик Петербургской Академии наук, профессор арабской словесности в Санкт-Петербургском университете – высоко ценил Александра Шмидта и так отзывался о нем: «А ведь какой талантливый человек!» Особенно он ценил в нем то, что Александр изучает и читает письменные памятники ислама в подлинниках, что очень важно для историка и арабиста. В. Р. Розен оказал чрезвычайно важное влияние на Александра Шмидта и формирование его научных интересов.

**Василий
КОСТЕЦКИЙ**

Родился в 1952 г. Педагог-публицист. Автор интересных историко-публицистических книг: «Ангрен – город из легенды», «Читая Коран», «Россияне в Узбекистане», «Республика Корея или путешествие в страну утренней свежести» и др., учебников по истории и праву для общеобразовательных школ. Живет и работает в Ташкенте.

После окончания университета Александр уже свободно владел французским, английским, немецким, испанским, итальянским, голландским, арабским, персидским, турецким и другими языками. Впоследствии, будучи в Ташкенте, он выучил и узбекский язык и, как утверждают его современники, его произношение практически не отличалось от произношения коренных жителей города.

В связи с высокими достижениями в учебе Александр был оставлен преподавателем в университете. В 1896 году после сдачи магистерского экзамена он отправился в двухгодичную зарубежную поездку, где стажировался у крупнейших европейских востоковедов того времени – венгерского востоковеда, арабиста и исламоведа Игнаца Гольдциера, голландского арабиста, профессора Лейденского университета Михаэла Яна де Гуге и др.

В 1897 году А. Шмидт опубликовал первую научную статью по арабистике. В 27-летнем возрасте (1898 г.) Александр Эдуардович начал преподавать на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета в должности приват-доцента. В университете он читал лекции по арабскому языку и исламоведению. В 1899 году им был опубликован критический разбор книги украинского историка, писателя, востоковеда, тюрколога и семитолога, одного из организаторов Академии наук Украины А. Е. Крымского «Мусульманство и его будущность». Эта работа положила начало его целенаправленному изучению религиозных течений в исламе.

Материальные обстоятельства заставляли Александра совмещать преподавательскую работу с другими подработками. В разные годы он работал инспектором Александровского лицея, секретарем редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости», старшим помощником библиотекаря, библиотекарем, помощником директора в Российской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Это дало ему возможность познакомиться с трудами зарубежных ученых, но этот факт окажет и плохую услугу в годы репрессий.

В 1912 году он начал успешно сотрудничать с журналом «Мир ислама», основанном в 1912 году Императорским обществом востоковедения, первым редактором которого был В. В. Бартольд. В нескольких номерах журнала А. Шмидт опубликовал очерк по истории исламской религии, а также рецензию на материалы о Средней Азии, опубликованные во французском журнале «Обозрение мусульманского мира».

В 46 лет (1914 г.) А. Шмидт защитил магистерскую диссертацию, и ему была присвоена ученая степень магистра арабской словесности. Его диссертация называлась «Абдал-Ваххаб-аш-Шараний и его «Книга рассыпанных жемчужин». В своей работе через призму личности Абд ал-Ваххаба аш-Шарани и его суфийских воззрений он подробно рассматривает мусульманское право, мусульманское богословие и суфизм в исламе. Эта работа считается классической работой по исламоведению.

С 1 сентября 1917 года А. Шмидт становится экстраординарным (вне штата), профессором Лазаревского института в Москве.

С конца 1917 года Александр Эдуардович принимал вместе с другими представителями научно-педагогической общественности активное участие в работе Организационного Комитета по делам намечавшегося к открытию в Ташкенте Туркестанского государственного университета. В их числе были В. Бартольд, Н. Веселовский, Н. Марр, А. Самойлович, С. Ольденбург и др.

В июле 1918 года на съезде преподавателей высшей школы в Москве

А. Шмидт был избран профессором и деканом историко-филологического факультета и одновременно преподавателем Восточного факультета Петроградского университета.

С 1 октября 1918 года он переводится на этнолого-лингвистический факультет Лазаревского института восточных языков (с 1921 года Московский институт востоковедения), где он читал курс мусульманского права и исламоведения. В 1920 году А. Э. Шмидта принимают в состав Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук.

10 апреля 1920 года А. Э. Шмидт прибыл в Ташкент и был избран профессором Туркестанского Восточного института, который создавался в Ташкенте одновременно с университетом, а в декабре 1920 года становится его ректором. С конца 1920 года и до середины 1921 года он являлся деканом и профессором историко-филологического факультета Туркестанского университета. На этих должностях он находился до середины 1921 года, читал лекции по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской истории, арабской литературе и арабскому языку.

Под его председательством в 1920–1922 годах при Туркестанском университете было образовано и активно работало Общество историко-филологических и социально-экономических наук. Он также состоял членом Совета Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис).

А. Э. Шмидт участвовал в научном обосновании охраны памятников исламской культуры в Средней Азии. В сентябре 1920 года в составе группы востоковедов (В. Бартольд, Е. Бетгер, В. Вяткин и др.) он совершил поездку в Бухару для осмотра памятников старины и принятия мер для их охраны. В 1922 году он участвовал в экспедиции в г. Туркестан для исследования мавзолея Ахмада Яссави. В 1920–1921 годах А. Э. Шмидт являлся членом Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана. В 1922 году работал помощником редактора ташкентского журнала «Наука и просвещение».

С августа 1922 г. по февраль 1923 г. он являлся заместителем председателя Государственного Ученого совета. В середине 20-х годов XX века А. Э. Шмидт принимал активное участие в исследовательских экспедициях в Киргизию и Туркмению.

В июле 1923 года по поручению туркестанского руководства А. Шмидт участвовал в доставке из Уфы в Ташкент Корана Османа, представляющего исключительную ценность как древнейший памятник арабской письменности, важный исторический источник (ему более 1400 лет).

В Ташкент рукопись везли в бронированном вагоне и в специальном футляре. Эшелон сопровождала вооруженная охрана, и в августе 1923 года была оформлена его передача в Ташкенте.

Некоторое время Коран Османа находился в Самарканде, в мечети Ходжи Ахрара. С 1941 г. местом его хранения стал Музей истории народов Узбекистана в Ташкенте. В начале 90-х годов после обретения Узбекистаном независимости реликвия при огромном стечении народа на площади Хаст Имам была вручена муфтию.

Ташкентский университет в июле 1923 года в связи с проведением национального размежевания в Средней Азии получил название – Среднеазиатский государственный университет (САГУ), а Восточный институт с сентября 1924

года стал Восточным факультетом университета. А. Э. Шмидт был назначен деканом этого факультета, а в 1926 году – проректором САГУ по учебной работе.

В феврале 1926 года Александр Эдуардович был избран чл.-кор. Академии наук СССР и возглавил группу профессоров, прибывших в Ташкент. Кроме подбора преподавателей, он также занимался комплектованием библиотеки для университета. По его предложению оргкомитет выделил для приобретения собрания русских классиков 10 тыс. рублей в дополнение к большому фонду научной литературы, безвозмездно предоставленному научно-библиотечным отделом Наркомпроса.

В сентябре 1928 года А. Шмидт ушел с должности проректора САГУ и был арестован по ложному обвинению в создании контрреволюционной группы на Восточном факультете, но вскоре обвинения были сняты.

По ходатайству руководства университета в знак признательности за большой вклад в дело становления вуза союзный наркомат финансов в августе 1929 года назначил ему персональную пенсию. При этом А. Шмидт продолжал преподавать в университете.

В 1930 году А. Э. Шмидт по решению коллегии ОГПУ в г. Ташкенте снова был арестован и в числе 11 профессоров и преподавателей Восточного факультета САГУ выслан в Алма-Ату. В 1930 году Восточный факультет САГУ был закрыт, и с марта 1931 года в университете было прекращено изучение арабского языка.

В апреле 1933 года постановлением правительства Узбекистана «Об объединении республиканских рукописных фондов» Государственная публичная библиотека в Ташкенте была объявлена Центральным хранилищем рукописей. В эту библиотеку стал поступать большой поток рукописей из библиотек и учреждений других городов республики. Для организации хранения и изучения рукописей в библиотеку были приняты в качестве сотрудников крупные востоковеды – проф. А. Молчанов (с мая 1933 г.), проф. А. Шмидт (с июня 1934 г.) и проф. Семенов (с мая 1936 г.).

А. Шмидт работал в Восточном отделе Государственной публичной библиотеки и других учреждениях Ташкента, посещал с научными целями Ленинград и Москву, занимался описанием восточных рукописей. В настоящее время эти рукописи хранятся в Национальной библиотеке Узбекистана в виде десяти томов «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР».

В последние годы жизни А. Шмидт по поручению Института востоковедения АН СССР работал над критическим комментированием текста «Книги о налоге» судьи эпохи Харун ар-Рашида-Абу Йусуфа – важного источника для характеристики социально-экономической истории халифата VIII-IX вв. «Китаб ал-харадж» – один из самых ранних, дошедших до нас, памятников мусульманской письменной традиции и самое первое сочинение ханафитской школы мусульманского права. Эта книга, написанная в VIII веке в эпоху легендарного халифа Харуна ар-Рашида и по его велению, отражает систему мусульманского налогообложения: здесь представлено около 550 преданий как о различных видах налогов, так и о формах наложения наказаний за правонарушения против Бога и против человека времен становления мусульманской общины и образования Халифата.

В 1938 А. Э. Шмидт снова был подвергнут кратковременному аресту по

обвинению в шпионаже в пользу Германии и освобожден за несколько дней до смерти. В архивно-следственном деле от 16 июня 1938 г. за № П-14031, л. 79, А. Э. Шмидт записано с его слов следующее: «Работая первое время деканом Восточного факультета САГУ, а потом зам. директора САГУ, я совместно с проф. Семеновым, Малицким и Андреевым возглавил реакционную группу профессуры. Мы создали на Востфаке контрреволюционную вредительскую группу из числа профессорско-преподавательского состава, ставившую перед собой задачи: срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие советизации преподавательского состава и введению общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии».

Александра Эдуардовича Шмидта не стало 9 августа 1939 года. Похоронили его на Боткинском кладбище в Ташкенте.

В 1923 году к 25-летию первой его лекции в качестве преподавателя Петербургского университета (15 января 1898 г.) был издан «Сборник Туркестанского Восточного Института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции, 15/28 января 1898–1928 гг.)», в который вошли востокovedческие статьи В. А. Вяткина, Е. К. Бетгера, М. С. Андреева, А. А. Семенова, Н. Г. Малицкого, Е. Д. Поливанова и др. В предисловии авторы сборника писали, обращаясь к А. Э. Шмидту: «Преподаватели и студенты Туркестанского Восточного Института горячо приветствуют Вас – своего старшего сочлена и высокоавторитетного учителя... – и просят благосклонно принять их совместный труд как посильную дань глубокого к Вам почтения и признательности за всегдашнее теплое и отзывчивое к ним отношение». После его ареста в 1938 году сборник был изъят из библиотек.

Сыновья А. Э. Шмидта вместе с семьями в 1942 году были депортированы в Самаркандскую область. Старший сын Эдуард пошел по стопам отца, став востоковедом, тюркологом и преподавателем немецкого языка в САГУ, продолжал работу отца по описанию восточных рукописей (1940–1941).

А. Э. Шмидт вошел в науку как один из основателей отечественного исламоведения. Важное место в его исследованиях занимали вопросы мусульманского права, истории, арабского языка и литературы. Он участвовал в нескольких экспедициях, имевших целью изучение архитектуры памятников Средней Азии. Ряд его исследований был ориентирован на решение задач хозяйственного строительства. Важное значение, по мнению И. Ю. Крачковского, имели работы А. Э. Шмидта совместно с М. Е. Массоном по истории орошения в Средней Азии и добыче полезных ископаемых, а также по изучению арабских источников.

проза

Бах АХМЕДОВ

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил Московский госуниверситет. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана и Эстонии. Участник Международных форумов и конференций.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ УЛЫБКА

Рассказ

...Еще утром, сойдя с поезда в Т., я не знал, что сегодняшний мой день будет посвящен улыбкам. Но когда первые капли дождя, легкого, стеснительного, словно он боялся потревожить нас и раздумывал, спускаться ему с неба или нет, когда эти первые капли упали мне на щеку и на ладонь идущей навстречу девушки с веснушками, и когда счастливая улыбка вспыхнула на ее лице, я вдруг с пронзительной ясностью понял во что я буду сегодня играть: собирать улыбки. Конечно же, сразу возникло и необходимое число, которое мне подсказала припаркованная напротив книжного магазина машина. На ее номерном знаке было написано: 28-5 LED. Итак, решено, я должен буду собрать ровно двадцать восемь улыбок, ни одной улыбкой меньше, и сделать это я должен до 5 часов дня. Только тогда, загадал я, весь месяц пройдет правильно, а мне очень нужно было, чтобы месяц до 16 июня прошел правильно, потому что в этот день я собирался... Впрочем, это не относится к теме дня.

Итак, первая улыбка была у меня в кармане, я мысленно поблагодарил так и не начавшийся дождь и улыбнулся девушке с веснушками. Осталось двадцать семь улыбок. Собирать улыбки – нехитрое дело, если вы находитесь в большом западном городе. И действительно, зашел в любой магазин, и, пожалуйста, улыбка летит к тебе сама, летит на услужливых крылышках миловидной продавщицы, которая согласна подарить тебе хоть сто таких улыбок, если ты купишь что-нибудь в этом магазине, где сверкающие зеркала, а длинные ряды разноцветных блузок, юбок, платьев шевелятся, как живые, потому что сквознячок вдыхает в них будущую жизнь, и они наполняются предчувствием тела, как еще не воплотившиеся души.

Да, в современном мегаполисе это легко, но что прикажете делать в маленьком городишке, где всего две главные улицы, которые сходятся под углом 45 градусов к площади с круглым фонтаном, и где все магазины, –

сколько их, десять, двенадцать? – можно обойти за один час? И потом, я поставил себе жесткое, но непереносимое условие: улыбка засчитывается только в том случае, если она адресована персонально мне. Все остальные улыбки, случайно перехваченные в пространстве, в копилку не идут.

«Ну что ж, – подумал я, – будем решать задачу поэтапно: от простого к сложному». И я зашел в первый же, попавшийся мне по дороге, магазинчик, тихий, почти пустой. В нем продавались писчебумажные принадлежности на любой вкус, и когда я, рассеянно перелистывая ежедневники в кожаных обложках (сколько историй в них появится, сколько слез и восторгов лишат невинности их чистые белые страницы!), как бы случайно посмотрел на продавщицу, я получил в ответ вторую улыбку, лучезарную, мимолетную, почти стесняющуюся саму себя. «Должен ли я платить за улыбки?» – подумал я, выходя из лавки с пустыми руками. После этого последовали другие большие и маленькие магазинчики, в каждом из которых улыбки словно ждали моего прихода. Попадались и весьма урожайные бутики. Например, в «Нексте» мне удалось собрать целых четыре улыбки, и все они были разные. Кстати, очень скоро я вдруг понял (хотя всегда, как любой человек, подсознательно знал это), что улыбка улыбке рознь. В «Джон Льюисе» высокая стройная продавщица модельной внешности взглянула на меня с легким удивлением, а потом одарила меня такой уничтожающей улыбкой, что мне захотелось выбросить ее сразу, даже не кладя в мысленную копилку. Но я все-таки не сделал этого, подумав, что сейчас для меня каждая улыбка на вес золота. В магазине женского белья (я постоял немного у входа в нерешительности) мне подарили, как и следовало ожидать, иронично-снисходительные улыбки, целых две: продавщица за кассой, маленькая, в каких-то нелепых очках и с удивительно юным лицом, и ее напарница, пожилая тетка, чья улыбка была смесью насмешки и изысканнейшей вежливости (только англичане умеют так улыбаться!).

В двухэтажном магазине «GAP» мой урожай составил три улыбки: по одной с каждого этажа плюс еще одна мне перепала возле эскалатора, где у меня случилось столкновение с лунатично передвигающейся девушкой. Последовало стандартное «Sorry...» плюс рассеянно-извиняющаяся улыбка, чуть припухшие губы, влажные глаза серого цвета, высокий открытый лоб... Прямо перед собой в правой руке она держала мобильник и смотрела на его экран с таким сосредоточенным видом, словно это был компас, указывающий ей путь из лабиринта, в котором, судя по ее мимолетному взгляду, она блуждала уже довольно давно. Мне вдруг захотелось спросить, что у нее случилось, но это был бы перебор. Я лишь посмотрел ей вслед, испытывая острое любопытство, и только сделав несколько шагов, решил, наконец, осторожно, словно раненого зверька, положить ее улыбку в свою коробочку без стенок.

Я бросил взгляд на часы, висевшие над входом – без четверти три. Больше, чем полдня позади, и у меня уже собрано 19 улыбок. В этот момент мой желудок напомнил о себе тихим урчанием – он был явно недоволен тем, что я забыл про него, переключившись на странное занятие по сбору улыбок. «Но ведь можно совместить приятное с полезным», – подумал я, заходя в первое попавшееся кафе. Я сел за столик, и через пару минут еще одна улыбка лежала у меня в кармане: миленькая итальянка (судя по акценту) с маленьким блокнотиком в руках подарила мне самую лучезарную и очаровательную улыбку из всех тех, что уже были в моей коллекции. Я сделал заказ и задумался над

серьезным вопросом: если один человек улыбнется мне два раза, то вторую улыбку можно засчитывать или нет? Вопрос не праздный. Вот сейчас Моника (нетрудно было прочесть ее имя на бейджике) подойдет с моим обедом и, наверняка, улыбнется. Это будет считаться двадцать первой улыбкой или нет?..

Солнечный день продолжал беспечно наполняться неведомыми мне событиями и разговорами, которые тихо журчали вокруг моего столика. В ожидании заказа я развернул местную газету, оставленную кем-то на соседнем стуле, и погрузился в решение sudoku, в котором, впрочем, три цифры уже были написаны рукой неведомого мне читателя. И цифры эти были: двойка, восьмерка и единица. Пока я размышлял над странным мистическим совпадением и о том, какие же теперь цифры мне следует вписать в пустые клеточки судьбы, появилась Моника с подносом в руках и улыбкой на лице.

– Двадцать первая, – вдруг произнес я вместо «спасибо».

Девушка посмотрела на меня вопросительно. Я улыбнулся и ответил на ее немой вопрос:

– Вы мне подарили сейчас двадцать первую улыбку. У меня такая игра: я должен собрать двадцать восемь улыбок, причем, сделать это я должен до 5 часов вечера.

Моника засмеялась, и по ее смеху я понял, что ей не привыкать к причудам клиентов: мало ли в мире людей со странностями.

– В таком случае, – сказала она, – у вас еще куча времени.

Я кивнул и улыбнулся в ответ. Когда Моника удалилась, я вписал в одну из пустых клеточек семерку, отложил газету, взял в руки нож и вилку... И вдруг в лучезарной идиллии весеннего дня что-то треснуло, и в эту трещину уверенной и неторопливой походкой палача вошло мое прошлое: я увидел тебя.

Почему в нашей жизни случаются события, которые с легкостью опрокидывают все законы теории вероятности? Почему судьба так насмешлива и так любит сменить маску в тот момент, когда мы меньше всего ожидаем от нее этого? Моя рука с вилок застыла в воздухе, словно кто-то остановил кадры кинохроники для того, чтобы получше рассмотреть линии на ладонях беглеца. Наивный, я надеялся сбежать от прошлого, а оно уже здесь, совсем рядом, через столик. Но не только это бросило меня в дрожь и заставило мою спину взмокнуть от предательского холода. Было и другое, было то, от чего на глаза у меня навернулись слезы, когда я вдруг понял, почему ты держишь под руку мужчину, и почему ты так отстраненно, не снимая черные очки, смотришь только в одну сторону. Ты изменилась за эти годы и не изменилась. Другой цвет волос и прическа, другие движения рук, другой мужчина рядом – разве все это имело значение? Это все были жалкие попытки времени спрятать тебя не столько от меня, сколько от себя самой. Я узнал бы тебя в любом облике и в любом зеркале. И сейчас, когда я смотрел, как ты на ощупь находишь на столе пачку сигарет, а твой спутник, статный, седовласый, подносит зажигалку и зачитывает тебе меню, я вдруг понял, что мне нужно бежать из этого города. Бежать, пока не поздно, оставив обед, улыбки, радужные облака и еще один оплаченный день в гостинице. Потому что любая задержка привела бы к опозданию в будущее. Я мог увязнуть в прошлом и не прийти вовремя туда, где меня ждали. И разве Аня виновата в том, что в моей жизни время постоянно меняет знаки, превращая меня в нечто мнимое, снимаемое, невещественно-зыбкое, как игра тени и света на поверхности реки?

На тебе было короткое темно-красное платье, на ногах – серые колготки, а я смотрел на тебя и на мужчину, сидящего рядом с тобой, и пытался понять, кто он: твой муж, спутник, поводырь в этом мире, навсегда погрузившем тебя в ночь звуков, запахов и прикосновений. Аристократические черты лица, прямая осанка, длинные тонкие пальцы. В его глазах было спокойствие человека, который уже знает о жизни ровно столько, сколько нужно знать, чтобы быть с ней в ровных дружеских отношениях. Впрочем, ведь это все мои фантазии и домыслы. Реальность, конечно, совсем другая, и вряд ли я смогу ее угадать. Вам принесли пищу и греческий салат, а я вдруг подумал, что было бы, если бы ты не была слепой и увидела меня за соседним столиком. Конечно, ты бы притворно-вежливо обрадовалась и представила меня своему спутнику как старинного друга. И мы бы сидели вдвоем и поглощали эту еду и фальшивые улыбки, играя в пинг-понг пустыми шариками слов о том, какие красивые здесь места и какой великолепный пейзаж открывается на другом берегу реки. А потом мы бы распрошались, и твой спутник сказал, что рад был бы видеть меня в гостях.

Я ел, не замечая, что ем, не чувствуя вкуса еды и не понимая, что мне делать дальше. А ты, глядя невидящими глазами поверх времени, неторопливо нащупывала вилок кусочки заботливо нарезанной для тебя пищи и обсуждала со спутником планы на вечер («...давай лучше пойдем на концерт в соборе, там все-таки программа интереснее...») – до меня доносились отдельные слова, и через некоторое время я уже знал, что вы заехали в этот город на один день, чтобы осмотреть (осмотреть?!) какой-то старинный замок. Мне даже показалось, что я вместе с тобой ощутил вкус красного вина, которое ты отпивала маленькими глотками из бокала на высокой тонкой ножке, и один раз он чуть не упал, потому что ты поставила его на самый край столика, но твой муж, не знаю почему, но мне казалось, что это именно так (и как выяснилось позже, я не ошибся), быстрым привычным движением поймал его и поставил на середину стола. В какой-то момент, когда я слишком пристально смотрел на тебя, ты на мгновение замерла, и по твоему лицу прошла тревожная тень, словно ты почувствовала мое присутствие. Я быстро отвел глаза, мне стало не по себе. Мой взгляд блуждал, как в тумане, а я силился и никак не мог понять, сколько раз нужно было бросить десять костей, чтобы на всех выпало одно и то же число, и мы пересеклись в этом чистеньком захолустье за десять тысяч километров от другого города, где когда-то часами бродили по центру, взявшись за руки, как дети. Потому что вероятность этой встречи была такой же, как выпадение одного числа на десяти кубиках одновременно, а может быть, и того меньше.

Игра в улыбки была напрочь забыта, и когда Моника принесла мне счет, улыбнулась и сказала: «Держите двадцать вторую!», я взглянул на нее с недоумением, пытаюсь понять, что она имеет в виду. Наверное, у меня было очень глупое лицо в тот момент, потому что она снова улыбнулась, на этот раз по-настоящему, и напомнила: «Вы еще собираете улыбки?» Я только кивнул и сказал: «Это уже двадцать третья. Сколько я за них должен?» «Не знаю, сколько не жалко», – она кокетливо пожала плечами и взяла у меня карточку. Я оставил на чай два фунта.

Следующий час я провел, как в тумане, почти не отдавая отчета в своих действиях. В какой-то момент у меня появилось сильное искушение встать и подойти к вам, заговорить с тобой, представиться мужу, пожать его холеную руку и насладиться тревожным удивлением в глазах, которые будут сканировать меня с головы до ног на предмет контрабандного прошлого. Но я не хотел осложнений,

хотя, с другой стороны, чего именно я хотел, сформулировать тоже не получилось. Я знал лишь одно: мне нужно обязательно поговорить с тобой наедине, мне нужно объяснить тебе, как нелепо все получилось тогда, восемь лет назад... Мысли разбегались в разные стороны, и трудно было угнаться даже за одной.

Вы сидели долго, и мне пришлось заказать еще один кофе, прочитать почти всю газету и проверить свою почту в телефоне: несколько спамов, сообщение от сослуживца, короткое письмо от Ани с напоминанием не забыть позвонить ее сестре и встретиться с ней на обратном пути – ничего особенного. В конце письма Ани немного неловко пристроилось прозрачное «скучаю», и я положил его в карман рядом с другими улыбками, пусть пообщается с ними. «Да, да, конечно, не забуду...» – успеваю написать я, но не успеваю отправить, потому что вы, наконец, расплавиваетесь и встаете, оставив на столике две пустые чашки, пару монет на чай и салфетку со следами губной помады. «Хорошо, что я рассчитался заранее», – говорю я самому себе, чувствуя себя сумасшедшим и с отчетливым ужасом понимая, что с этого момента мой разум уже потерял всякую связь с моим сердцем и переведен в режим отстраненного ожидания. «Просто наблюдай!», – сказал я ему, не подозревая, как двусмысленно прозвучали эти слова.

Ваш отель «Белый кит», куда вы направились после трапезы (я послушно, как собака, следовал за вами на расстоянии восьми лет, в течение которых я не видел тебя), находился в самом центре, и всеми открытыми окнами разглядывал полукруглую площадь, золотисто поблескивая стеклами в закатных лучах медленно приземляющегося солнца. Впрочем, отель – это слишком громкое название для небольшого трехэтажного здания викторианской эпохи с каменным фасадом, украшенным поднимающимся до самой крыши плющом.

Вы исчезли в лифте, а я, безумец, возомнивший, что сможет перехитрить время, устроился на открытой террасе паба напротив входа в отель, заняв идеальный наблюдательный пункт. Как же мне нравились этот стол из некрашенных досок и простая скамья, словно перенесенные в наше время из XVIII-го века! У пива при всех его недостатках есть одно неоспоримое достоинство: оно помогает замедлить движение часовых стрелок, уменьшая скорость опустошения стакана до бесконечно малых величин. Время становится резиновым и тягучим, и ты как бы медленно проваливаешься вместе с ним в некую область, где мир тебя обтекает, не пытаясь сделать частичкой своего хаоса. Два часа прошло или, может, два с половиной? Разве это так важно? По ходу дела я снова вспомнил про улыбки, и еще две сами собой упали в мой карман: девушка за барной стойкой и старик, худой, небритый, почти облысевший, подарил мне блаженную улыбку, делясь своим скудным счастьем забвения. Он сидел через пару столов от меня, покачивал головой в такт музыке и смотрел на полупустой бокал, склонив голову налево: нечто среднее между обитателем дома скорби и гениальным математиком, который положил жизнь на доказательство великой теоремы. Если бы он знал, зачем я здесь сижу, интересно, чтобы он сказал на этот счет? Впрочем, скорее всего, у него была своя история, свое прошлое, свои осколки в душе, бесконечное множество осколков, из которых он пытался сложить фракталы судьбы.

Итак, у меня уже было 25 улыбок. А когда вторая пинта непроницаемого, как судьба (но при этом блестяще создающего иллюзию ее близости!), темного «Гинесса» перекочевала в мой желудок, я решил осмотреть сувенирную лавку, расположенную чуть поодаль от паба. Впрочем, мне это не удалось, продавец

вежливо извинился и сообщил, что лавка уже пять минут как закрыта. Я взглянул на часы и похолодел: было уже десять минут восьмого, и я не мог понять, почему я совершенно забыл, что вся моя затея с улыбками имела смысл только в том случае, если я соберу их до 5 часов. Впрочем, через минуту мне стало все безразлично. Я присел на скамейку, не зная, что делать дальше. В мыслях наступил какой-то ступор, тело вдруг начало ощущать свою тяжесть, словно к земному притяжению прибавилась еще и невероятная сила притяжения всех тех лет, которые могли бы быть нашими, если бы не печальное стечение обстоятельств, слов и разночтений, выросших тогда между нами глухой стеною.

Конечно, я был немного пьян, но не настолько, чтобы не понимать, что вероятность смутно ожидаемого мной события с каждой минутой стремительно уменьшается. И все-таки я сидел неподвижно, словно прирос к этой скамейке с вырезанным на ее спинке посвящением. Но еще, где-то там, на заднем фоне сознания, звучала едва уловимая, очень тихая мелодия предчувствия: мне казалось, что возникший внезапно сюжет с улыбками повернет в сторону моего желания, рано или поздно, но это случится. Медленно (а может быть, быстро – разве их поймешь?) сгушались задумчивые весенние сумерки, и где-то в небе (я все-таки взглянул пару раз на него в поисках поддержки) облака обретали четкие и честные очертания четвергового вечера. И когда я в третий раз поднял глаза к небесам, я вдруг неожиданно для себя произнес: двадцать шестая! Да, да, смейтесь, друзья мои, верьте или не верьте, мне все равно, потому что я точно знаю, что двадцать шестую улыбку мне подарило облако с золотисто-багровой каемкой – закатный нимб уходящего солнца! Это было почти знамением, сейчас я в этом уже не сомневаюсь. Потому что через... не прошло и двух минут, как я увидел твоего мужа, выходящего деловой походкой из отеля. Мой взгляд проводил его до угла улицы, за которым он скрылся, и в следующую секунду я понял, что интуиция на моей стороне так же, как и облако, блаженный старик и все те, кто бесплатно дарил мне улыбки в течение этого дня, зараженного лихорадочным ощущением вечности.

Я уже знал, что двадцать седьмая улыбка ждет меня в холле отеля, а двадцать восьмую подаришь мне ты. Я знал это так твердо, что вдруг перестал торопиться и вместо того, чтобы пойти в отель, я вернулся в паб, взял двойную порцию джина с тоником и, не слезая с барной табуретки, опрокинул ее в себя. Какая-то раскрашенная полная девица села рядом, недвусмысленно улыбнулась мне и что-то сказала, но я ее не слышал, не воспринимал и даже не засчитал ее улыбку. Я молча встал и направился к отелю.

Через несколько минут я стою возле стойки регистрации и спрашиваю у молодого худощавого портье: «В каком номере остановилась миссис Полина... простите, запаматовал ее фамилию... (портье смотрит на меня вопросительно), ...она путешествует с мужем (продолжает смотреть вопросительно, но уже на экран монитора)... слепая женщина с мужем...» – выдыхаю я, ощущая странную смесь боли и возбуждения. «Да, да, уже понял, – кивает молодой хранитель ключей от меблированных пародий на рай. – Миссис и мистер Антонофф, номер двадцать пятый, третий этаж, правое крыло». «Спасибо! И еще спасибо за двадцать седьмую улыбку» – добавил я. «Простите?» – взлетели брови в напряженном недоумении. «Благодарю вас», – улыбнулся я в ответ на его натянутую улыбку (двадцать седьмая есть!) и направился к лифту, ощущая с горькой радостью, как трещина, появившаяся во мне в момент,

когда я увидел тебя, с каждой секундой разрастается и становится сплошным зиянием. И еще мне казалось, что теперь, когда я так близок к цели, весь мир внимательно следит за каждым моим шагом и за каждой мыслью.

В тихом лифте я собрался с мыслями и в последний раз попытался придумать первую фразу. И снова ничего не получилось, потому что даже простое «Здравствуй, Лина!» казалось мне бесконечно фальшивым на фоне той подлинной черной бездны, что разделяла нас теперь навсегда. И вдруг я подумал, что, возможно, сейчас я совершаю ошибку еще большую, чем восемь лет назад, и что пока не поздно, я еще могу вернуться на первый этаж, выйти на улицу и пойти в свою гостиницу, расположенную в трех кварталах от центра, а еще лучше, сесть в поезд и убраться на нем подальше от тебя, от фантомной боли прошлого, от самого себя...

Кабина лифта покорно и равнодушно висела на третьем этаже, двери были открыты, а я стоял в мучительной нерешительности, не понимая, в который уже раз за последние два часа, что мне делать дальше. Все внутри меня разрывалось на две половины, и каждая тянула в свою сторону. В этот момент к лифту подошла маленькая сухонькая и очень ухоженная старушка в милой шляпке с девочкой лет двенадцати, державшей за руку свою бабушку. «Вы едете вниз?» – спросила старушка. Я отрицательно покачал головой и вышел из лифта. Через несколько секунд я стоял перед твоей дверью в пустом коридоре, где толстые ворсистые темно-зеленые ковры поглощали с ненасытной жадностью все звуковые волны, включая звон разбитой вдребезги жизни...

– Номер 25... – произнес я непонятно для кого и постучал в дверь. Тишина. Но какое-то звериное чутье подсказывало мне, что ты там, внутри... Я чуть приоткрыл дверь и услышал шум льющейся воды в душе. Сделал шаг в комнату, еще два шага. Присел на стул с ручками у небольшого столика. В номере царил какой-то застенчивый беспорядок: у стены лежал огромный черный чемодан с приоткрытой пастью, на спинке широкой кровати висело твое белье, а на подоконнике лежала большая фотокамера в черном чехле.

Еще шумела вода в душе, еще было несколько секунд, чтобы все отменить, выйти из этого сюжета, не замочив глаз... Судьба словно испытывала меня, играя со мной в поддавки. Но во мне проснулось какое-то губительное упрямство, сердце бешено выстукивало сбивчивые ритмы, и спина снова покрылась холодным потом, когда за дверью ванной комнаты воцарилась внезапная тишина. Пружина во мне сжалась до отказа, но я попытался сделать вид, что просто случайно, по ошибке, вошел в номер. «Впрочем, зачем? – тут же с горькой иронией спросил я себя. – Ведь она все равно...» В этот момент за дверью раздался звон: что-то стеклянное упало и разбилось. «А если сейчас войдет мистер Антонофф?» – спросило у меня зеркало на стене, пока я то вставал, то вновь садился на стул. Но ответить зеркалу я не успел, потому что в следующую секунду я увидел в нем тебя. Ты вышла из душа в белом банном халате и, вытянув вперед правую руку (на большом пальце алел свежий порез), медленными неуверенными шагами пошла в сторону кровати. С волос еще капала вода, а пояс на халате был не завязан, и я увидел, что под ним на тебе совсем ничего нет. Почему-то меня вдруг удивило, что родинка над левой грудью, по которой к ярко-розовому соску медленно стекала капелька, была на том же месте, словно за эти годы она могла переместиться на правую сторону. И еще я успел увидеть, что твои глаза были по-прежнему красивы, а может быть, как это не кощунственно прозвучит, стали еще более загадочными и красивыми.

Все это длилось совсем недолго, потому что ты почти сразу испуганно спросила:

– Кто здесь?!

– Ты порезала палец... – произнес я деревянным голосом.

Молчание. Пауза.

– Вадим?... Как ты здесь оказался? – узнавание, удивление в голосе, растерянность...

В этот момент ты, вероятно, сообразила, что халат распахнут, и я вижу твою наготу, потому что резко запахла его и быстро завязала пояс. Я смотрел на тебя и не знал, что говорить: все слова погибли от взрыва нашего прошлого.

– Удивительное совпадение. Ты не поверишь, я совершенно случайно оказался в Т., проездом...

А потом начался какой-то невразумительный сбивчивый монолог, в котором я пытался объяснить, как я оказался в этом городке, и как я думал о ней все эти годы, и как глупо все вышло тогда, восемь лет назад. Ты слушала молча, прислонившись спиной к стене, а когда я, наконец, замолчал, не договорив последнюю фразу, поднесла порезанный палец ко рту, слизнула кровь и будничным голосом попросила:

– Помоги мне дойти до кровати.

Твоя рука была влажной и теплой, и капелька крови перекечевала с твоего пальца на мой.

– Ты давно замужем? – спросил я, ошущая рукой твою мягкую и влажную ладонь.

– Какое это имеет значение? Как ты вошел?

– Я постучался, никто не ответил. А дверь была не заперта.

– Это похоже на вторжение... Послушай, Вадим, не нужно было тебе приходить сюда. С минуты на минуту может вернуться муж.

Ты осторожно присела на край кровати, держась за спинку. Я сел рядом с тобой, снова взял твою руку. Все внезапно стихло внутри меня, ты была так близко, на расстоянии запаха. В ту же секунду я почувствовал, как ты вся напрыглась и высвободила руку.

– Пожалуйста, встань с кровати и не подходи ко мне так близко.

– Ты что же, боишься меня? – с искренним недоумением спросил я и отошел к окну, которое было немного приоткрыто. На улице бурлила вечерняя праздничная жизнь, и на террасе одного из кафе небольшой джаз-бэнд ненавязчиво исполнял известные мелодии полувековой давности.

– Ты прикидываешься тупым или на самом деле поглупел за эти годы? – в голосе зазвенели сердитые нотки, и это меня почему-то обнадежило.

– Прости, я просто подумал...

– Что ты подумал? Зачем ты вообще пришел? Неужели ты не понимаешь, что это жестоко...

Ты поправила волосы таким знакомым до боли жестом, что у меня защемило сердце.

– Я хотел просто увидеться... поговорить с тобой.

– Разве ты не видишь, что я больше не могу с тобой *видеться*? И вообще, меня больше нет. Та Полина исчезла, а эта уже давно живет совсем в другом мире.

– Лина, я знаю, что очень виноват перед тобой, и я хотел...

– Вадим, ради бога, давай без мелодраматических покаяний. Все давно в прошлом, не надо его ворошить.

Я замолчал, все было кончено, и мне действительно было пора.

– А как ты порезала палец?

– Стакан случайно смахнула с полки, хотела собрать осколки... Ненавижу отели.

– Понимаю...

– Понимаешь? – усмехнулась ты. – Да как ты можешь это понять?!. И не дай бог тебе никогда понять то, что чувствуем мы...

В игре на твоём поле я был изначально обречен на поражение... И снова мной овладела растерянность и какое-то острое ощущение нелепости всей этой сцены. Полный провал в выборе слов, полный провал роли. А ужаснее всего было то, что я не знал, как мне выбраться из этого провала, потому что приготовленные слова позорно ретировались с поля боя, оставив один большой комок в горле. И прикасаться к тебе не разрешалось. И муж уже бодрым шагом подходил к отелю. И музыка за окном играла так беззаботно, что мне хотелось поскорее от нее убежать.

– Надо бы перевязать палец, – еле-еле подобрал я нехитрые слова, которые остались со мной: нейтральные слова, чего их бояться?..

– Муж придет, перевяжет. Тебе пора. Я не хочу неприятных сцен.

– Ревнивый?

– Нет, не ревнивый. Но он про тебя знает и не поверит, что ты здесь случайно.

– Лина... Если не хочешь, можешь не отвечать, но все-таки... как это случилось?

– Как я потеряла зрение? Автомобильная катастрофа... Было несколько операций, но ничего не получилось. Хотя надежда еще есть...

– Когда это случилось?

– Через два года после того, как мы расстались. Кстати, я успела прочитать твой роман. Молодец, все описал точно... Даже мои утренние привычки... И премию тебе не зря за него дали.

– Лина... Это все не так просто... Мне нужно было написать его, чтобы не сойти с ума, чтобы продлить тебя в себе...

– Продлил?

– Нет...

– Вадим, тебе пора, он придет с минуты на минуты.

– Он врач? Он тебя оперировал?

– Да, врач, но операцию делал его друг. Еще есть вопросы?

– Есть последний... Скажи честно, ты его любишь?

– Люблю. Теперь уходи.

И в этот момент я вспомнил об улыбках.

– Лина, я сегодня должен был собрать двадцать восемь улыбок. Двадцать семь у меня уже есть, подари мне двадцать восьмую, и я уйду.

– Ты по-прежнему играешь в свои игры? Так и не повзрослел, продолжаешь жить в придуманном мире...

Я снова сел на стул напротив тебя, мой взгляд упал на твои коленки и мне ужасно захотелось дотронуться до них.

– Не садись, тебе пора уходить...

– Мне нужна твоя улыбка.

– Ты ненормальный... Тебе нужен врач, а не улыбка.

– Пожалуйста, Лина!.. Улыбнись, и я уйду.

– Значит, ты пришел сюда только для этого?.. Постой, постой, кажется, я начинаю понимать... Ты собрался жениться?

От удивления я даже подскочил на стуле.

- Лина, ты... научилась читать мысли?
 - Ничего особенного, я просто помню, как ты постоянно что-то загадывал, гадал на номерах машин и прочей ерундой занимался.
 - Это не ерунда.
 - Да, конечно, женитьба – шаг серьезный.
- В коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги, и они приближались к номеру. Я вздрогнул, быстро наклонился и поцеловал тебя в шею.
- Не бойся, это еще не он, – сказала ты и... улыбнулась.
- Я буквально услышал, как треснул лед, и трещина стала расти с каждой секундой.
- Я не боюсь. Спасибо, Лина...
- Ты встала, протянула руку, дотронулась до моего лба.
- Теперь все будет хорошо, иди.
 - Я люблю тебя... До сих пор. Нет, сейчас сильнее, чем когда-либо...
 - Не надо, Вадик. Не начинай. Иди уже... пожалуйста... Не мучай меня!
- Я вытащил из кармана телефон и направил на тебя черный глазок камеры.
- Ты можешь улыбнуться еще раз?
 - Хочешь меня сфоткать?
 - Не тебя, твою улыбку.

...Через полчаса я снова сидел в пабе и тупо рассматривал какую-то ретро-фотографию на стене напротив. Все столы на улице были заняты, и мне пришлось искать место внутри, что оказалось не так просто. Было тесно, шумно, дымно и муторно. Было непонятно, как жить дальше, и разум медленно погружался в туман, с отчаянием цепляясь за последние минуты тающей трезвости.

Я вспомнил, как столкнулся с твоим мужем возле лифта, и как он подарил мне... двадцать девятую, а может быть, тридцать первую улыбку. Я сбился со счета, сбился с ритма жизни, сбился... «Завтра все встанет на места, жизнь вернется в свои берега и равномерно потечет дальше», – думал я, зная, что это неправда, и ничего уже не вернется обратно. «Сейчас пойду и скажу твоему мужу, что я люблю тебя, и что ты уходишь ко мне», – думал я и продолжал сидеть на месте, обхватив ладонями влажный и холодный бокал, наполовину пустой или полный... Мне вдруг стало смешно: я подумал о том, что невозможно пережить судьбу, и что она всегда смеется последней. Смеется и улыбается. Можно собрать несколько тысяч ее улыбок за жизнь: добрых, лукавых, ехидных, злых, загадочных... Да, загадочных, пожалуй, будет больше всего.

Я смотрел, как мигает и беззвучно надывается мой телефон на столе и улыбался. А может быть, плакал, какая разница?.. Все равно твоя двадцать восьмая улыбка уже у меня. Она мне все объяснила, она объяснила мне меня самого... Или мне так казалось?.. А ты продолжала мне улыбаться с экрана мобильного, а он все надрывался и умолял ответить. Но я знал, что это Аня, и не прикасался к телефону, потому что был недоступен для будущего. Я был вне зоны его действия, и на моих губах еще оставался чуть мятый холодок твоих губ и солоноватый привкус твоих слез, когда ты обхватила меня руками за шею и поцеловала в губы долгим, отчаянным поцелуем, который вырвался на свободу из прошлого. А потом резко оттолкнула меня и сказала, что если я сию секунду не исчезну, то ты позовешь на помощь.

И я исчез.

переводы

Поэтический коллаж*(Подборка поэтических переводов известных узбекских поэтов)***МИРТЕМИР****Народный поэт Узбекистана
(1910–1979)****Я знаю лишь один**

Я слышу некий Зов, и я тогда вздыхаю,
Волнуюсь от других неведомых причин,
И почему я жизнь мою Ему вручаю –
Я знаю лишь один.

А в сердце у меня живой огонь пылает
И словно говорит: я жгу тебя без вин.
Зачем душа ту боль безмолвно принимает –
Я знаю лишь один.

Заходят сонмы лун и вновь рассветы тают,
Жизнь мчит, и я иду, ища своих вершин.
Чего душа так ждет и почему страдает –
Я знаю лишь один.

Однажды, как весна, искомое найдется,
Я верю (отчего не ждать весны средь льдин?),
Но час, когда придет, и чем вдруг обернется, –
Я знаю лишь один.

**Шавкат РАХМОН
(1950–1996)****Скиталец**

Мне тридцать три года,
Но тридцать три тысячи лет
Печали и скорби в моих глазах.
Вздыхает резчик: крошится камень
В его попытках создать мой образ...
Когда иду я, земля трясется
От груза тяжких воспоминаний.
Забуться б на век,
Пригубив вина. О, дай, земля,
Напитка из вин твоей вечности!
...И пусть мне откроется сказочный мир,
Где я бы упился дыханьем цветов,
Прекрасный цветущий мир!

Впервые тогда
Я сердца расслышал бы стон,
Забыл на миг о бытии,
Как будто оковы вдруг спали с души...
Но, взрогнув, я вновь бы очнулся
От желтого вздоха осени,
От блекнувших алых цветов...

Мирпулат МИРЗО**Первый снег**

По зимней поре твое сердце скучало,
Душа твоя столько ждала ее свет.
И вот, наконец, с высоты опустился
Первый снег, этот первый снег!

Вглядись, как на белых вершинах деревьев
Искринки зимы обретают ночлег,
И тяготы осени вмиг погребает
Первый снег, этот первый снег!

Наступит весна, и природу, быть может,
Окрасит цветастый весенний побег,
Но ныне её одевает в белое
Первый снег, этот первый снег!

Я жду тебя в белых объятиях ночи,
Приди, о возлюбленный мой человек,
И пусть на губах твоих жарких растает
Первый снег, этот первый снег!

Душа моя первой любовью пылает,
Белее и чище, чем снежный набег,
И пусть тебе сам все об этом расскажет
Первый снег, этот первый снег!

Как хороша, как красива картина!
Невольная радость в ее белизне,
Как будто печаль поглотил незаметно
Первый снег, этот первый снег!

Сирожиддин САЙИД Народный поэт Узбекистана

Два века – одна жизнь

Памяти А. Вознесенского

Душа покинула тело,
Вокруг облаков пелена,
Жизнь мира не знает предела –
Моя ж исчерпалась до дна.

Божьим рабам зашитой
Тень Бога до судного дня,
На лунном серпе душа взмыла,
Исчерпана жизнь до дна.

Что пользы от дней эпохи? –
Ведь речь мне уже не дана.
Роса так просила слова,
Но жизнь исчерпалась до дна.

Ты, бабочка, кружишь прошально
В предчувствии смертного сна,
Мгновенье твое миновало –
Исчерпана жизнь до дна.

Нажил я две семерки,¹
Жизнь ими определена,
Прими же теперь меня, небо,
Исчерпана жизнь до дна.

Разрушилось жизни здание,
Где тяготы, боль и нужда,
Растрескалось все и распалось –
Исчерпана жизнь до дна.

Терпение, твердость, стойкость –
Два века, а жизнь одна,
Все надвое раскололось,
Исчерпана жизнь до дна.

В лавке Твоей, о Боже,
Мне доля моя отдана,
Счета уже все закрыты,
Исчерпана жизнь до дна.

Фарида АФРУЗ

Все тот же вы,
все с тем же самым взглядом,
Который хочет жечь – как жечь дано огням.

Прошли года,
но не были вы рядом,
И только память мысли гонит к вам.

О, слава Богу,
вновь свершилась встреча,
Но только иной волос ваш покрыв,

Мне было нелегко,
и вам пришлось не легче,
И эту боль, увы, никто не исцелил.

О, ваши волосы,
пред ними я склоняюсь:
Они – в тоске белеющий рассвет.

В них ваши письма –
те, что не писались,
В них мой ответ – непосланный ответ.

Икбол МИРЗО

Народный поэт Узбекистана

В музее ХХХ века

Вот посмотрите – это телевизор.
Пред ним все наши прадеды пра-пра
Просиживали чуть не беспрерывно
От вечера до самого утра.

А тут уже – компьютеры. Смотрите,
Наш предок лет уж с тысячу назад
Прекраснейшим таким изобретением
Единой сетью мир сумел связать.

Вот здесь летательные аппараты:
В них первобытный предок наш взлетал
И через неба синие просторы
В космические дали проникал.

Все экспонаты, господа, бесценны,
Мы здесь наследье наше сохраняем.
Пожалуйста, руками не касайтесь,
И просьба: не плевать насваем!

¹ Андрей Вознесенский прожил 77 лет.

Улугбек ХАМДАМ

Надежда

Чем наша короче становится жизнь,
Тем все протяженной наш горестный вздох.

Чем больше мы ждем песнопения птиц,
Тем громче стервятников переполох.

Чем выше мы голову рвемся поднять,
Тем ниже склоняет нас тягостный рок.

Но все ж вопреки полновластью тревог
Живет в нас Надежда, как чуда залог,
Как вечности дара волшебный итог.

Сирожидин РАУФ

Ты нужна мне, нужна,
как иссохшим губам
капля влаги живой нужна
и как птицам нужны
для полета крыла,
ты нужна мне, как жизнь сама.

Ты нужна мне, нужна:
каждый час,
каждый миг,
ошущая дыханье твое,
Я томлюсь и сгораю
в огне моих чувств
И опять холодею в тоске.

Я – пристанище ночи:
все страхи ее
я вобрал и впитал в себя.
Ты же – свет,
что улыбкой, подаренной мне,
отгоняешь те страхи прочь.

Но кто я?
О себе знаю только я сам.
Мне покоя никак не дает
моя жажда полнее постичь тебя,
вот зачем я ишу к тебе путь.

Я увидел:
есть нечто в твоей душе,
предназначенное лишь мне.
Это Нечто
есть жизни волшебная мощь,
Чтобы я еще далее жил.

Но ты так беззаботна:
не хочешь смотреть
на бессильное тело мое,
и, бросая едва снисходительный взгляд,
испытуешь терпенья предел, окончательно
руша меня.

Ты нужна мне, нужна:
сердца нежный простор
был потерян на тысячи лет
и в томительной жажде
предчувствием жил
благодатного ветерка.

Пусть понятно:
границ для фантазии нет
в устремленье воспеть тебя,
но все правды, все вымыслы будут слабы,
если сердце томит любовь.

Чтобы дерево жизни
с поюшей листвою
мне в душе сохранить и сберечь,
всем моим существом
как молитву твержу,
что вся суть моей жизни
лишь в прелести слов,
говорящих «ты мне нужна!»

Перевод с узбекского Николая ИЛЬИНА

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Доцент. Редактор журнала «Преподавание языка и литературы».

философия искусства

ЧЕРНО-БЕЛАЯ РАПСОДИЯ ЦВЕТНОГО МИРА

Эссе

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине...
И отвержение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...*

Александр Блок.

Этюд I. Постигание Пространства.

*Жить стоит только так, чтобы
предъявлять безмерные требования к жизни.*

Александр Блок.

Язык мифа – совершенно универсальный язык. Только ему одному дано так кодировать информацию, что она не искажённой проходит сквозь тысячелетия, как луч вселенского светила. Но мы, люди современного мира, не всегда способны найти ключи к расшифровке того или иного мифа, потому что она, эта расшифровка, требует не математического анализа, а образного, художественного осмысления. Здесь-то и проявляется удивительная способность ташкентского художника Анвара Мамаджанова с помощью графической линии прозреть в сиюминутном сегодня Вечное, а через это самое Вечное говорить о повседневном. Для него изображение – символ реальности и в то же время сама реальность. Так реализуется сверхзадача художника, стремящегося сквозь оболочку окружающего нас мира проникнуть в его сердцевину, дабы понять кто *Мы* и для чего *Мы*.

Но мир сегодняшний всё больше заполняется тенями прошлого. И никуда Истории не деться. Она остаётся в нашем сознании, ибо Память, как известно, умеет безжалостно судить. Только манкуртам, о которых когда-то напомнил нам Чингиз Айтматов, недоступно понятие Совесть.

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Невообразимо трудно писать о человеке, которого знаешь уже более чем половину столетия. Почему? Вероятно, от желания быть объективным и от этого понимающим, что ты практически ничего не знаешь об этом человеке! Или знаешь только то, что внешне преподнесено в анкетном разделе «биография». Тем более трудно это делать, когда речь заходит о художнике! Рассказать о нём так же невозможно, как описать музыку! Какими бы словами вы не рассказывали о ней, всё равно вы не сможете почувствовать ту самую нервную дрожь, которая охватывает человека, когда звучит музыка! В этом, пожалуй, и заключена вся мощь настоящего искусства – оно необъяснимо словами! Произведение искусства надо слушать, его надо видеть, его необходимо самому прочувствовать! Порой сами художники не могут досконально объяснить своё произведение, ибо картина в разные моменты Времени (хотите вы этого или нет) принимает различное внутреннее состояние, иную духовную константу.

Сегодня на «Олимпе» художественного бытия Центральной Азии я могу честно констатировать наличие только трёх выдающихся «рисовальщиков» (и пусть опять по ночам разрывается мой телефон от истерично возмущённых «неотмеченных мной гениев»), это Баходыр Джалалов, Александр Тюрин и, разумеется, мой замечательный *якин ошна*¹ Анвар Мамаджанов!

Но если рисунок ташкентского художника Тюриня ближе к манере карандаша основоположника рококо Антуана Ватто, как стилового направления, а великолепные работы живописца Джалалова чем-то напоминают мне предварительные рисунки к картинам галантно-гривуазного Франсуа Буше, то карандашные произведения Мамаджанова – это великолепная школа братьев Джованни Баттиста Тьеполо и Джованни Доменико Тьеполо, ну, может быть, – Жака Калло (если мы будем констатировать только графическую манеру), ибо все работы Анвара густо замешаны на «восточном бульоне» традиций и остро приправлены «зирой, посеянной» в своё время Валентином Фадеевым и Максудом Тохтаевым.

Правда, мои замечания совсем не говорят о прямом заимствовании Анваром манеры или мировоззрения этих мастеров. Отнюдь! Наоборот, своеобразие работ Мамаджанова только подчёркивается теми примерами закономерности в творчестве «больших» художников, которая присуща только мастерам, прошедшим суровую школу переходных эпох. Сложность и противоречивость нашего времени объясняют противоречивые черты в искусстве Мамаджанова. В его работах заметны пережитки маньеризма – они сказываются и в мировосприятии художника, и в его изобразительных приёмах.

Стараясь разобраться и понять творческую составляющую этого видного мастера рисунка, мне пришлось разбираться с тем *Пространством*, в котором формировалось мировоззрение Анвара Мамаджанова. Как бы этого не хотелось нашему «прогрессивному» искусствоведению, но истинный художник неотделим от времени и того пространства, в котором формируется его творчество.

Коренной ташкентец, родившийся в семье уважаемого Алимджана, который дружил со своим соседом поэтом Гафур-ака Гулямом, Мамаджанов прошёл «классическую тропу» настоящих художников нашей страны – от художественного училища им. П. Бенькова до выпускного бала в Ташкентском театральном-художественном Институте им. А. Островского. Эти «храмы» познания Истины Великого Искусства располагались неподалеку от дома Анвара. Следует при этом заметить, что в Ташкенте того времени всё самое интересное и нужное для любого жителя было буквально «под боком»!

Город, в котором мы с Анваром когда-то жили, росли, мужали тает в тумане

¹ Якин ошна (узб.) – близкий друг, «одноклассник».

Времени. Улицы уходят, уходят вместе с родителями в небытие дома, уходят с нашей памятью скверы...

Любовь к Родине начинается с любви к своему дому, улице, запутанному переулку, широкому проезду или глухому тупичку – банально, но это святая правда. В них был заложен и образ духовной культуры, улицы читались как книги своего времени, задания несли в себе ритм поэзии той поры. Строй духа был высок, он диктовал не только стиль, не только поведение горожан, но в какой-то мере определял характер общества. Город сам умел сбалансировать свою культуру и своего благородного (даже – *благодарного*) обывателя.

Наш Ташкент был настолько своеобразен и неповторим, что его многообразный лик был истинно узнаваемым портретом всей Республики. Именно в многообразии жизненных композиций и заключалась его оригинальность. Каждая улица была поистине «страницей» Истории, формировавшей наш духовный облик.

...На тетрадных листках, на пустынных обложках наших учебников, на альбомных страницах, а потом и на ватманах Анвар Мамаджанов перьевыми ручками, простыми карандашами рисовал, рисовал и рисовал наши улочки (так узнаваемые даже спустя полвека) – Арпапая, Алмазар, Фуркат, Кукча, Лабзак, Хадра, Сибзар, Укчи, Каттабаг, Бешагач, Караташ, Эскиджуба, Сагбан, Самаркандар-база и т. д. и т. п. Ох, и доставалось же ему от учителей в школе за подобное «кошунственное» действие в отношении «чистых страниц» школьных учебников, «не санкционированных художеств» в ученических альбомах! А он, всё равно, рисовал и рисовал. Рисовал улочки и тупички уже забытых нами же махаллей.

Кто сегодня может вспомнить, что вокруг Бешагачского рынка («Дехкон бозори») были махали: Бирдон-базар (щиновки из камыша), Грунч-базар (рисовый), Гуза-базар (хлопковая древесина), Канд-базар (сахарный), Буйра-базар (щиновки), Арпа-поя (поле, засеянное ячменём), Капан-базар (саваны), Маш-базар (бобовые), Насвай-базар (нюхательный табак), Темерчи-базар (кузнечный), Маиз-базар (фруктовый, кишмишный), Ун-базар (мучной), Алмазор-базар (яблочный), Укчи-базар (литейский пух), Ураклик-базар (серповый), Чинни-базар (фарфоровый), Нанвой-гузар (лепёшечный), Пахта-базар (хлопковый, ватный), Сабзи-базар (морковный), Гуль-базар (цветочный) и т. д. и т. п. Целых 76 названий! И в каждой махалле свои образы как этнические, так и социальные. Вот их-то и рисовать – не перерисовать!

Время вынесло нас на край громадного каньона, разделяющего миф и реальность. Ежедневно и постоянно культура на глазах уходит в культурологию, реальность истаивает и, в конце-то концов, станет археологией, миф же о нашей жизни уплотняется.

Чувство города атрофируется болезненно, нестабильность городского ландшафта вторгается в людскую жизнь. Жуткие выбоины в городской застройке оставляют пустоты в нас. Как, в сущности, страшно наблюдать исчезновение прежнего города!

И бродят неприкаянные тени тех, кого мы знали, кого любили, кого забыли и не знали вовсе. И они не находят места, где упокоенною душой они могли воздать моления родным Пенатам¹ во имя сохранения благополучия родных и близких пока ещё живущих в этом подлунном мире.

Я узнаю лики этих теней, я слышу их голоса, я чувствую их тревогу о нас, оставшихся сиротами в родных городах. И где же их дух? В чём смысл нашей жертвенности? Уже нет ни дома, ни подъезда, примостившегося сбоку, ни оконца моего дома, в котором стоит большущий аквариум и с незапамятных лет живёт кактус, а в вечернем сумраке прохожий может часами любоваться на это чудо,

¹ Пенаты – в древней Средней Азии хранители (ангелы) домашнего очага.

стоя на тротуаре, у журчащей прохлады арыка. Но всё это ещё долго живёт в нашей памяти в качестве призрака. Со временем исчезнет. Он, мой город, ушёл из-под ног за какие-нибудь двадцать лет. Но он уходил давно, он медленно уходил вместе с ангелами, которые нас сохраняли от невзгод и лишений.

А вместо ангелов обязательно явятся демоны «...прекрасные снаружи, ужасные внутри...», какими их увидел Анвар Мамаджанов и запечатлел видение на белой плоскости пространства листа в 2007 году.

...Дух нашего города, кажется, уже на веки запечатлён в рисунках Анвара Мамаджанова. Откуда эта тяга Мамаджанова к чёткой линии, которая не просто красива, а невысказанно выразительна? В каких забытых генетических кодах хранится в его сознании эта интеллектуальная базисная основа высокой философии?

Возможно, она восходит к древним памятникам художественного творчества человечества, которые сохранились в наскальных изображениях. Их следует рассматривать как величайшее открытие, быть может, не имеющее ничего равносильного в истории человеческой цивилизации по тем возможностям научных выводов, которые в них заложены.

Наскальная живопись и графика палеолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа выступают в роли подлинных свидетельств рождения высших механизмов мышления и становления человеческого сознания. Тысячелетия назад, «открыв своё воображение», человек «остановил мгновение», таким образом приобретая известную власть над временем; он как бы положил начало новой форме бытия – бытию художественной формы, что и было предпосылкой появления затем божественного образа.

Летопись истории человечества, записанная графикой на скалах и каменных стенах пещер, ещё ожидает своего прочтения. Ведь к четвёртому тысячелетию до нашей эры – в эпоху неолита – в наскальных рисунках появляется тема эпических сказаний, зарождается мифологическое мышление. Обобщая до схематических знаков видимые предметы, человек неолита делал огромный шаг вперёд в развитии своего умения абстрактно мыслить и осознавать общие принципы образования форм. Именно здесь лежат истоки пиктографии – рисуночного письма.

Способность к абстрактной ассоциации окружающего мира у древнего человека вырабатывала Великую идею Божества! В истории всего человечества именно так складывалось религиозное мировоззрение. Мегалитические сооружения и изображения на скалах как на объединяющем пространственном космосе мира человека были, на мой взгляд, одним из самых революционных проявлений цивилизации человека разумного – *Homo sapiens sapiens*!

Изумительное величие художественной графики наскальных творений открывает скрытое во мраке тысячелетий – портреты праотцев каждого из нас. Поэтому у Анвара Мамаджанова такая неистребимая любовь к этому петроглифическому феномену.

Несомненно, что для любого художника Рисунок – это азбука живописи. Но, кроме того, рисунок самый сложный вид живописного искусства. Бывает, что кого-то на рисунке и «заклинит». Тогда появляется Графика и производные от неё. Однако рисунок как выражение первопричины художественного видения мира обладает непостижимым для нас – простых смертных – магическим языком. Язык этот общечеловечен. Любое письмо мира родилось из рисованного знака! Именно эта мысль подспудно фигурирует в работах Анвара Алимджановича.

Вот поэтому-то любая из линий его рисунков кажется совершенной, благодаря сочетанию открытой пластичности и жёсткой завершенности. Хотя понятие «пластичность» Павел Флоренский относил только к скульптурным изваяниям, но

никак не к живописи или графике. Образная фантазия Мамаджанова, ведущая к поискам гармоничного начала бытия, уводит этого великолепного знатока света и тени в мир легендарных образов, которые становятся реальностью нашего бытия.

Его реализм настолько жизненен, что рисунок кажется более реальным, чем натура. Тем более, что натура-то уже уходящая в небытие. Как прощание с отцом или любимым дедом. Такова жизнь во всей своей неотвратимой жестокости. Но как любим этот мир теми, кто ценит жизнь во всей её многогранности!

...Удивительно живые и пронизательные глаза восточного мудреца глядят с рисунка. Взгляд строг, а губы улыбаются. Когда и где Анвар увидел Омара Хайяма, сидящего у такого же, как этот старик, древнего дерева, я не знаю! Но этот философ, мудрец, знаток всех математических чисел и поэтики был, несомненно, именно таким! В каких генетических закоулках Памяти хранит Мамаджанов сей образ? Или это просто Озарение? Как знать.

На картине глаза абсолютно трезвого человека, пережившего своей мудростью свою же собственную старость. ...*Вином или Сомнениями полна пиала... – не знаю Я. Любви ли ангел ты, иль смерть в общении даёшь... – не знаю Я. Но выпью я до дна ту чашу полную вина, рукой твоей преподнесённую... – не знаю Я. О мой народ! Создатель наш! Так выпить эту чашу или нет?.. – не знаю Я...* – вопрошает он нас.

Неоднозначна эта картина «Омар Хайям» (2007 г.). Не потому, что в ней какие-то противопоставления, а тем, что она до безумства жизненна! Она реальнее самой жизни, хотя перед нами всего лишь рисунок. И где искать ответ? Возможно, у самого Мамаджанова есть припасённое тайное слово, ибо персидский поэт указывает пальцем на подвеску у своего пояса с аббревиатурой автора. Ангел нежен и красив, но в то же время упорен в устремлении, как соблазн. Да, несомненно, именно эта дева сберегала поэта до его глубоких седи. И кажется мне уже, что ангел и поэт неотделимы, а два белоснежных крыла принадлежат в равной степени им обоим. Неужто художник увидел милость Божью к своим творениям? Тогда прав, вероятно, Халиф Омар провозглашавший: «*Молитва приводит нас до полдороги к Богу, пост – к дверям Его дворца, а милостыня вводит нас туда*».

Он – Анвар – неподдельно реалистичен до самого малого штриха, до еле заметной тени на чистом листе бумаги. Но не бравитует академизмом или великолепной школой, а воспроизводит опыт своей жизни.

В рисунках художника Мамаджанова прежде всего обращают на себя внимание свободные пространства чистого листа. Он будто любит белизну этого пространства, на котором проступают чёрные штрихи и уверенные линии. Проступая, они в то же время растворяются в нём. Чистый лист позволяет вообразить иную пространственную концепцию.

В самом деле, организация пространства, например, музыки – безгранична. Она делает пространство каким угодно. Поэтому творческая работа композитора, как и наука, требует значительной доли активности слушателя. Задача, предстоящая слушателю музыки, допускает множество решений. Композитор волен в своих замыслах потому, что материал его не имеет никаких вещественных или визуальных доказательств существования мысли; но именно потому не во власти композитора заставить своего слушателя провести образы и надлежащую им организацию пространства в определённом, заранее заданном смысле: существенная доля сотворчества лежит на исполнителе музыкального произведения и его слушателе.

Другое дело – изобразительные искусства. «Цель художества – как определял

когда-то Павел Флоренский, – преодоление чувственной видимости, натуралистической коры случайного и проявление устойчивого и неизменного, общечеловечного и общезначимого в действительности». Иначе говоря, цель художника – преобразить действительность. Но действительность есть лишь особая организация пространства, следовательно задача искусства – переорганизовать пространство, то есть организовать его по-новому, устроить по-своему.

Вот на листе ватмана карандаш Анвара вдруг создает двух странников, постигающих безмерное Пространство. Всматриваясь в них, понимаешь, что они древнее Времени и мудрее вечных Пирамид. Огромные корявые посохи помогали им преодолевать такие немислимые Пространства, в которых заключен весь мир человеческий с его суетой, обыденностью. Этот портрет «Дервишей», появившийся в 2010 году, как-то не совсем обычно высвечивает облики проповедников внутренней духовности. В глазах этих стариков нет и намёка на иступлённое религиозное умопомрачение. Как у Мамаджанова глаза дервишей ясны! В них есть задумчивость и (как ни неожиданно) любопытство познания, ибо они знают язык простых птиц, чувствуют красоту Природы, умеют сами удивляться. В их хурджунах¹ кувшины с живительной влагой, а на головах различные чалмы.

Это мы сегодня совсем забыли о том, что чалма – совсем не украшение, не просто головной убор, а символ готовности к смерти. В любой момент её неотвратимого прихода, в любом месте Пространства жизни. Чалма – это, прежде всего, погребальный саван, который всегда с тобой. При этом, разумеется, постоянное напоминание о смыслах и скоротечности Бытия. И сколько чётки не отсчитали бы молитв Всевышнему, одной единственной будет всегда не хватать. Но, может быть, именно в ней и было бы спасение? Как знать.

Так, беседуя с птицами – душами ушедших, – эти мудрые странники будто вторят: *«О, Господи! Не дай сердцам нашим совратиться с пути истины, на который Ты направил нас уже однажды. Яви нам милосердие Твоё, ибо Ты верховный подалец всех благ»*².

Великолепно владея грамотой рисунка, Мамаджанов показывает в своём творчестве, что он является пытливым, зорким и удивительно добрым (правильнее сказать – гуманным) художником. Он не расцветывает мир палитрами умопомрачительно ярких красок. Художник считает (и он в этом, безусловно, прав), что высшим достижением изобразительного искусства является **рисунки**! Не только потому, что это первое из древнейших изобразительных искусств, но и потому, что в задачу художника входит изумительная способность увидеть в чёрно-белом плоскостном изображении трёхмерное цветное соответствие миру вокруг нас. Не все художники обладают этой редкой способностью (и уж тем более – возможностью) передать это состояние!

Если вдуматься, объективный мир вокруг нас – это только та модель, которая была создана нашим мозгом! Мир реальный, скорее всего, совсем не такой, каким мы его представляем. И в силу своих индивидуальных возможностей, складывающихся из самых различных факторов и объективных причин, каждый человек представляет реальность существующего пространства по-своему. Истинное чудо – Вселенский разум, сотворивший способность у истинных художников передать визуально тот мир, который живёт в их разуме, в их сознании. И от этого, он – реальный мир – многолик! Это прекрасно!

Пространство рисунка (точнее – лист бумаги, на котором дано изображение)

¹ Хурдун – перемётная сума, плетенная или тканная дорожная сумка.

² Коран. Сура 3, ст. 6.

превращается Анваром в мир отличный от пространства, где мы с вами обитаем, с другими законами, масштабом, другой психодинамикой жизни. В сущности (и это хорошо понимает Мамаджанов) всякое искусство основано на Памяти, фактической, или подсознательной. Ты будто бы когда-то видел, чувствовал какие-то формы, которые легли в основу создания мира; до того, как ты был. То, что ты таким образом воспринимаешь и чувствуешь – это гораздо больше тебя, гораздо вечнее тебя, то, что было до тебя и будет после смерти. Это относится ко всему искусству, а рисунок – первое, что создал человек, познавая мир. *«Рисунок – не форма, но способ видения её»*, – говорил когда-то Гоген. Если художники палеолитических и неолитических времён только вписывали графическую линию в природное, уже расцветенное красками времени и камня, пространство, как бы неразрывно сливаясь с ним, идентифицируя себя с окружающим миром и своей линией, то Анвар Мамаджанов берёт чистое белое пространство и как поэт трепетно его заполняет строками ритмов, творит объёмную реальность ирреального, понимая при этом, что вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае, это пространство наших жизненных отношений, в другом – это пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукой и философией.

К сожалению, в современной узбекистанской станковой живописи довольно часто пространственные задачи просто остаются вне тех усилий и забот, которые волнуют современного художника. Я уже не говорю о пространственных слоях, о сложной пространственной структуре, так блестяще решаемых великими мастерами прошлого. Часто отсутствует даже простое «академическое» умение расставить фигуры в пространстве прямой перспективы, чтобы они занимали отведённое им место, не лезли друг на друга, чтобы голова одного персонажа картины не сидела на плечах другого.

Всякое рассуждение о пространстве, масштабе и прочем сегодня часто в художественной среде воспринимаются как устаревшее консервативное заблуждение, мешающее развитию «настоящего» творчества. Совершенно естественно, такая позиция проистекает, по-моему, из глубокого художественного невежества. Сложнокомпозиционное пространственное мышление, цельность воплощения – все эти исторически сложившиеся категории вдруг объявляются устаревшими. Легче что-либо объявить устаревшим, чем тратить силы и время на его постижение...

Этюд II. Постижение Времени.

*Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни
заключается в беспокойстве и тревоге,
уже перестанет быть обывателем.*
Александр Блок.

...Память, историко-культурная преемственность, национальное своеобразие искусства являются предметом и инструментом эстетики. Поэтому эстетика не просто стремится к изучению, познанию, но и проявляет абсолютную заинтересованность в полнокровном существовании. Самоопределение той или иной, даже новейшей концепции, как фактора конкретного культурного процесса начинается с решения вопроса о так называемых «вживаемости» или «внеаходимости» исследователя-художника в своем материале в определённый момент Времени.

Национальное своеобразие искусства шире его специфичности, поэтому его

исследование (как уже неоднократно отмечалось в моих работах) не может сводиться к поиску уникальных и неповторимых черт. Культуры отличаются не колоритом «местных» красок. Элементов художественной культуры, присущих искусству всех народов, гораздо больше, чем специфических. Говоря: «*это только наше*», мы в подавляющем большинстве случаев лишь обнаруживаем свою недостаточную осведомлённость в историческом и современном содержании искусства других народов. Не менее ошибочно сравнивать национально-художественные миры с системами, располагающими одними и теми же элементами и различающиеся между собой только организацией этих элементов внутри самих систем.

К крайностям первого случая склонны релятивистские школы в современной этносоциологии, констатирующие калейдоскопическое множество не сводимых к «единству» культур.

Компаративистский метод сравнений позволил получить большое количество свидетельств, говорящих о родстве, идентичности по ряду показателей различных культур народов мира. Однако при этом ускользает главное – единство мирового культурного процесса, живое развивающееся единство, а не арифметическая сумма художественных культур. Недостаточность компаративистского подхода в том, что факты художественной культуры рассматриваются вне исторического контекста их возникновения и существования. Сравняются конечные (на нынешний день) результаты. Следуя этим путём, можно, конечно, воздвигнуть гипотетический храм «единой» мировой культуры, идея которого снизошла на экстравагантную художницу Любовь Тиора, разрабатывающую арт-концепцию «Врата в Миры иные». К этой эстетике более успешно стремятся и Баходыр Джалалов, и Аслиддин Исаев, и Виктор Апухтин.

Мамаджанов ищет другие пути постижения «миров иных», засматриваясь в уже известный, но для каждого неповторимый окружающий нас мир. Раньше путешествовали, чтобы оказаться в другом месте, впитать противоположные культуры и стать от этого богаче. Теперь путешествуют, чтобы почувствовать себя в *пространстве*, отряхнуть повседневную ирреальность существования. «Теле-ящик» информировал нас настолько, что и «открывать иные миры» нет никакой надобности, а вот впитать в себя пространственные координаты и постигнуть временные параметры можно и попробовать самому.

Если Джонатан Свифт отправлял своего героя – выпускника колледжа Иманьюеля в Кембридже Лемюэля Гулливера – в самые необычные страны: в Лилипуты, в Бробдингней, в страну Гуигнгнмов, в Лапуту, в Бальнибарби, в Лаггнegg, в Глаббодбриб и даже в абсолютно загадочную Японию, то Анвар, прочтя о его невероятных приключениях ещё в детстве, надолго был потрясён богатым воображением автора, лапутяне и гуигнгнмы для него долго существовали наяву, и эта романтическая вера проходит через всю его жизнь.

Самые известные иллюстрации к этому фантазмагорическому произведению Свифта были созданы более столетия назад Жаном Гранвиллем и украшали почти каждое издание во всем мире. Но Анвар Мамаджанов увидел ещё в детстве этих героев по-своему, по-азиатски.

Иллюстрации, созданные Мамаджановым к этой удивительной приключенческой истории, настолько своеобразны, что читатель-зритель безоговорочно верит в достоверность показанных художником образов. Каждый герой произведения внешне индивидуален, самобытен и неподражаем. Это живые персонажи, в которых отсутствует некая кукольность, присущая большинству иллюстраторов сказочно-фантастических текстов.

Мамаджанов иллюстрирует наиболее увлекательные фрагменты текста Свиф-

та и делает это в манере стоп-кадра. При этом практически не работает со светотенью, а строгими уверенными линиями строит конструкцию рисунка, часто прописывая самые мельчайшие детали. Умение передать настроение изображаемых персонажей повествования, их эмоциональное состояние вводят читателя-зрителя в психологическую атмосферу бытия Гулливера.

Потом, значительно позднее, эта «манера» изобразительного языка проявится в творчестве Анвара наиболее ярко в оформлении книги «У трона Ахура Мазды. Книга I. Пламя Заратустры». Но именно в оформлении этой книги «художественный язык» Мамаджанова становится, почти мистическим! Рисунки Анвара Алимджановича порой затеяют графику Оноре Домье и, уж точно, на порядок искуснее работ Гюстава Доре. Его рисунок на одном, как я уверен, уровне с мимолётными карандашными шедеврами Юрия Анненкова. Думаю, трудно будет меня в этом мнении опровергнуть. Не могу не процитировать по такому поводу: «... Подобно тому, как луч света играет в алмазе к удовольствию зрителя, но без всякого изменения материальной основы камня, так и здесь духовный свет абсолютного идеала, преломлённый воображением художника, осознаёт тёмную человеческую действительность, но нисколько не меняет её сущности. Допустим, что поэт более могучий, чем Гёте и Шекспир, представил нам в сложном поэтическом произведении художественное, т. е. правдивое и конкретное изображение истинно-духовной жизни, – той, которая должна быть, которая совершенно осуществляет абсолютный идеал, – всё-таки и это чудо искусства, доселе не удававшееся ни одному поэту, было бы среди настоящей действительности только великолепным миражом в безводной пустыне, раздражающим, а не утоляющим нашу духовную жажду. Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, переосуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы? В истории мы их не находим: мы видим здесь искусство изменяющееся в процессе развития. Отдельные отрасли его достигают возможного в своём роде совершенства и более не преуспевают; зато возникают новые...»¹. Именно это та самая мысль, характеризующая иллюстрации Мамаджанова к истории возникновения зороастризма в Центральной Азии. Правда, этот уникальный цикл иллюстраций требует отдельного, очень обстоятельного рассказа. Однако предварительно надо заметить, что обращение к прошлому, как показывает опыт, это отнюдь не всегда бескорыстный поиск Истины. Но расчистка глубинных корней, как считает Анвар Мамаджанов вместе со мной – автором книги о зороастризме, даёт живительную силу чувству патриотизма, наполняет жизнь человека высоким общественным, нравственным смыслом.

Например, язык искусства древности был забыт уже в XVI веке. И когда рационалистически воспитанный, замороженный своей мощью новоевропейский ум обратился к памятникам древнего искусства зороастрийцев, они ответили непроницаемым молчанием. И вопрошающие восприняли молчание за немоту, так как уже не сомневались, что язык, на котором сами европейцы говорят, – это единственно разумный во все времена и на все времена.

А оказывается, забытые и «немые» художники древней Средней Азии тоже творили мир, но такой, «центр тяжести» которого лежал по ту сторону земной реальности. Это был мир абсолютных идей, в котором действовали законы не реальных масштабов и соответствий, а иерархия смысловых величин. А так как значения этих величин были заданы априорно и канонизированы в любой точке и

¹ Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. Общий смысл искусства. М. 1991. С. 88-89.

любом мгновении этого мира, то они в глазах своего зрителя становились как бы неизменяемыми «идеологическими массами», взаимодействующими с Пространством и Временем своего бытия.

...Великолепное знание истории религии родной страны и своего семейного древа (думаю, что любой нормальный человек обязан знать имена своих прапрадедов) позволили Анвару обратиться к сюжетам тех теней, которые ему привидятся, или в предрассветной прохладе явственно появляются в сознании. Но вот *неосознанное*, явившееся вдруг, спонтанно, это путь к постижению Истины. Есть в этом прекрасном мире, в котором мы живём, и *непознанное*, но надо смириться с тем, что существует и *непознаваемое*, однако сам процесс познания бесконечен и этим изумительна сама жизнь человеческая...

Как-то мне пришлось услышать мнение одной из местных искусствоведов о том, что, если бы Анвар не стал художником, он был бы поэтом. Но каждый настоящий художник – это и есть уже, прежде всего, Поэт! Ибо нельзя быть художником без поэтики Души! Художник, не обладающий внутренним голосом ритмики, является обыкновенным маляром, пусть даже и высокопрофессиональным. В лучшем случае из таких получаются «певцы овощных и колбасных вывесок». Вспомните про тот добрый десяток примеров, когда поэты от Бога были сначала художниками Судьбы: Андрей Вознесенский, Владимир Маяковский, Алексей Гвардин, Маковский, Даши Намдаков и т. п. И не ясно, чего же в них больше – живописи или поэзии?

Этюд III. Постижение Жизни.

*О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – очеловечить,
Несбывшееся – воплотить!*
Александр Блок.

Мамаджанов Анвар не занимается специальным усложнением художественного языка своих произведений, это тот показатель, который говорит об индивидуальности его рисунка (как насущной необходимости творческого качества, присущего художнику). Происходит постепенное исчезновение декларативности и общих мест в его работах, сюжеты принимают конкретный историко-романтический характер, понятный своей доступностью. При этом любая из линий его рисунков кажется совершенной, благодаря сочетанию открытой плавности и жёсткой завершённости. Образная фантазия, ведущая к поискам гармоничного начала бытия, уводит великолепного знатока света и тени, коим является Анвар, в мир легендарных образов, которые, вне всякого сомнения, становятся реальностью нашего бытия...

...Нам с Анваром Мамаджановым никогда не дано, вновь пройти по нашим добрым ташкентским улицам, как и любому другому жителю нашей Республики не обойти никогда уже улицу, на которой родился и вырос. Это становится Судьбой, необъяснимой, безжалостной.

Мы, люди урбанистической культуры, пленники линейного времени, чем-то подобны мулу, который идёт вперёд, догоняя пучок сена, закреплённый на палке перед ним. Воспитанные в очередях, на суррогатах идей и эмоций, мы невежественно отвергаем в себе и окружающем мире многое из того, чем жили и что считали высшими ценностями не только поэты и учителя Востока, но и те, кто

создавал, например, парки, скверы и архитектурные ансамбли наших городов. И мне боязно, что в наше время однозначных и непритязательных лозунгов, пристрастия к ярким локальным цветам или чёрно-белым вариантам, работы моего друга – виртуозного рисовальщика – на наших выставках окажутся невостребованными культурным отечественным сознанием зрителей. Ненужными окажутся шемшая душу элегантность и теплота. А ведь без принятия сложившегося в душе каждого уходящего огромного внутреннего мира нельзя избавиться от разрушительных инстинктов, копившихся годами, нельзя отправиться на поиск хоть какого-нибудь позитивного мироощущения. Но мне путь к розыску Смыслов и Бытия родного города, подсказывают строки Александра Блока:

*...Так явственно из глубины веков
Пылливый ум готовит к возрождению
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье...*

Как же прав был этот гениальный художник слова! Именно в «бытии возвратного движения», в сущности существования нашей с вами Памяти и есть смысл возвращения домой, возвращения к классическим канонам живописного искусства, возвращения к духовным приоритетам наших человеческих душ.

Нередко мы знаем и ценим красоту той реальности, которая была создана нашими отцами, дедами, прадедами! Аборигены своего города, мы вдруг станем в нём туристами, будучи пристыженными большими познаниями его ценностей, обнаруженными какими-то заезжими путешественниками.

...Возникновение городов – один из основных признаков перехода от варварства к цивилизации; город выходит за пределы привычных обыкновений, отношений и связей общинного мира. С самого начала город – это центр общения с главным общим богом (а не со своим покровителем дома и рода) через городской храм. Город – это и архитектурный феномен, творение строительного искусства, и социокультурное образование, где представлены разнообразные формы жизнедеятельности людей.

В своих многообразных функциях город становится объектом исследований многих наук, в том числе урбанистики, социологии города, социальной психологии, а также эстетики, культурологии, философской антропологии. Образы города находили и находят свое воплощение в художественной литературе, образном искусстве, кино. Эти виды художественного творчества создают образную панораму города, корпус определенных текстов, которые «отражают» город, но значительно отличаются от текста самого города, который представлен как множество семантических связей между горожанами и их материальным окружением. Как говорил Ю. М. Лотман, исследуя город, «...мы создаем некую модель, которая сама себе равна, и она очень удобна для исследовательских построений. Но в модели нельзя жить, нельзя жить в кинофильме, нельзя жить ни в одном из наших исследований».

А жить можно только в том, что само себе не равно. То, что все время о себе говорит на разных языках»¹.

Улицы любых городов – это страницы истории, а дома и жители в них – бесценные строки этих страниц.

Вот тут-то, вдруг, как мираж или откровение, на экспозиционных стендах заблистали перлы классического рисунка, созданные Мамаджановым. Серия

¹ Лотман Ю. М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб. 1993. С. 85.

изумительных по красоте, виртуозности и философскому воплощению настоящих карандашных картин под названием – «Дорогие мои старики!».

В 2010 году как символическое возвращение в отчий дом Анвар Мамаджанов начал работать над новой серией рисунков, посвящённых старикам. Точнее, думать и сопереживать над этой темой он начал за долгие годы до творческого момента их воплощения на ватманах. С детства присматриваясь к этим городским мудрецам на рынках, в чайханах, в тенистых улочках и парках, он восхищался их детской непосредственностью, являющейся образчиком глубоководной восточной мудрости.

Вот на рисунке чемпионат по шахматам на первенство махалли. Два удивительно динамичных старика, явные антиподы друг другу, со своими советниками ведут игру по напряжению, не уступающую чемпионату мира! Левый главный персонаж в глубокой задумчивости и часы его отсчитывают время предстоящего проигрыша. Правый игрок – возлежащий толстячок – совсем не прост. Он, как ловкий жулик, отвлекая внимание на поднятую в руке пешку, ногой подсовывает на шахматную доску другую, уже проигранную, фигуру. Мамаджанов, словно сторонний наблюдатель, обладающий чувством юмора, наблюдает за соревнованием и приглашает зрителя принять участие в игре. Так кто же победит в этом первенстве?

А вот сценка с двумя стариками, одному из которых ужасно не повезло – где-то на ступне ноги застряла заноза. Эмоционально переданы лики героев этого рисунка, в которых видна неподдельная боль, ужас и сочувствие. И даже три перчика, висящие на гвоздике, не могли уберечь старика от «вселенского» несчастья. Следует отметить, что одеяния всех персонажей на рисунках этой серии поистине восточные вне привязки к какому-либо региону. Только незначительные детали указывают на современность изображённых событий.

Два странника, отдыхающие под деревом, вдруг заметили жука и словно дети, объятые любопытством, озорством, затеяли неприхотливую, шаловливую игру. Но вот, просто феноменальная сцена – группа буквально поглупевших от ситуации мужичков! Художник даёт пояснительную надпись: *«Она здесь часто проходит – после этого два часа никто не работает!»*. После этого становится понятным, кто мгновение назад прошёл мимо, и кому эта группа смотрит в след. Каждый из персонажей по-своему переживает эту встречу.

На другом рисунке мы видим спящего под деревом старика. *«Обеденный сон – самый сладкий»* – подписывает рисунок Мамаджанов. Действительно, после плотного обеда, нескольких пиал зелёного чая в полуденный зной – что может быть лучше, нежели спокойный и беззаботный сон? Тем более, что на душе спокойно и комфортно от удачных покупок, уложенных в мешки. Правда, вот птицелову на другом рисунке, совсем не до сна. Он поймал удивительную птичку и не может на неё налюбоваться, как заклинание повторяя: *«Такую красавицу я оставляю себе»*.

Анвар свободно и даже несколько высокопарно рисует своих стариков как дань памяти, как символ того уже безвозвратно потерянного мира, наполненного некоторой печалью, лёгким юмором, любовью и добротой. Мамаджанов создает произведения в какой-то очень высокой точке своего творческого развития, в точке, которая достигается тогда, когда материя непостижимых для нас пространств, внутри которых человечество живёт, сознательно способствует этому созидательному процессу. Иначе нельзя объяснить его вдохновения: уже не художник творит карандашом на бумаге или кистью на холсте, а некая сила, мыслящий дух, и это происходит в данный, конкретный миг.

Он открыто призывает своего зрителя приглядеться к тому, как они читают и эмоционально воспринимают газетные новости, как они задумываются

о пройденном пути и всматриваются в нас – зрителей – и, вероятно, думают о будущем. Художник добр и снисходителен к невероятным шуткам этих старых и наивных людей, сочувствует и скорбит вместе со стариками о неизбежном уходе в мир иной. «Без тебя и жизнь стала тенью», – говорит автор вслед своему герою. Но он уверен, что мыслящий дух этих хранителей истории поднимается на такую высоту, от которой мы все становимся только духовно богаче, благороднее и сильнее. Историческое беспамятство незаметно стирает из сознания человека такое понятие, как совесть. Бесстыдство поработило жителей наших городов, их дух.

Мыслящий дух при этом жертвует самим собой, и его самопожертвование совершается во имя долга перед Природой. Человек через мыслящий дух возвращает Природе старый долг. Когда-то, во времена своей молодости, Природа породила в человеке этот мыслящий дух. Теперь, наоборот, мыслящий дух ценой собственного существования возвращает Природе новую юность, состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития. Но правильно ли поступаем мы – люди интеллектуально не обойдённые этой самой Природой, люди, провозглашающие тут и там свою неусыпную заботу об этой самой Природе?

«Мы знаем все, как искусство трудно, знаем, как прихотлива душа художника, – говорил Блок. – И мы от всего сердца желаем, чтобы создалась, наконец, среда, где мог бы художник быть капризным и прихотливым, как ему это нужно, где мог оставаться самим собой... Мы знаем, что ему это необходимо для того, чтобы оставить наследие не менее нужное, чем хлеб, тем же людям, которые сегодня назойливо требуют от «мрамора» «пользы» и царапают на мраморе свои сегодняшние слова, а завтра поймут, что «мрамор сей – ведь бог».

Мамаджанов вновь и вновь возвращается в свой отчий дом. Пусть он эфемерен в чём-то сознании, но он реален и навсегда останется таковым в памяти Анвара – *pro aris et focis*. На выставках, посвящённых его родному городу, его работы пытаются коснуться тончайших, глубоко спрятавшихся где-то в подсознании нравственных струн зрителей, проходящих на эти площадки.

Этюд IV. постижение смыслов.

*Страна – под бременем обид,
Под игом наглого насилья –
Как ангел опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает...
Александр Блок*

...Сила воздействия любого произведения изобразительного искусства, думаю, мне, происходит от наличия двух качеств: духовной зрелости и профессионального мастерства. Понимая это, Анвар Мамаджанов упорно совершенствует сложную взаимосвязь идеи и технического мастерства, настойчиво стремится к образности, ясности и совершенству языка рисунка, жертвуя при этом соблазнами стиливой и литературной экстравагантности и псевдоновизны.

Мамаджанов равнодушен к балагану ремесленных приёмов. Он поставил для себя, на мой взгляд, настоящую программную идею того, что следует понимать под иллюстративными задачами – книга становится пространственно-временной ситуацией, в которую вовлечён читатель. Именно книга с помощью художника

делается частью (и очень немалой!), биографии читателя. И, благодаря рисункам художника, я – читатель – вижу произведение и его суть именно так, а не иначе.

Среди художников-иллюстраторов Узбекистана, пожалуй, не более пяти-шести имён действительно выдающихся новаторов, среди которых работы Анвара Мамаджанова занимают достойное место. Его творчество можно охарактеризовать как синтез гармонии и человечности. Работы именно таких художников и остаются в истории живописного искусства.

Стараясь наиболее объёмно проявить всю палитру восточного юмора, отличного от кичливой, часто хамоватой и от того наглого западноевропейского, Анвар Алимджанович иллюстрирует анекдоты Ходжи Насреддина. На этих рисунках Маэстро сотни персонажей, каждый со своим характером, своим (может быть, нелепым) юмористическим движением в созданном на листе особом пространстве.

Зачастую на выставочных площадках можно наблюдать унылую, неясную символику с неизбежным стереотипом композиций, в которых смешиваются в неравном браке беспредметное с тематическим, декоративное с реалистическим. Вычурность и претенциозность – враги опасные. Неискушённому зрителю кажется, что это «красиво», поэтому судьба таких работ и их авторов часто бывает куда более блаженной, чем у произведений глубоких и самобытных. А если уж художник-график постарался разбавить свои работы изрядной долей этнографических атрибутов, то неизменно они получают статус «традиционно народных», что на самом деле очень и очень далеко от действительности.

Каждая такая выставка отражает очень сложный процесс созидания живописной культуры Узбекистана. Явления далеко не однозначного! Зачастую те или иные художественные явления отличаются не степенью художественного постижения реальности, не правдой её отражения, а тем, что художник именно так видит мир, тогда как в другую эпоху он видел его иначе. О самом же мире, реальном, он и знать ничего не хочет! Эта схема удобна для того, чтобы возвести авангардизм в ранг высокого искусства. Получается, что будто он отличается от реализма не тем, что, ломая художественную форму, даёт искажение реальности, а тем, что представляет собой уникально-личностное видение. Качественная граница между реализмом и модернизмом снимается, как и всякие объективные критерии оценки и понимания искусства.

Если кто-то думает, что так называемый «авангард» тихо, незаметно, и от того пристойно, погрузившись в нирвану старческого маразма, скончался – это глубочайшее заблуждение! «Авангард» жив и явно здоров, подпитываемый торгашеским потребительством, кичевым вкусом определенных кругов, не имеющих представления об искусстве вообще. А между тем, язык искусства – это понятие причуд, которые вдохновляют нас на исполнение своего предопределения – транслировать более высокие требования к интеллектуальному потенциалу человека. Конечно, справедливо и высказывание древнеримского писателя Теренция: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto!». Но я искренне уверен, что никакой авангард не является единственной альтернативой развития искусства и вовсе не ведёт к «оздоровлению и очищению искусства»! И уж тем более, не является «понятным международным языком современности»!

Анвар Мамаджанов на уровне своего подсознания понимает, что кагорта альтруистов, к коей он себя причисляет, выживает, эгоистов – обязательно гибнет, ибо зло пожирает само себя.

Сегодняшний «демократический авангард» в нашем искусстве – это зачастую сладострастные мечты о барышах за сотворённую картинку. Иногда слияние «высокого» и «массового» искусства, авангарда и коммерческого кича. Авангард как

бы перестаёт быть разрушителем традиции, всё чаще становится «арьергардным», основанным на возврате к традиционной системе стилевых норм. Этот процесс конвергенции приводит к тому, что трудно бывает с абсолютной бесспорностью отнести какое-либо явление в современном искусстве к модернизму или к «массовой культуре». Так, например, некоторые теоретики относят гиперреализм или фотореализм к модернизму, другие, напротив, видят в них проявление принципов «массовой культуры». Интеграция разных сфер вовсе не означает, будто бы снимаются различия между модернизмом и «массовой культурой».

Традиционно проводящаяся выставка в выставочном зале Академии художеств Республики, посвящённая юбилею независимости страны, раскрыла интересный процесс, который происходит сегодня на узбекском художественном Олимпе: диффузию авангарда и кича, «высокой» и «массовой» культуры.

В подавляющем большинстве представленные работы можно было бы смело отнести к постмодернистскому течению, имеющему, естественно, свою эстетику, которая резко отличается от традиционной (я бы сказал даже – «высокой»), признающей искусство автономной областью деятельности, а антиэстетика этого течения, которая имеет только негативные функции и растворяет искусство в обыденной жизни (к чему, кстати сказать, некоторые яро призывают сегодня наших художников в рекламе и т. п.), иными словами, во всём, что *«отрицает идею привилегированности эстетической деятельности»*. Если модернизм всегда ориентировался на авангардистское искусство, отказывался от всего общепринятого, доступного, его произведения были наполовину *«таинством»*, наполовину скандалом, то, напротив, постмодернизм давно уже нашёл пути к коммерческому искусству и не отказывается от привычных, даже банальных форм, от элементов общепринятого, начиная от античной классики и кончая базарным клеенчатым кичем. Постмодернизм сегодня никого не пугает и не шокирует. Он отлично приспособился к требованиям рынка и коммерции.

«Массовая культура» мифологизирует историю, настраивает на чисто ритуальное поклонение своим героям. И мало кто понимает, что именно «массовая культура» – это возвратный путь к групповой ритуальной нерасчленённости, к растворению личности в стихии коллективно-бессознательного. Творения певцов «массовой культуры» так же, как и мифы, становятся предметами не познания.

Казимир Малевич когда-то справедливо писал: *«К моему большому огорчению, большинство молодых художников полагают, что дух обновления в искусстве подчинён новым политическим идеям и улучшению социальных условий жизни, благодаря чему они превращаются в исполнителей воли правителей, переставая заниматься обновлением красоты самой по себе»*.

Они забывают, что ценность искусства не может быть сведена к идее, какой бы она ни была, и что все искусства издавна стали международными ценностями, которые каждый человек может вкушать; они забывают, что мир и жизнь могут стать прекрасными только благодаря искусству, а не благодаря каким-либо иным циклам идей...».

...Постепенно, постигая притягательное творчество Анвара Мамаджанова, я вошёл в открытую дверь, за которой открылась сухая бездна! Нескончаемый поток ассоциаций требовательно заявляет о себе, ибо рисунок – это ответ истинного предназначения Искусства в жизни каждого из нас. Нет, наверное, на планете человека, который бы в своей жизни не нарисовал ни одного рисунка! И в этом Истина...

ПОЭЗИЯ

Сергей ГОРДИН

Родился в 1954 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал в Гостелерадио. Публиковался в периодической печати Узбекистана.

Если не лжет душа...**Ежик резиновый**

Юнне Мориц

От самого себя уходишь прочь
И от своих друзей благословенных,
Ты прошлым мое сердце не морочь,
Сотри его, побрызгав мыльной пеной.

Чтоб вновь светилось чистое стекло,
И сквозь него увидеть как впервые,
Что паутинки тянутся легко
И тихо растворяются меж синим.

Нам от себя никак не убежать,
Но это ведь сейчас всего важнее,
Как каждый день впервые начинать,
Пусть хрипше голос и глазам больнее.

А кто остался в прошлом – хорошо,
У них уютно, музыка играет,
И песни, что отпел давным-давно,
Их до сих пор, как свечи, согревают.

Им хорошо, им не к чему искать,
Пусть будут счастливы,
Как ты уже не можешь,
Ведь продолжают рядышком стрелять,
И гарь ложится пятнами на кожу.

И не вчера, не завтра, а сейчас
На заграждение падает мальчонка,
Неужто можно про него смолчать,
Вот – он кричит испуганно и тонко?

Смолчать сейчас – ведь равно, что забыл,
За что солдатам ордена давали,
Как жег напалм, как в вышках ветер выл,
Как память, забывая, предавали.

А для меня расстрелянный киргиз
И девочка, убитая в Донбассе –
Такая боль, что сердцу нету сил,
Я не смолчу любой награды ради.

А ежик славный с дырочкой в боку...
К душе моей и днем и ночью липнет,
Я сам его для девочки куплю,
Чуть погоды...
чуть-чуть
война затихнет.

Видно, меня не спасти –
 Душит холодный кашель,
 Доктор мой, не грусти –
 Это ведь доля наша.

Людам – мои стихи,
 В землю – мое земное,
 Если они пришли,
 Значит и смерть – не горе.

Только бы добежать
 Этой строки дорожку,
 Только бы додержать
 Доченькину ладошку.

Вывести, как на свет,
 В добрые руки женщин,
 А мужикам сказать,
 Что разговор наш вечен.

С делом, с которым ты
 Скован, как лед со шлюпкой,
 И не к лицу тебе
 Быть у него скорлупкой.

Жизнь – она хороша,
 Если сполна, до крови,
 Если не лжет душа
 На перекрестье боли.

Если ложатся в след,
 В желтом прощальном свете
 Наших стихов отсвет,
 Наши живые дети.

Если ты смог, что мог,
 Но до того обидно,
 Если не дописать
 Этой, последней книги...

Если ж не ты... она...
 Пусть свое дошуткует,
 словно твоя вдова,
 Пусть свое дощелует,

Пусть с нелюбим, другим
 Горькую горечь лечит,
 Жизнь всегда просто дым
 В сладком имени вечность.

А. Кодзаевой.

Вечером вижу плохо
 И понимаю мало,
 Всем говорю – устал я,
 Думаю сам – старость.

Столько пугали раньше
 Этой вот сединою,
 А я вот дожил – не страшно,
 Хуже стареть душою.

Хуже не видеть сердцем,
 Не чувствовать жар красок,
 Не отличать живое
 Срежь карнавала масок.

Не понимать, что в шуме
 Есть пространство свободы,
 И все мы просто листочки
 Для госпожи природы.

Старость не просто слабость
 Или какие хвори,
 Это возможность очиститься,
 Отбросив в себе мирское.

Вот, стою на пригорке,
 Снизу – деревьев море,
 В старости самое важное –
 Остаться самим собою.

Кубистическая обнаженная

Модерн: разбитый вдребезги
 Кубизм,
 Двадцатый год –
 Постреливают в окна,
 Не понимая сам – он пишет дым
 Коричневый
 над перепутьем волглым,
 Где прошлое ушло, а будущего нет,
 И оттого так женщина ужасна –
 Картина из мерцающих примет,
 Где стало все, что было им –
 Напрасно.
 Не Брак... не Бог...
 Не получилась грудь,
 Тень женщины, пришедшая из Гойи,
 Ползушая по времени сквозь нас,
 Как струйка под расстрельною стеною.

Искусство

Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове,
и все друзья меня забросили.

Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохшую
да перечитываю Тютчева.

В слепую глубь ломлюсь напористой
и не тужу о вдохновении,
а по утрам тряусь на поезде
служить в трамвайном управлении.

В обед слоняюсь по базарам,
где жмот зовёт меня папашей,
и весь мой мир засыпан жаром
и золотом листвы опавшей...

Не вижу снов, не слышу зова,
и будням я не вождь, а данник.
Как на себя, гляжу на дальних,
а на себя – как на чужого.

С меня, как с гаврика на следствии,
слетает позы позолота.
Никто – ни завтра, ни впоследствии
не постучит в мои ворота.

Я – просто я. А был, наверное,
как все, придуман ненароком.
Всё тише, всё обыкновеннее
я разговариваю с Богом.

На границах искусства ухоженных
Прохиндеи с честными рожами,
Эпигоны с глазами влажными
И иные серьезные граждане.

Очень умные и холёные,
А не то, что мы – приземленные,
На крайняк нас пугают Сотбисом,
Ну куда нам до туда, Господи.

Это правильно и неправильно
На витрине сиречь расставлено,
Это круто, а то не круто,
Это купят, а то – не купят.

Не бывает искусство правильно,
А бывает искусство праведно,
До мороза внутри, отчаянности,
В бесприютности, неприкаянности.

Но висят этикетки – продано!
Или – предано?
Или – кто вы там?

Они думают –
Все взято?
Там про Бога,
У них про Гада.

Почему у искусства истина?
Да оно, как девчонка, искренне,
Просто есть, просто жизни рада,
А другого ей и не надо.

НОВЫЕ ИМЕНА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИНИАТЮРЫ

ХОЛОДНОЕ ПИВО

Ты, вообще, кто? Знакомое лицо! Я тебе жизнь и репутацию испортил? Присаживайся, выпьем. Что пьете? Коктейль «кузнечик»? Итак, о чем шла речь? А, я тебе жизнь испортил. Поподробнее.

Так, развелся с русской женой и выплатил ей компенсацию в несколько тысяч долларов! А как ты хотел? А ты помнишь, с чего все началось? Я тебе напомним. Началось все с меня. Ехал я домой после рабочего дня. Большинство людей, увидев полицейскую машину, сразу начинают давить на тормоза и едут меньше положенного лимита. Как меня это бесит! Я – обыкновенный парень, на государственной службе, стресса – по горло! Я всего лишь хочу поскорее попасть домой и выпить холодного пива! А тут мне по радиации передают, что недалеко от моего дома кто-то вызвал полицию, набрав девять-один-один.

Я, разумеется, еду по вызову. А там – ты! Ты, который мне в лицо жалуется, что его новая русская жена разговаривает со своей взрослой дочерью на русском языке, нарушив твой запрет! Запрет говорить на родном языке! Ты когда вытаскивал свою жену из России, ты ей эти правила разжевывал?

Я прекрасно помню, с каким удовольствием надел на тебя наручники за ложный вызов и увез в участок! Социальным службам сообщил про эмоциональное насилие в твоей семье тоже я. И они уж адвоката нашли для твоей женушки и отсудили у тебя, что положено. Нет, если бы вызов поступил с утраца, я бы тебе сделал простое предупреждение. И штраф бы выписал за ложный вызов.

Пей своего «кузнечика» и помни, что выложив грязное белье напоказ, его, может, придется отстирывать долго и упорно, и не в гордом одиночестве.

**Оксана
ЛЕСЛИ
(КОРНИЕНКО)**

Родилась в Ташкенте в 1973 г., окончила факультет русской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Писатель-блоггер. Автор романа «Америка-мать зовет? Мифы и реальность» (2013 г.). Живет в США.

ПОДАРОК

Мой муж-американец – человек странный и не от мира сего. Во-первых, он не умеет делать подарки. Даты надо напоминать. Про подарки – намекать. Или покупать себе самой и дарить от него. Во-вторых, он очень шепетильный в плане шоппинга. Причем на сам шоппинг у него времени нет: он в командировках много времени проводит и работает дома. И его не устраивает, что я покупаю самую дешевую туалетную бумагу. Он, видите ли, хочет, чтобы я определенный брэнд брала. А я, когда в магазин захожу, смотрю не на брэнд, а на цены. И вообще, туалетная бумага есть туалетная бумага, она для задницы, а не на стену в качестве фотообоев вешать.

И вот месяцев за восемь до своего дня рождения я стала намекать ему, что хочу сорок подарков к своему сорокалетию. Что тут такого сложного? Можно купить шоколадку, букет цветов, пачку вкусного печенья, сертификат в ресторан, сертификат в салон красоты, сертификат в бутик, шарики, украшения, духи... да что тут перечислять, завернуть в красивую бумагу...

И вот настал день. Сорок лет. Просыпаюсь. Сорок шариков в спальне. Сорок роз в вазе. И сорок упаковок туалетной бумаги его любимого брэнда в гараже на полках аккуратно лежат с надписью: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МОЯ РУССКАЯ ПРИНЦЕССА!»

ПОДПОРЧЕННЫЙ ТОВАР

Мне по работе приходилось ездить в Россию и страны СНГ, я выучил русский, полюбил русскую еду. И когда решил жениться на украинке в конце девяностых годов, мои родственники не удивились.

Конечно же, я не разочаровал своих близких, выбрал женщину верующую, симпатичную, образованную, моложе себя на пятнадцать лет. Она родила мне здоровую девочку, но вскоре стала жаловаться на боли в животе. Хождения по врачам меня ошеломили. Пришлось пойти на операцию по удалению желчного пузыря. Мы узнали не только про камни в этом органе, но и про гепатит С, который в детстве занесли моей женошке при переливании крови в советской больнице.

Как я переживал! Траты, связанные с лечением! Страх: вдруг мы все разойдемся? Я раньше был донором крови, а теперь считаю в группе риска, поскольку член моей семьи – носитель вируса гепатита С!

У меня сперва было такое чувство, будто я вложил сердце и деньги в акции обанкротившегося концерна. Ну почему мне после долгих поисков идеальной супруги достался подпорченный товар?

Я превосходно скрывал свои стресс и разочарование. Но супруга оказалась, как это у русских говорится, «стойким солдатиком». Она держит диету, не употребляет алкоголя и не провоцирует свои болезни. Родила мне вторую дочь. А когда мне доктора поставили диагнозы: рак кожи и рак предстательной железы, она выхаживала меня и дарила свою любовь. А я выздоравливал и думал, а вдруг я в ее глазах стал «подпорченным товаром»?

ПРИСЛУГА?

Солнышко мое, а зачем тебе машина? У тебя же нет работы пока. Чего тебе не хватает? Холодильник забит, все счета я оплачиваю. Ну, не получается пока на родину тебя отправить с дочкой в гости, может, через пару лет...

Я соглашусь с тобой, что без машины в Америке трудно найти работу или даже детсад для нашей двухлетней принцессы! Особенно в районе, где живем мы. Я понимаю, мы три года женаты, а ты все еще без водительских прав. Но что я могу сделать? Английский твой пока не блещет, извини. Да и я взял в кредит нам этот двухэтажный особняк с тремя ванными комнатами и четырьмя спальнями. У меня нет денег еще и машину тебе взять. Ах, тебя дом этот огромный не устраивает? Тебе надоело его убирать? Так мы продать его не можем, зайка моя, он в цене упал тысяч этак на пятьдесят. Да, к сожалению. А что у нас сегодня на ужин? О, обожаю креветки в остром соусе! Ты у меня такая шикарная хозяйка! Я всем на работе хвастаюсь, что моя жена – русская, с дипломом математика.

Сам себе поражаюсь иногда, как я все так удачно просчитал?

ПОДСТАВА

А что я такого сказал? Меня, между прочим, не предупреждали, что можно говорить, а что нет. Твоя подруга, как ее? Ольга? Она спросила нас, можно ли дать наш номер телефона ее потенциальному американскому жениху? Нет. Поинтересовалась ли у нас заранее, а будет ли у нас желание с этим человеком общаться? Нет.

Меня его звонок застал врасплох! Ты была на работе, и я рассказал этому жениху все, что слышал про твою Олю от тебя. Да, врач. Да, ей стоит доверять. Он боялся, что, если деньги ей вышлет на билет и их встречу в Турции, не кинет ли она его? Я ответил: «Конечно не кинет. Она до тебя с другими американцами встречалась и в Москве, и в Петербурге. Они ей не понравились. Значит, она рассматривает новые варианты. Почему она должна тебя кинуть? Других же не кинула?»

Оля обиделась на нас? Не хочет с тобой общаться? Мы ее подставили? Ах, ясно, она ему врала, что он у нее единственный и неповторимый! А каким местом жених думал? Что женщина в свои за двадцать пять должна быть девственницей, я не понимаю?! Или остановить свои поиски идеального заморского жениха на одном человеке? Это у нас, американцев, называется, сложить все яйца в одну корзину!

Подруга твоя, кстати, получила доллары и не поехала к нему на встречу в Турцию. Бывший-то жених ее звонит нам и обвиняет, что мы его обманули! Я же говорил ему по телефону, что твоя подруга – порядочная образованная женщина, а не лгунья и негодяйка.

Ну, не расстраивайся ты так! Терять таких друзей не жалко, ведь рано или поздно они подставят нас. Работа свахи очень неблагодарная, согласись?

ПРО СУЕВЕРИЯ

Еду как-то в американском лифте и понимаю, что в нем нет 13 этажа. Это единственное суеверие американцев, с которым я столкнулась за долгие годы жизни в этой стране. В Японии же нет 4 и 9 этажей в больницах, так как эти цифры означают «боль» и «смерть».

У русских, да и других народов, много суеверий. Например, если увидишь человека с пустым ведром, идущего вам навстречу, то день будет пустым и неудачным. В США никто с ведрами не ходит. Мусор выносят в пакетах, никому в голову не придет за водой идти с ведром ни к колодезю, ни к соседям.

А поскольку тут контролируется рождаемость кошачьего населения, вылавливаются беспризорные животные, то, чтобы черная кошка перебежала дорогу вашей машине, это может случиться раз в несколько лет. А вы знаете, что англичане дарят друг другу открытки с изображением черной кошки и таким образом желают удачи? В Египте кошка считалась символом плодородия и ей поклонялись! Итальянцы верят, что счастье улыбнется тому, кто услышит, как чихает кошка.

Если американец рассыплет соль, то не станет переживать, что это – к ссоре. Он соберет ее в совок, выбросит, купит еще. И если в доме ссора будет в этот день, то рассыпанная ранее соль никак с этим не будет увязываться. Есть семьи, в которых ссоры происходят каждый день, в любой стране мира, но это не значит, что соль постоянно у них просыпается, не так ли?

Когда-то я верила, что если упадет ложка, то жди женщину, а если нож – мужчина гостем будет.

У американцев не принято заходить на чашку чая без звонка, занимать пару яиц или открывалку, поэтому без предупреждения редко кто нагрывает. Разве что продающие печенье соседские девочки-скауты, или Свидетели Иеговы. Или иммигранты, которые не знают, что такое хорошо, а что такое плохо. В США плохо являться без звонка. Дурной тон. Я могу каждый день ронять ножи и вилки, и ко мне незваные гости в Америке не придут.

Если в моем доме просыпается соль, разбивается посуда, чешется нос или рука, горит ухо, происходит что-либо, я уже не перебираю в памяти, что бы это значило?

Я восклицаю: «Это к деньгам!» Просто так говорю, смеясь, в книжке одной прочла такой совет гениальный. Книжка по системе «симорон», игра в абсурд, всем людям с чувством юмора рекомендую! Ведь лучше ожидать только хорошего от жизни, чем неприятностей, и переживать по этому поводу. Ведь когда ищешь в приметах всякий негатив и ждешь неприятностей, они вполне могут и нагрять. Никакие плевки через левое плечо тогда не помогут.

ПРИНЦ С ЕРУНДИСТИНКОЙ

Он – высокий, статный, красивый. С домом. С образованием. С работой. С машиной. Без вредных привычек. Завидуют его жене, вон какой достался ей муж! Принц, одним словом! Завидуют, потому что не знают про его один малюсенький недостаток. Даже недостатком назвать нельзя.

Так, ерундистинка. Процедуру практикует Принц. Упаривает свою мочу и промывает ею носоглотку. Каждый день. Хронический насморк лечит, никак не вылечит. Да, Принцы тоже бывают сопливые. И даже с душком. Не завидуйте чужим Принцам. В каждом яблочке есть своя червоточинка.

ПРО СЛУХ

Тот, кто хоть раз читал детские американские книжки, обратил внимание, что свинья американская говорит не «ХРЮ-ХРЮ», а «ОНЬК-ОНЬК!» Лошадь в Америке говорит «НЕЙ-НЕЙ», а не как русское «ИГО-ГО». Русские учат своих детей, что гуси издают звуки «ГА-ГА-ГА», в то время как американские дети уверены, что те же самые гуси издают другие звуки – «КВАК-КВАК». Лягушки в США заливаются трелями «РЕБЕТ-РЕБЕТ», а в России – квакают. Вывод напрашивается такой, что слышим мы ИНАЧЕ. Да еще и навязываем детям свою правду. В то время как надо спросить ребенка, что он услышал?

Бог всем дал одинаковые уши, а слух – разный. Когда все научатся слушать и слышать одинаково, войны прекратятся.

СОВКОВСКИЕ ПОНТЫ

Дом покупаете в городе Чарльстон, за наличку, трехэтажный? Да ну? С восемью спальнями? Молодец. Хорошо, что у меня дуба нет, а то бы пришлось залезть туда и рухнуть! Ты сама их будешь убирать или домработницу наймешь?

Что, и машину каждые два года меняешь? Почему? А, каприз такой... Я, конечно, говорю, что поражена, что снимаю шляпу. Наверное, ты ощущаешь превосходство, раз так говоришь? А по мне – человек, который из каприза выбрасывает деньги на ветер, меняя машину каждый год, просто транжира, которого жизнь не пинала.

А зачем ты мне это говоришь? Чтобы я позавидовала или зауважала тебя за твое финансовое превосходство? Ты судишь обо мне по себе? Если бы я услышала, что ты волонтерствуешь в церкви или доме для престарелых, что донорскую кровь сдаешь или удочерила девочку из страны третьего мира, я бы испытала к тебе восхищение и уважение, дорогуша моя.

Я встретила по жизни немало людей, которые только и делают, что выдают желаемое за действительное. Чтобы им завидовали или считали, что они лучше других. А деньги не делают нас лучше других. Они помогают нам обрести уверенность в завтрашнем дне и себе. Да и то не всем. Если ты считаешь нужным заваливать меня информацией о своем доходе и тратах, значит, ты не чувствуешь себя самодостаточной и уверенной в себе. Чтобы сорить деньгами, большого ума не надо, и в этом нет никакой заслуги перед обществом. Тратить деньги могут все. Особенно, заработанные мужьями. Брать тоже могут все, а отдавать, дарить и помогать – нет.

Если ты видишь в своем хвастовстве своеобразный пиар, то я вижу – дешевые совковские понты.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Ася
ШАЙДУЛЛИНА**

Родилась в 1988 г. в Ташкенте. Окончила Институт художеств и дизайна им. К. Бехзода по специальности «Дизайн одежды». Стихи пишет с детства. Публиковалась в газетах «Класс», «Молодежь Узбекистана». Автор поэтического сборника «Стихия лирики». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Монолог

Сансара

Когда устанешь ждать последний поезд,
Который никогда и не придет,
Висков коснётся незаметно просель,
И повторится весь круговорот:

Прощанья, встречи, радостные лица,
Друзья, объятия, ночи и цветы.
Всё то, что было, снова повторится,
И это будешь почти тот же ты.

С одной лишь разницей – немного старше,
На пару жизней – только и всего!
Уже без гнева, ревности и фальши –
Ещё не Будда. Только тень его...

Благодарность

Разлитое в хрустальные бокалы,
Сосуды из лучистого стекла –
Всё то, что я давным-давно искала,
И, наконец, нечаянно нашла.

По чашкам и кофейникам, стаканам –
Во всё, что только можно, разолью!
Пускай весь мир теперь вдруг станет пьяным –
Уж коли я сегодня это пью!

Наверно, мне поверить не смогли бы
Не то что люди – капли на песке.
Игристое, пьянящее Спасибо –
Теперь в любом вселенском кабаке.

Для раненой птицы нет больше силы ветра,
Для раненой птицы нет волшебства полёта,
Но вряд ли она кому-то споёт об этом,
И вряд ли в беде она обвинит кого-то.

Она заберется в охапку осенних листьев
И будет ждать чуда – или же просто смерти.
Прохожий, споткнувшийся вдруг, давай! Обернись-ка!
Ведь знает она – иногда они ходят вместе.

Осеннее

Капли дождя барабанят по листьям,
И, забывая дневные дела,
Я замираю – меня еле слышно.
Я понимаю, что осень пришла.

Этой незваной, непрошеной гостье
Я открываю промокшую дверь.
Жёлтые листья в охапки и горсти
Жадно сгребаю – родные теперь.

И растворяюсь в прохладном моменте –
Листья, деревья, земля и вода.
Я – дитя осени. Я с нею вместе
В краткий момент, что уже навсегда.

Было время, когда мы летали
Над просторами этой земли.
Было время, когда мы не лгали,
Потому что – увы! – не могли.

Наши строки и чувства парили
И не рвали сердца на куски.
Было время, когда мы любили
Не за что-то и не вопреки.

Как могли мы так перемениться?
Хочешь – верь, или хочешь – не верь!
Неужели нам есть чем гордиться
Из того, что мы можем теперь?

Утреннее

Я обожаю горько-сладкий вкус
Дымящегося утреннего кофе.
Ещё глоток – и я вот-вот проснусь.
Сон медленно исчезнет – ну и пусть!
Гонять за снами утром я не профи.

Последний луч восхода за плечом,
И солнечные блики на колёсах...
Велосипеду снится сладкий сон.
Как юноша, в дорогу он влюблён.
Немного жаль – бужу его без спроса.

Но ради встречи с утренним огнём,
Сверкающим вдаль на горизонте,
Мы вместе с ним всю землю обогнём
И будем думать – каждый о своём, –
Будя друг друга утром, на восходе.

В нашей белой степи
Только ширь и простор.
Как мы были одни –
Так одни до сих пор.

Наша степь широка,
Наши думы близки.
И открыта рука
Для надежд, для тоски.

И открыта душа
Всем попутным ветрам.
Жизнь – почти не дыша;
Жизнь – почти пополам.

Подумаешь – день нескоро,
И близко седая ночь.
Досужие разговоры
Несут твоё время прочь.

Подумаешь – ты с другими
Вновь делишь и стол, и кров.
Ведь ты не поделишь с ними
Вот так же мою любовь.

И если другая снится
Какой-нибудь ночью – пусть!
Я буду собой гордиться.
Я тоже тебе приснюсь.

Подумаешь – этот вечер
Мне вновь коротать одной.
Но я буду рада встрече –
Любимый, вернись домой!

Двое

Они идут, взявшись за руки,
Не глядя по сторонам,
Как чокнутые романтики –
По нашим-то временам.

Они идут, взявшись за руки.
За спинами рюкзаки.
А в окнах блестят фонарики –
Пророчествам вопреки.

У всадника – ноги в стремени.
У этих – рука в руке.
И можно быстрее времени,
Если идти налегке.

Карта. Пунктир.
Вечер. Слеза.
Снова в пути.
Снова гроза.

Сотни дорог.
Сотни имён.
Тысячи строк.
Отдых и сон.

В мире Твоем
Каждый – бедняк.
Все мы придём.
Главное – как.

Дыши глубоко.
Негромко, спокойно.
Прощаться легко
И даже не больно.

Нет памяти снов
И прошлых событий.
Прости нас, Любовь!
Мгновенья, простите!

Никто не при чём,
Ничто – неизменно.
Мы были вдвоём,
И это – бесценно.

С чистого листа –
Чистая строка.
Чистая тоска –
Та же, да не та.

С чистого листа –
Чистая душа.
Так же хорошо.
Так же, как тогда.

С чистого ручья –
Начинать поток
Новых, новых строк –
Здравствуй! Это я.

Монолог птицы

Я покинула гнездо.
Зори впереди.
Мили после, мили до
На моём пути.

Пара глаз и пара крыл –
Нечего жалеть!
Бог меня благословил
Лишь однажды петь.

Сердце рвалось из груди,
И терновник швёл.
Жребий брошен – не найти.
Значит, час пришёл.

Знаю, знаю – острей
И янтарный мёд.
О, безумие моё!
Значит, мой черёд.

Знаю, не остановить
Крыльев. Или рук?
Знаю, после будет жить
Только звук.

О, доверься острию!
В добрый час!
Эту песню я пою
Только раз.

Поминаю свечой из огня
Очишающего, святого,
То, что было мечтой для меня,
Но сбылось для кого-то другого.

Все пути, что нехожены мной,
Все дела, что я упустила –
Пусть они идут стороной!
Значит, так вот и надо было.

Мне уже ничего не жаль –
Ни к чему эти все капризы.
Там, где раньше была печаль,
Пусть останется радость жизни.

проза

ЭЛЛОЧКА-СЕРДЦЕЕДКА ИЛИ ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ...

Рассказ

«Он был старше её, она была хороша...» Так начинались и ещё начнутся тысячи историй неравной любви. Так когда-то началась и история отношений Элочки и Вячеслава Андреевича. Он, как и положено доценту, был взрослым и солидным, хотя для своего возраста достаточно подтянутым и хорошо сохранившимся. Элочка, как и многие хорошенки студентки, была хронической троечницей. Познакомились они на экзамене по начертательной геометрии. Возможности увидеться раньше просто не было, так как Элочка была ещё и хронической прогульщицей.

Столь упорное игнорирование предмета закончилось предсказуемо: Элочка в который раз была удивлена – в билете не оказалось ни одного знакомого вопроса, а в голове – ни одной мысли, что можно было бы рассказать из смежных областей. Вячеслав Андреевич тоже был немало удивлен – какие, оказывается, красотки должны были улаживать его взор своим присутствием на лекциях целый семестр! Вполне логично было бы отправить упорно молчащую и непонятно зачем вышедшую отвечать Элочку на пересдачу – заодно получил бы возможность полюбоваться на такую красоту еще 2-3 раза. Обычно светлые только снаружи головы блондинок-троечниц освоить даже элементарные вещи быстрее не могли.

Однако и мужская логика иногда даёт сбой. Вячеслав Андреевич зачем-то решил помочь молчаливой собеседнице и задать ей совсем простой вопрос: «С чего начинается построение плоскости?» Через полминуты стало понятно, что нужна еще одна попытка прервать молчание, и сердобольный доцент взялся сам же и помочь с ответом. Дальше всё развивалось, как в известном анекдоте. Подсказку «с оси» Элочка услышала как одно слово, однако в отличие от анекдота постеснялась переспрашивать: «как, прямо здесь?» и покраснела молча. Ещё через минуту Вячеслав Андреевич пояснил, что речь идет об оси «Х» и именно с нее начинается построение плоскости на чертеже.

Ольга
ОБЛОМОВА

Родилась в Новосибирске. Окончила Одесский национальный университет им. Мечникова, обучалась в Высшей школе журналистики при НИУ ВШЭ, работала журналистом и редактором на телевидении. В настоящее время Интернет-обозреватель и писатель. Живет в Одессе.

Продолжать разговор смысла не было. Тем более, что говорил всё это время только Вячеслав Андреевич. Видимо, решив, что теперь Эллочка знает хоть что-то – хотя бы с чего начинается построение плоскости – он взял грех на душу и поставил незаслуженную «тройку», хотя ранее в таком человеколюбии и несправедливости замечен не был. Он вряд ли в этот момент подозревал, что в следующие полгода сделает много чего такого, чего не делал никогда ранее. А грех выставления незаслуженных отметок будет наименьшим из всех грехов, счет которым был открыт в момент, когда он впервые увидел очаровательную Эллочку.

* * *

В тот день Вячеслав Андреевич несколько раз возвращался мыслями к этой красотке-троечнице. Нельзя сказать, что ничего не знавшие на экзамене студенты были редкостью. Но обычно разговор с ними был короткий и жесткий. Даже со студентками, даже с очень красивыми. Почему-то пришла на ум Эллочка-Людоедка из Ильфа и Петрова. «Какой у нее был словарный запас? 20 слов? 30? – судорожно вспоминал Вячеслав Андреевич. От Элочки на экзамене он не услышал ни одного. – А если бы существовал «математический» аналог Элочки-Людоедки, сколько цифр и арифметических действий смог бы осилить её мозг? – продолжал размышлять Вячеслав Андреевич. – И кстати, а знакомы ли сегодняшней Эллочке действия с дробями и возведение в степень? Кому я сегодня поставил «удочку»?» Сомнения были слишком реальными, поэтому Вячеслав Андреевич быстро прогнал от себя мрачные мысли.

«А, кстати, кому? Кто она, эта Эллочка? Элеонора? Эльвира? – Вячеслав Андреевич поймал себя на мысли, что даже не запомнил полное имя Элочки в зачетке. Зачетка-то хоть её была?» – про себя ужаснулся он. Но быстренько поразмыслив, что такому знатоку «начерталки», как Эллочка, никто, будучи в адеквате, свою зачетку не доверит, успокоился.

«И никакая она не Людоедка, – заверил сам себя Вячеслав Андреевич. – Хорошая, красивая девушка. Скорее, Сердцеедка».

– У тебя всё нормально? – голос жены прервал размышления на самом интересном месте.

– Да, – с небольшим опозданием вернулся в реальность Вячеслав Андреевич.

– Ну, хорошо, – жена вышла из комнаты.

«Действительно, хорошо, что вышла и не стала приставать с расспросами», – мысленно согласился он. Ему не хотелось, чтобы жена присутствовала во время его размышлений об Эллочке. Хотя жену тоже можно было понять. Оказалось, что он уже второй час сидит в пустой комнате, погрузившись в раздумья. Обычно вечер уходил на телевизор, чтение, проверку студенческих контрольных и курсовых. Сегодня делать ничего не хотелось.

«Потом успею – впереди два выходных, – решил Вячеслав Андреевич. – А Эллочка... Окончит институт, выйдет замуж и займется воспитанием детей. Ну, не затем же она пошла в технический вуз, чтобы работать инженером! Просто в «мужском» вузе найти себе хорошего, работающего парня проще, чем в каком-нибудь педагогическом институте. Такая очаровашка, конечно же, не останется без внимания... Эллочка-Сердцеедка... Да уж!»

* * *

На следующее утро он встретил Эллочку в магазине, где всегда отоваривался в субботу утром по списку, составленному женой. Эллочка заприметила его

из очереди в соседнюю кассу, подождала, пока он справится с укладкой продуктов в пакет, поблагодарила за помощь на экзамене и оценку, позволившую ей двигаться дальше по тернистой дороге знаний. Заодно просветила, что здесь каждое воскресенье разыгрывают призы среди покупателей, сделавших в течение недели покупку на энную сумму. Объявление об этом раньше висело возле кассы, но потом исчезло, а розыгрыш остался, и она завтра обязательно придет.

Вне стен вуза Эллочка была явно более раскрепощенной и словоохотливой. Из магазина вышли вместе. «Жаль, что не видят девчонки из группы», – подумала Эллочка. Вячеслав Андреевич был высокий и видный, а от сокурсниц, посещавших лекции по начертательной геометрии, она уже слышала, что их доцент очень даже ничего и, если бы не жена и двое детей, то это был бы хороший вариант для устройства личной жизни.

– Я вам что-нибудь должна? – спросила Эллочка. Видимо, неестественность ситуации сдачи экзамена при полном отсутствии знаний стала очевидной даже для нее.

– Да! – ответил Вячеслав Андреевич. Взятки он не брал и даже намеки на возможность вознаграждения отвергал с ходу. – Вы должны хорошо учиться и впредь приходить на экзамен подготовленной.

– Но у нас больше нет ваших лекций, так что это, получается, я должна не вам? – Эллочка смотрела широко раскрытыми глазами, и было неясно, то ли она действительно хочет отблагодарить, то ли до нее и тут всё медленно доходит.

– Элла, зачем вы пошли в технический вуз? – спросил Вячеслав Андреевич.

– Наверное, для того, чтобы встретить такого хорошего человека, как вы, – вроде бы искренне ответила Эллочка.

«Действительно, ну, не затем же, чтобы потом работать инженером!» – припомнил свои вчерашние размышления Вячеслав Андреевич. Так что всё сходится.

– Мне будет приятно, если вы будете хорошо учиться, – подытожил Вячеслав Андреевич. После слов «мне будет приятно, если вы» предательски запершило в горле, а возникшую паузу Эллочка заполнила выразительным поворотом головы. «Чёрт, как-то двусмысленно прозвучало, – подумал он. – Мог бы просто сказать «я хочу, чтобы вы хорошо учились». Но тогда был шанс поперхнуться после слов «я хочу» и двусмысленность была бы ещё более явной». Похоже, сегодня проблемы со словарным запасом были у Вячеслава Андреевича.

– Всего хорошего, Элла. До свидания! – попрощался он.

– И вам всего хорошего! До свидания! – ответила Элла.

Дома Вячеслав Андреевич поинтересовался у жены, не покупала ли она что-нибудь в течение недели в соседнем магазине и не сохранились ли чеки. Супруга удивилась, так как муж никогда не проявлял подобного интереса к домашнему хозяйству. Чеки нашлись и в купе с сегодняшними покупками давали сумму необходимую для участия в розыгрыше призов в воскресенье. Вячеслав Андреевич пригласил жену поучаствовать и вздохнул с облегчением, когда та отказалась. «Так, ну, хотя бы деньги она считать умеет, так получается», – думал Вячеслав Андреевич, снова возвращаясь мыслями к экзамену и предвкушая завтрашнюю встречу с Эллочкой. «Хоть что-то...» Зачем ему встречаться с Эллочкой завтра в универсаме, он не знал, но задавать себе этот вопрос не стал.

В воскресенье действительно состоялся розыгрыш. Эллочка выиграла соковыжималку, Вячеслав Андреевич просто поучаствовал.

– Возьмите, у меня дома точно такая же, – с этими словами Эллочка вручила свой приз Вячеславу Андреевичу. Попытки отказаться были жестко пресечены. Инициатива явно переходила к Эллочке. Вячеславу Андреевичу это не очень нравилось, и самое время было бы прекратить общение вне стен вуза. Однако жена пришла в восторг от соковыжималки. Оказывается, она давно искала такую, но их уже сняли с производства, поэтому купить было нигде. Так что в следующее воскресенье он опять отправится участвовать в розыгрыше, раз уж у него такая легкая рука. Спорить с женой он не стал...

Так «воскресные встречи» с Эллочкой стали еженедельными. Они охотно обсуждали товары и скидки, фильмы и телевизионные шоу. Эллочка даже помогла Вячеславу Андреевичу выбрать гавайскую рубашку и джинсы, как у главного героя одной из картин – он забыл какой. Жена была в легком шоке от его выбора, но поскольку близилось лето, согласилась, что для отпуска такой наряд – самое оно. Вячеслав Андреевич просветился, что сейчас смотрит молодежь по телевизору и в кино, и искренне посочувствовал, когда Эллочка не успела попасть на новомодный фильм, так как его уже сняли с проката.

Он быстренько изучил видеoinструкцию «Как скачать с YouTube» и в следующее воскресенье пригласил Эллочку к себе домой посмотреть искомый фильм. Тем более, что жена повезла младшего ребенка к маме, а старший еще вчера уехал с друзьями на рыбалку. Общество Вячеслава Андреевича явно льстило Эллочке. Еще бы! Взрослый солидный мужчина, преподаватель, отлично выглядит и к тому же оценил Эллочку! Остальные видели в ней лишь непроходимую троичницу, а тут прислушиваются к ее советам и в меру сил заботятся, что весьма приятно. Жаль только, что этого не видят сокурсники.

Эллочка охотно согласилась на домашний киносеанс. Единственное, чего не предусмотрел Вячеслав Андреевич, так это дополнительного посадочного места у компьютера. Там было только офисное кресло, которое он по привычке и занял. Спихватившись, он в шутку похлопал по подлокотнику – мол, садись. «Если Эллочка не сядет – схожу за стулом», – подумал Вячеслав Андреевич. Эллочка села... Фильм они досмотрели, хотя Вячеслав Андреевич уже через минуту забыл, чем же он закончился.

Когда и каким образом из кресла они переместились на диван, он тоже помнил с трудом. Всё случилось как-то легко и непринужденно. Он даже не успел подумать, что сегодня впервые в жизни изменил жене. То есть другие женщины, кроме жены, у него, конечно, были. Но это было до, а не во время брака. Когда-то, в студенческие годы, всё случалось легко и непринужденно. И сейчас было ощущение, что он снова студент, что никакой жены нет и в помине, как не существует и прожитых в браке двадцати пяти лет. То есть никакой измены тоже нет. Есть только Эллочка и безграничное СЧАСТЬЕ.

Жена возвращалась только завтра, но Эллочку строго контролировал дедушка, бывший член КПСС с многолетним стажем. Именно к нему в областной центр отпраздники от греха подальше для учебы в вузе Эллочку, когда та в 11-ом классе засобиралась замуж за местного бизнесмена намного старше себя. Так что дома полагалось быть вовремя, и провожать ее было нежелательно, дабы не попасться на глаза дедушке. Инициатива опять перешла в руки Элочки. Вячеслав Андреевич успел только дать денег на такси. К слову, после отъезда Элочки он даже начал сомневаться, чья же была идея переместиться с кресла на диван – его или её...

Прав был Эйнштейн со своей теорией относительности. Формула СЧАСТЬЯ, предполагающая минус 25 лет возраста и плюс ни к чему не обязывающие отношения с красивой девушкой, весьма ограничена во времени. Бдительные соседи доложили жене о красивой гостье. Вячеславу Андреевичу вроде бы удалось убедить супругу, что визит сей был обусловлен необходимостью дополнительных занятий с отстающей студенткой, у которой осенью грядёт пересдача. А в институте условий для занятий никаких, так как на летних каникулах, как обычно, начался ремонт, поэтому студентка-двоечница, возможно, придет еще пару раз. Так сказать, подстраховался на будущее, когда Эллочка вернется с каникул. Жена вроде бы поверила: «Действительно, а вдруг наговаривают?» Хотя раньше домашних занятий с двоечницами Вячеслав Андреевич не практиковал.

Однако бдительные соседи, дедушка-сталинист и ограниченное количество гостиниц в городе, где почему-то всегда обнаруживались общие знакомые на ресепшн, явно сужали пространство для маневров. С началом учебного года начала прозревать ранее готовая поверить во что угодно жена. Да и в вузе косо поглядывали коллеги и студенты. Эллочка, по ходу, таки похвасталась своей «добычей» однокурсникам. Отказываться от своего СЧАСТЬЯ с Эллочкой Вячеслав Андреевич был не намерен, даже чувствуя себя добычей охотника. Тем более, что он так не считал, хотя и не возражал, что Эллочка таки «съела» его сердце. В общем, когда супруга вздумала выяснить отношения – выяснение для четвертьвекового сосуществования в формате семейной жизни оказалось на удивление коротким.

Пораженный собственной решимостью Вячеслав Андреевич тут же сделал предложение Эллочке, а через месяц они поженились. Не теряя темпа, Вячеслав Андреевич организовал переезд в другой город, куда его когда-то приглашали читать лекции в местном вузе. На счастье, предложение до сих пор оказалось в силе. В этот же вуз перевели и Эллочку – исключительно из хорошего отношения к Вячеславу Андреевичу, так как зачетка из одних «троек» впечатлила даже выдавший виды ректорат. На эти мелочи он уже не обращал внимания. Главное – СЧАСТЬЕ новой жизни с Эллочкой. В этом состоянии души даже комната в профессорском общежитии, куда они заселились, обрадовала не столько экономией семейного бюджета, сколько напоминанием о студенческой жизни. Он снова студент, хоть и преподаватель. Остальное – неважно...

Нельзя сказать, что он ни разу не возвращался мыслями к разводу. Но каждый раз, проговаривая в памяти тот короткий судьбоносный диалог с женой, он вновь приходил к выводу, что всё сделал правильно. Действительно, а что его держало в семье?! Любовь? Любил он к тому моменту только Эллочку. Общение? А когда жена в последний раз сказала ему что-то хорошее? А Эллочка вот хорошим человеком его считает! Дети? Старший окончил вуз, младший учится в школе, деньги папа им присылает, с детьми продолжает общаться. Правда, в основном в Фэйсбуке – ну, а как он еще мог общаться из другого города? Квартира? Квартира досталась жене по наследству и разделу при разводе не подлежала. Грядущие бытовые неурядицы? Они возвращали молодость, и поэтому стали составляющей его СЧАСТЬЯ. Однако Эйнштейн со своей теорией относительности все-таки был прав...

* * *

Даже троечники с полным отсутствием знаний когда-то оканчивают вуз. Тем более, если кто-то помогает, и этот кто-то – любящий муж. Устроиться с такими знаниями хоть на какую-то работу оказалось нереально. Поэтому Вячеславу Андреевичу ничего не осталось, как пристроить Эллочку в аспирантуру на кафедру к тому самому приятелю, который когда-то пригласил его читать лекции и помог с переездом и обустройством на новом месте.

Там Эллочка продолжила получать незаслуженные тройки. После второго курса аспирантам полагалось вести семинары у младшекурсников, и Вячеслав Андреевич по привычке начал думать, как из этого выкрутиться и кому поручить их провести, чтобы потом зачесть эти часы Эллочке. Но Эллочка изъявила готовность лично вести семинары для студентов по плану, написанному Вячеславом Андреевичем. Сказать, что он сильно удивился – не сказать ничего.

– Ты? – переспросил на всякий случай Вячеслав Андреевич.

– А почему нет? – ответствовала Эллочка.

Как объяснить, «почему нет», человеку, который в своей жизни не работал ни дня и не выучил НИЧЕГО, не знал даже Вячеслав Андреевич. Поэтому в назначенный день и час Эллочка, т. е. Эльвира Дмитриевна заняла место преподавателя в аудитории. План семинара был расписан весьма подробно, поэтому всё прошло без сбоев. Ничего не знавшие студенты вряд ли могли «спалить» ничего не знающую преподавательницу.

Все остались довольны друг другом, а особенно – Эллочка, получившая доступ к аудитории и возможность демонстрировать себя и свои наряды. Кроме того, оказался востребованным опыт занятий бальными танцами, которые Эллочка посещала с шести лет. От карьеры стриптизерши ее спасло сначала несовершеннолетие (хозяйин клуба не связывался с лицами моложе 18-ти лет), а затем строгий дедушка-сталинист, требовавший быть дома не позднее 22 часов. Поэтому теперь Эллочка с удовольствием взялась за организацию художественной самодеятельности, а сформированный ею танцевальный ансамбль на первом же конкурсе вошел в тройку призёров.

Очаровательная Эллочка в свои 25 выглядела явно моложе, поэтому очень скоро у нее появились поклонники из числа студентов. Особенно из числа уже отслуживших в армии – они симпатизировали ей почти открыто. Эллочка продолжала блистать, подтверждая свое предназначение Сердцеедки, Вячеслав Андреевич продолжал писать планы семинаров, однако чувствовал себя не то, чтобы лохом, но как-то некомфортно.

Бросить расписывать семинары для Элочки он не мог – самостоятельно Эллочка никакую аспирантуру не одолеет никогда. Поэтому Вячеслав Андреевич быстро решил быть мудрее и не обращать внимания на поклонников. Дальше комплиментов и цветов на 8 Марта дело не заходило, аспирантура подходила к концу, а там появлялась надежда попытаться трудоустроить Эллочку еще раз. Например, в какой-нибудь НИИ от греха подальше, где все жена ты и молодых поклонников практически не бывает.

Сднако у самой Элочки на этот счёт оказались совсем иные планы. Ей уже понравилось быть в центре внимания, хотя бы студенческой аудитории, а будущая научная жизнь с выступлениями на конференциях и симпозиумах ее вполне привлекала. Вячеслав Андреевич был в легком шоке, когда Эллочка попросила подыскать ей место преподавателя в этом же вузе и поинтересовалась, в каком состоянии её диссертация, над которой работал Вячеслав Андреевич.

Вообще-то поклонники Элочки ему за год изрядно поднадоели, продлевать ситуацию он был не намерен. Ошутив его незаинтересованность, Элочка слегка напряглась, однако предъявлять претензии было бы глупо, да и формального повода вроде не было. Больше она темой трудоустройства мужа не беспокоила, а когда тот самый приятель с кафедры сообщил, что берет Элочку к себе ассистентом, Вячеславу Андреевичу ничего не оставалось, как поблагодарить.

* * *

Количество поклонников у Элочки росло с каждым новым курсом. Теперь она проводила не только семинары, но и лекции. Приятель отдал Элочке свои конспекты, так что Эльвира Дмитриевна очень скоро завоевала авторитет у студентов, благодаря четкой структурированной подаче материала на лекциях и лояльному отношению к неуспевающим на экзаменах. В какой-то момент Вячеслав Андреевич обнаружил, что поклонники у Элочки есть не только среди студентов, но и среди преподавателей, особенно молодых. Вот уж действительно, настоящая Сердшеедка!

Ревновал ли он? Дело, скорее, не в ревности, а в том, что это начало мешать Вячеславу Андреевичу чувствовать себя студентом – молодым, лихим и решительным. Как тогда, когда СЧАСТЬЕ только начиналось. Тогда СЧАСТЬЕ было безграничным, а сейчас оно было ограничено нерабочим временем и домашним пространством, когда Элочка принадлежала только ему. В остальное время и в других местах Элочку обихаживали претенденты много моложе и энергичнее законного мужа. Поэтому, когда Элочка дома в очередной раз напомнила о своей диссертации, Вячеслав Андреевич вновь почувствовал себя идиотом, вложившим силы и время в проект, результатами которого пользуются все, кому не лень.

Чувство это укрепилось после поездки Элочки на конференцию, где она с успехом представила доклад своего заболевшего коллеги. По возвращению она предложила заплатить кому-нибудь, кто сможет в темпе дописать недостающую главу диссертации, так как она уже договорилась о статьях для публикации в журналах, утвержденных перечнем ВАК по ее специальности. Доклад заметили представители какого-то научно-производственного комплекса, предложив внедрить у себя некоторые наработки. Предложили, естественно, Элочке, которая представляла доклад, а Элочка согласилась помочь коллеге еще и с внедрением. В благодарность коллега согласился взять ее в соавторы статей, столь необходимых для допуска к защите.

Так что единственным тормозом оказался Вячеслав Андреевич, так и не удосужившийся дописать жене диссертацию за три года аспирантуры и почти год ее работы преподавателем. Теперь он уже чувствовал себя тормозом многоаспектно – сам Вячеслав Андреевич защитился спустя пять лет после окончания аспирантуры, хотя учился на «отлично». А еще его напрягали частые командировки Элочки на тот самый НПК, где взялись внедрить наработки, представленные Элочкой в докладе. У самого Вячеслава Андреевича ни одна разработка дальше редакции научного журнала не продвинулась.

К тому же ему донесли, что Элочкин энтузиазм обусловлен не только необходимостью публикации, но и личным интересом к неженатому 30-летнему главному инженеру производства. Попытки что-то выяснить у самой Элочки оказались безрезультатными. «Просто неожиданно освободилось место под публикацию в журнале, поэтому статья о промежуточных результатах внедрения нужна быстро», – так объяснила Элочка свои участившиеся отлучки. В какой-то

момент Вячеслав Андреевич поверил: «Действительно, а вдруг наговаривают?» Хотя сам он ждал очередь на публикацию в этом журнале почти восемь месяцев.

Когда Вячеслав Андреевич озвучил Эллочкину версию необходимости командировок очередным «осведомителям», то узнал, что и публикации в авторитетном научном издании Эллочка продвигает традиционным для красивых женщин способом. Спрашивать у Элочки еще и об этом уже не хотелось...

* * *

Через год Эллочка защитила кандидатскую диссертацию, став, пожалуй, первым в отрасли кандидатом наук, не получившим ни во время учебы в вузе, ни в аспирантуре ни одной оценки выше удовлетворительной. Командировки на НПКи в другой город продолжались – там заинтересовались еще одной разработкой Эллочкиного коллеги. Эллочке же было самое время заняться подготовкой к получению ученого звания доцента, поэтому она продолжала «помогать» ему и дальше.

Тем временем количество общих знакомых, точно знавших, что дело не только в этом, уже перевалило за полсотни. Когда Вячеслав Андреевич попытался поговорить с Эллочкой начистоту, разговор получился на удивление коротким. Новую любовь Элочки зовут Игорь, он главный инженер НПКи, ему 31 год, и он давно предлагает переехать к нему. Она это предложение, пожалуй, примет. Тем более, что ей, свежее испеченному кандидату технических наук, уже предложили должность ведущего специалиста отдела внедрения и технического сопровождения чего-то там на крупнейшем в отрасли НПКи.

После Эллочкиного отъезда Вячеслав Андреевич несколько вечеров сидел в пустой комнате, перебирая в памяти события последних лет. Всерьез размышлять о том, чего же ей не хватало, было глупо. В свои почти 60 лет Вячеслав Андреевич это отлично понимал, а наличие преуспевающего вдвое моложе конкурента наглядно подтверждало его соображения. Что ее могло удержать? Любовь? Любила она к этому моменту Игоря. Общение? А когда оно было в последний раз? Всё о работе да о работе... Детей у них не было, квартиры тоже. Научная работа и диссертация? Вячеслав Андреевич был полезен на старте, а далее Эллочка отлично справилась сама.

Вячеславу Андреевичу вдруг стало жалко себя. Себя, жену, детей, обустроенную семейную гавань, которую он так легкомысленно покинул несколько лет назад. «Нужно будет у детей в Фэйсбуке спросить, как там мама», – подумал Вячеслав Андреевич. Исчезло ощущение СЧАСТЬЯ и молодости, которое длилось так недолго, и этого было жаль, хотя, собственно, чего жалеть – оно ушло задолго до расставания с Эллочкой. Эйнштейн со своей теорией относительности оказался прав. «Нужно было, от греха подальше, отправить её тогда на пересдачу – заодно разглядел бы эту Эллочку-Сердцеедку получше в официальной, так сказать, обстановке», – бесполезно размышлял Вячеслав Андреевич.

«Да, точно, так и надо делать! Никакой пошады симпатичной брюнетке, прогулявшей половину семестра и предпочитающей отмалчиваться на семинарах, больше не будет! – решил про себя Вячеслав Андреевич. – Никакие томные взгляды не помогут! И что за привычка, сидеть на лекциях в бандане? Тоже мне, Красная Шапочка! Только там красная шапочка, а здесь – красная бандана. Она хоть прочитала эту сказку, или ее словарного запаса для этого недостаточно? – он почувствовал себя Серым Волком в предвкушении добычи. – На пересдачу! Если будет молчать на экзамене – однозначно на пересдачу!» – подытожил свои мысли Вячеслав Андреевич, давно не применявший таких жестких мер к симпатичным студенткам, и отправился спать.

«А там будет видно! Красная Шапочка, однако... Да уж!»

караван истории

Валерий ИОФЕ

Магистр Международной ассоциации искусств народов мира. Родился в 1945 г. Окончил исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз), автор 200 научных публикаций, работает на кафедре источниковедения и архивоведения НУУз.

Виолетта ПЕТРОВСКАЯ

Родилась в 1990 г., окончила исторический факультет НУУз, преподавала в колледже, в настоящее время учится в магистратуре Санкт-Петербургского университета по специальности «Документальное кино».

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

(Некоторые страницы истории в кино...)

В Узбекистане издавна сложилась замечательная традиция создания историко-документальных и историко-художественных, но основанных на документальных и реальных событиях, фильмов, посвященных трагическим и благородным страницам истории, что в немалой степени связано с сохранением памяти, духовного наследия, взаимосвязи духовных культур народа. Немаловажное значение среди них играют фильмы, посвященные детям, оказавшимся и спасенным в тяжелые военные годы на узбекской земле, особенно детям блокадного Ленинграда. Первым таким фильмом был получивший широкую известность в годы т. н. «оттепели» фильм знаменитого узбекского режиссера Шухрата Аббасова (по сценарию Р. Файзи) «Ты не сирота». Киноповесть основана на реальных событиях (главные роли исполняли в снятой на «Узбекфильме» картине О. Джалилов, Л. Сарымсакова, Л. Луппиан, Р. Пирмухамедов). Фильм получил широкую известность и был удостоен многих премий (в их числе премия кинофестиваля в Ленинграде в 1964 г. «За лучший сценарий» и приз Международного кинофестиваля во Франкфурте-на-Майне в 1963 г.), а режиссёр Шухрат Аббасов в 1974 г. был удостоен за этот фильм и фильм «Абу Райхон Беруни» Государственной премии Узбекистана. Прототипы героев картины – ташкентский кузнец Ш. Шамахмудов и его жена Бахри Акрамова – в годы Второй мировой войны усыновили и удочерили 15 детей разных национальностей, эвакуированных в Узбекистан из разных уголков бывшего Союза. Этот факт впоследствии стал широко известен. Название фильма полностью повторяет заголовок стихотворения поэта Гафура Гуляма.

В 1980 г. был поставлен ещё один художественный фильм на эту тему «Ленинградцы, дети мои...» режиссёра Дамира Салимова. Действие фильма происходит в тяжёлом 1942 г. Из блокадного Ленинграда и других городов в Среднюю Азию

эвакуируются десятки тысяч осиротевших детей. Им дают приют в узбекских семьях и детских домах. Одна из тех, кто принял сирот и дал им тепло и заботу, Хадича Батырова. Она не рассталась со своими подопечными и после окончания войны, став директором детского дома и второй матерью для своих воспитанников. История об этом душевном подвиге, о непростых взаимоотношениях Хадичи с её воспитанниками положена в основу киноповествования. В ролях в фильме были заняты Т. Шакирова, Т. Юсупов, Л. Лемке, И. Подмарев, Ю. Черевкова, Л. Виролайнен и др.¹

А в годы независимости на эту тему в Узбекистане поставлены два ярких историко-документальных фильма. Режиссер одного из них – известный Джасур Илхамович Исхаков; по его сценариям снято более тридцати документальных фильмов, шесть мультипликационных картин, ряд сюжетов для сатирического киножурнала, он автор ряда театральных пьес, рассказов и песен, получивших немало призов и наград, Лауреат Государственной премии Республики Узбекистан. Автор сценария этого фильма – жена режиссера Мастура Исхакова. Это фильм «Дети войны». Консультантами при постановке его на студии «PR-Media Tashkent» были известный историк Василий Ануфриевич Костецкий и композитор и общественный деятель Станислав Петрович Мансуров-Ковригенко (сам из «детей войны», воспитывавшихся и выросших в детском доме). Сам режиссер наилучшим образом рассказывает о фильме: «К теме войны я обращаюсь не впервые. В 1995 году снимал картину, посвященную 50-летию Победы во Второй мировой войне. Она была основана на хроникальных кадрах. Через 10 лет, в 2005 году, я снял ленту о ветеранах, посвященную уже 60-летию Победы. Во всех этих фильмах как одна из страниц присутствовал эпизод – рассказ о тех людях, которые были эвакуированы в Среднюю Азию из оккупированных фашистами территорий – Украины, Белоруссии, части Прибалтики, Молдавии. По разным данным Узбекистан принял 1,5 миллиона человек. Это огромное количество людей, и среди них – почти 300 тысяч детей. Эта тема о судьбе людей, потерявших родину, но приобретших настоящую, любящую семью, меня всегда волновала. И вот в этом году вышел фильм, посвященный именно таким людям – квинтэссенция всего наработанного мной. Когда замысел начал воплощаться, мы стали искать людей, приехавших в Ташкент в годы войны. И нашли. Это были эвакуированные со всех уголков бывшего Союза – из Запорожья, Украины, блокадного Ленинграда. Большинство людей, которые стали героями фильма, провели свое детство в детских домах. И их когда-то зашили. Все они в картине называют Узбекистан своей второй родиной. Я не заставлял говорить людей, которых снимал, для них не было подготовлено плана работы, не был написан сценарий. Все их фразы, рассказы – это просто поток памяти, и прерывать этот поток сухим и бесцеремонным вмешательством было бы по меньшей мере неразумно и нетактично. К теме Второй мировой войны художники обращались очень часто. Взять, например, картины «Ленинградцы-дети мои», фильм Шухрата Аббасова «Ты не сирота». Но в последнее время это стало забываться, стираться. А я считаю, что о таких вещах нужно говорить постоянно, помнить. Особенно в наше время, когда существует дефицит человечности, нравственности. Это гордость узбекского народа, который проявил героическое великодушие, гостеприимство, широту души в невыносимо тяжелые годы. Уходят уже дети войны. Самым молодым из них уже за восемьдесят. То, что я успел их запечатлеть, тоже станет документом времени, так же, как сейчас военные хроники. В этом задача кино – сохранить для поколений память, святыне вещи, тем более такого характера. На премьерный просмотр фильма было приглашено около 5 детских домов. Дети смотрели фильм на одном дыхании, а я сидел сзади и наблюдал за реакцией.

¹ <http://www.generation.uz/content/2491>

И увидел – им интересно, а значит, я снимал не зря». Это третья по счету картина режиссера о войне. Д. Исхаков отмечал: «Я работал с патриархом узбекского, да я думаю, и мирового кино, Маликом Каюмовым, к сожалению, ушедшим из жизни. В 1995 году я участвовал в работе над его фильмом о роли Узбекистана во Второй мировой войне. По разным оценкам, на полях сражений погибло от 500 до 600 тысяч солдат и офицеров-узбекистанцев (больше, чем военные потери такой державы, как США). Наша республика была еще и крепким тылом, одним из центров оборонной промышленности: здесь выпускались танки, самолеты, бомбы и снаряды, здесь производился хлопок, из которого не только шили военную одежду, но и производили порох, без которого воевать нельзя. На фронт отправлялись сухари, консервы, продовольствие, сухофрукты. Работали эвакуированные из западных областей страны заводы, на которых за станками стояли в большинстве женщины и дети. Молодое поколение всего этого не знает. Малик Каюмович, фронтовой оператор, видевший войну собственными глазами, чуть не потерявший обе ноги после ранений, хотел рассказать честно, без прикрас, как это было. Помню наши беседы, длившиеся часами, во время которых я узнавал то, что ни в каких книжках прочитать невозможно. Понятно, что в фильме ничего этого нет. Но есть позиция в построении фильма, выборе документальных кадров. Мы использовали фронтовую хронику... Тема меня захватила... Но уже тогда я задумывался, что тема эвакуированных детей, нашедших здесь приют и тепло – тема отдельного фильма. С начала войны в Среднюю Азию везли эшелонами детей, родители которых погибли, воевали или остались на оккупированной территории. ...Кто знает, чем могла закончиться для измученных детей дальнейшая дорога? В Узбекистане их приняли по-особенному. Я далек от того, чтобы сравнивать наше гостеприимство с другими республиками Средней Азии, где тоже находили приют тысячи и тысячи эвакуированных людей. В те годы все работали на фронт. Но я хотел рассказать о своей стране, ставшей родиной для тысяч сирот. Один из героев картины называет Узбекистан «страной спасения». Эти рассказы поражают, заставляют взглянуть на вроде бы известные факты с другой стороны... Обычные люди, мои земляки, сами обремененные семьями, приходили на вокзал, услышав, что нужна помощь привезенным детям. Брали измученных детишек за руки, вели домой, усаживали за общий, очень скромный дастархан, поровну делили хлеб между своими и чужими. Все эти рассказы есть в фильме. Слушаешь свидетельства этих детей войны и начинаешь осознавать меру добра и высокой нравственности, которыми жили тогда наши матери, отцы и деды. Я не режиссировал, не подсказывал, да это и невозможно сделать. У каждого из героев фильма своя история, личное отношение к тем, кто дал им кров, тепло, пищу, а иногда и свои фамилии, кто воспитал их, дал образование и выпустил во взрослую жизнь. Они делятся и военными впечатлениями – иногда страшными. Блокадники, дети из Ленинграда, помнят, как их бомбили, когда ехали по тающему льду «дороги жизни», как погибли едущие впереди. Эвакуированные из Украины вспоминают, как долга разбомбили поезд, в котором они ехали на восток, и железнодорожное полотно было усеяно трупами. Теперь я думаю, хорошо, что мы успели снять этих немолодых людей, зафиксировать их живые свидетельства. Работая над этим фильмом, я осознал, что нельзя снимать такие фильмы с холодным сердцем... Война затронула почти все семьи в Узбекистане, в том числе и мою. Два брата моей матери отправились на фронт и погибли. Один был прекрасный художник, подавал большие надежды. Другой мой дядя увлекался писательством. Они ушли совсем молодые. Третий брат, дядя Санджар, вернулся... Он был разведчиком, прошел всю войну, был награжден орденами и медалями. Но потом попал в штрафбат, награды все отобрали. Воевал до конца войны, вернулся. Уже в 70-ые годы обратился в военный архив в Подольске, и его восстановили в правах, вернули все ордена.

Я хорошо помню его рассказы, мы на них, можно сказать, выросли. ...Как и многие фронтовики, он не любил ее вспоминать. Рассказывал к случаю, как-то, нечаянно. Как в атаку поднялись 600 человек, а после атаки в живых осталось 17. И вот теперь я понимаю, через что он прошел. Подвиги старшего поколения не должны быть забыты. В том числе и тех, кто воспитал военных сирот...»¹.

На международный конкурс «Русский мир – память сердца», посвященный 65-летию Великой Победы, было представлено более 700 фильмов из многих стран. Документальный фильм «Дети войны» из Узбекистана (производство «PR-Media Tashkent» и Республиканский Общественный фонд «Аллея памяти») стал призером конкурса, награжден поездкой в Москву и Специальным Дипломом жюри. Было отмечено, что фильм исполнен высоким гуманизмом, поднимает важную тему традиционных взаимопонимания, дружбы, взаимодоверия и взаимовыручки между народами. Председатель жюри Вячеслав Никонов, он же Президент фонда «Политика», посмотрев фильм, рекомендовал его для показа на телеканалах России. Эта важная тема не утратила своей актуальности и продолжает разрабатываться.

«Непокоренные» – такое название получила работа начинающих кинематографистов молодежного крыла Русского культурного центра Узбекистана, рассказывающая историю 30 ветеранов Второй мировой войны, участников обороны и жителей блокадного Ленинграда. Съемки фильма были завершены в феврале 2015 года. В картине участники тех страшных событий рассказали о невероятной стойкости ленинградцев, которая спасла город вопреки всем человеческим возможностям, вопреки голоду, холоду и бомбежкам фашистов. Сегодня эти люди, пережившие ту страшную трагедию, живут в Узбекистане. Через трагедии отдельных жизней в этом фильме удалось показать весь ужас фашизма. Память о дружбе, сотрудничестве, благородстве в трудные военные годы жива!!! Неслучайно уже в независимом Узбекистане ей посвящен ряд работ, в том числе крупных исследований².

Историческая справка

«Великое наследие победы во Второй мировой войне является сегодня важной духовной ценностью, нравственным ориентиром для послевоенных поколений по установлению справедливого и безопасного мира» – справедливо говорится в Обращении глав государств-участников СНГ к народам государств-участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы во Второй мировой войне, среди его авторов – Президент независимого Узбекистана И. А. Каримов. Борьба против фашизма – одна из ярких страниц сотрудничества народов Востока и Запада, в частности, узбекской и русской культур. Ещё в 1995 г. в Узбекистане была опубликована книга «Хотира» («Память»), в которой перечислены фамилии свыше 450 тыс. узбекистанцев-участников войны с фашизмом. С тех пор издано 36 томов книги, выходят дополнения и отдельные книги воспоминаний. С 1996 г. в Узбекистане действует Фонд «Нуроний», ведущий большую работу по социальной поддержке ветеранов.

Среди многих страниц истории суровых лет войны важнейшей является эвакуация в Узбекистан 308 промышленных предприятий, эвакуированных в Среднюю Азию и Казахстан, множества вузов, 22 НИИ, двух библиотек из России. В Ташкенте работало

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1275598800>

² А. А. Голованов, И. М. Саидов. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом в 2-х частях. Самарканд, 2006. В. А. Костешкий. Помним, гордимся. 1941–1954. Ташкент, 2010. Василий Костешкий. Поклонимся великим тем годам. Т., 2015.

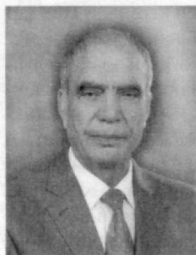
около 375 работников тогдашней союзной Академии Наук, сюда были эвакуированы сотрудники знаменитой Пулковской астрономической обсерватории, многие деятели культуры. С октября 1941 г. при правительстве Узбекистана действовал Республиканский Комитет помощи раненым и больным воинам, к концу 1944 г. в Узбекистане работало 12 эвакогоспиталей на 6050 коек; основная масса их находилась в Ташкенте (4 эвакогоспиталя на 2659 коек) и в Самарканде (5 эвакогоспиталей на 2400 коек), госпиталь на 400 коек действовал в Андижане и на 200 коек – в Кагане. В Государственном Архиве г. Ташкента имеется множество фондов, связанных с эвакуацией¹.

Но совершенно особая страница в истории эвакуации и помощи эвакуированным – это вопрос об эвакуированных детях. Их было много... Особенно из блокадного Ленинграда. Как отмечал Посол РФ в РУз В. А. Тюрденев, «...чувство благодарности живет в сердцах россиян, и мы отдаем дань мужеству и стойкости и, конечно же, гостеприимству узбекского народа»². В Узбекистане была создана Республиканская комиссия по оказанию помощи эвакуированным детям, их устройству и размещению. Как отмечалось комиссией, в Ташкенте на индивидуальное воспитание в семьи рабочих, служащих и колхозников было взято 765 детей, собрано по Ташкенту 54400 рублей для помощи детям и 36 тыс. предметов детской одежды; в 9 колхозах Янгйюльского района Ташкентской области были организованы детские дома; в Бухарской области взяли на воспитание 631 ребёнка, собрали 269 тыс. рублей и 17,5 тыс. предметов детской одежды; на предприятиях и организациях создали 25 филиалов детских домов. В Ташкенте знаменит был детдом № 22, который возглавляла до конца жизни А. П. Хлебушкина. 6 августа 1942 г. Совнарком Узбекистана принял специальное постановление о размещении 5100 учащихся эвакуированных ремесленных и железнодорожных училищ из Краснодарского края (2800 – в Ташкенте, 600 – в Самарканде, 500 – в Андижане, 500 – в Коканде, в Беговате (Бекабаде) – 49090 и в Янгйюле – 300 человек), были определены конкретные помещения для постоянного или временного размещения (в школах, на фабриках, в кинотеатрах, мастерских, клубах и др.). Согласно справке Управления детскими домами Наркомата просвещения от 9 сентября 1942 г. в Узбекистан было эвакуировано 68 детдомов, в них было 9600 детей; при этом в существующие детдома было размещено 6700 детей, а всего в детдомах Узбекистана в это время находилось 16300 детей. Всего в сентябре 1942 г. в Узбекистане работало 50 эвакуированных детдомов; дети школьного возраста пошли в школу с 1 сентября, а там, где детдома были далеко от школ, были открыты специальные классы; при 30 детдомах созданы пошивочные, трикотажные, столярные или иные мастерские. Прибывшие «не организовано» дети в возрасте до 14 лет (5400 чел.) были отправлены в детдома Наркомпроса; подростки с 14 лет и старше – на работу в колхозы и совхозы (5204 чел.); на предприятия промышленности и промкооперации (4000); на учебу в ФЗО и ремесленные училища (4038 чел.). Остальные дети дошкольного и школьного возрастов переданы на воспитание в семьи и коллективы.

¹ Государственный Архив г. Ташкента: Постановление СНК УзССР № 1665 от 11.11.1941 г. Об обеспечении жилищно-бытовых эвакуированного населения» ГАГТ, ф. 10, оп. 18. Распоряжение СНК УзССР № 1404 от 2.10.1941 г. «По обслуживанию эвакуированных детей» ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 26, л. 418. Постановление СНК УзССР № 454 30.03.1943 г. «Об эвакуированном оборудовании» ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 34, л. 245. Постановление СНК УзССР № 74 от 20.01.1942 г. «О проведении письменного учёта эвакуированного населения в УзССР и организации работы учетно-статистического бюро уполномоченного эвакуирования в УзССР» ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 36, л. 1. Сведения о расселении эвакуированных заводов по г. Ташкенту за 1942 г. ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 36, л. 1. Списки эвакуированных граждан из г. Ленинграда и Ленинградской области ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 37 б и далее. Списки эвакуированных заводов и общежитий по расквартированию граждан за 1942 г. ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 36 б и далее. Списки эвакуированных граждан из разных городов России за 1943–1944 гг. ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 37 г. и далее. Постановление СНК УзССР № 1388 от 13.11.1944 г. «О выделении средств на достройку дома гр. Шамахмудова» ГАГТ, ф. 10, оп. 18, д. 40, л. 120.

² Василий Костешкий. Поклонимся великим тем годам. Т., 2015.

литературоведение. литературная критика

**Кодиржон
НОСИРОВ**

Кандидат педагогических наук, доцент Наманганского госуниверситета родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Работал зав. кафедрой рус. и заруб. литературы, деканом факультета рус. яз. и лит., директором Центра повышения квалификации преподавателей, проректором университета. Автор 200 научно-популярных и научных публикаций, переводчик.

**КОММЕНТАРИЙ К
СТИХОТВОРЕНИЮ ПУШКИНА**

Общеизвестно, что солидные книжные издания, в том числе и литературные, снабжаются необходимыми комментариями историко-литературного, лингвистического, текстологического характера (чаще всего, в конце книги), которые призваны пояснять те или иные малопонятные читателю места в тексте. Часто из этих пояснений можно почерпнуть немало ценных сведений, которые не встретишь не только в учебной литературе, но и в серьёзных монографиях. Без преувеличения можно сказать, что примечания к книге – плод серьёзных научно-библиографических, текстологических изысканий, способствующих правильному пониманию текста.

Нередко подобные замечания касаются заимствованной лексики, обозначающей явления иноязычной культуры, общественно-политической жизни. Очевидно, что от правильного комментария, адекватного восприятия иноязычных явлений зависит и правильное понимание художественного произведения.

В настоящей статье мы хотим порассуждать по поводу одного комментария в примечаниях к произведению А. С. Пушкина.

Пушкин не только национальная гордость русского народа, но важное звено в истории развития всей мировой литературы. Он удачно аккумулировал в своём творчестве и русское народное начало, и многие прогрессивные идейно-эстетические традиции в духовном развитии человечества.

В науке давно установлено, что между далекими регионами земного шара, различными народами и их культурами, равно как и эпохами, далеко друг от друга отстающими, издревле существует преемственно-взаимная связь или, как ныне модно говорить, межкультурная коммуникация. Эту мысль образно сформулировал талантливый поэт XX века А. Вознесенский в книге «Прорабы духа»: «Культура – не остров, а взаимосвязь с культурой соседних времён и народов. Неслучайно на страницах Лермонтова, Тютчева мы находим, как листы осеннего гербария, названия: «Из Байрона», «Из Гёте».

Сегодня с полным основанием можно утверждать, что именно благодаря взаимосвязям обеспечивается непрерывность эволюции человечества. А если и случались отклонения, перерывы, иногда довольно затяжные, затем, благодаря тем же межкультурным связям, поступательный ход истории восстанавливался.

Восточные традиции отмечены в русской классической литературе ещё со времён Ломоносова. Однако исследователи именно с Пушкиным, с его «Подражаниями Корану», связывают начало настоящего «западно-восточного синтеза» в истории русской литературы, традицию «воспроизведения восточного национального мира и человека...»¹.

Творческая лаборатория Пушкина, как и всех гениальных писателей, была открыта для междисциплинарных трансформаций. Его творчество словно вообрало в себя многие прогрессивные идейно-эстетические ценности мировой духовной культуры, в том числе немало западно-восточных эстетических традиций. Обращаясь к конкретному материалу, небольшому, но известному ориентальному стихотворению Пушкина «Из Гафиза», наглядно поразмышляем по поводу текстологического комментария к нему. Приведем пушкинский текст:

Из Гафиза

(Лагерь при Евфрате)

*Не пленяйся бранной славой,
О, красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил среди мечей
Красоту твою заметит –
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!*

В примечаниях к этому произведению в конце второго тома десятилетия Пушкина читаем:

«Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год, с датой: «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате». В рукописи имеет название: «Шеер 1. Фаргат-Беку». «Шеер» по-татарски – полк. Очевидно, имеется в виду конный мусульманский полк в русской армии. Фаргат-Бек, по-видимому, служил в этом полку. Его портрет, кем-то зарисованный и подписанный Пушкиным, сохранился в альбоме Е. Н. Ушаковой.

Название «Из Гафиза», вероятно, не соответствует действительности, и стихотворение Пушкина является оригинальным, хотя и написано в духе персидского поэта Гафиза...»²

Это подтверждает известный исследователь Тартаковский П. И., который

¹ Тартаковский П. И. Русская советская поэзия 20-30-х годов и художественное наследие народов Востока. – Ташкент: Фан, 1977, с. 4, 10-14

² Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах, т. 2. – М.: Правда, 1981, с. 371

писал, имея в виду интересующее нас произведение, что хафизовский мотив ошутимо звучит в стихотворении Пушкина, написанном после встречи с горцем на Кавказе.

Обратило на себя наше внимание одно слово в рукописи Пушкина – «шеер» и его толкование в вышеприведённых примечаниях.

Нет необходимости доказывать, что «шеер» – это не «полк», означающий воинское подразделение, а поэтический термин; шеер – это стихотворение.

Памятуя о том, что Пушкин проявлял немалый интерес к восточной классической поэзии, нетрудно предположить, что при написании указанного стихотворения под влиянием персидского классика основоположник русского литературного языка мог воспользоваться общеизвестным в арабо-персотюркоязычной поэтике термином для жанровой характеристики своего небольшого по объёму ориентального произведения. И надо сказать, что русский гений своим чутким поэтическим слухом довольно точно воспринял, а затем и максимально близко к подлиннику воссоздал графический образ иноязычного термина. Такой способ заимствованного слова характеризуется как передача иноязычной лексики путём транскрипции, т. е. передача звуков оригинала буквами языка перевода. Результат налицо: пушкинское «шеер» довольно близко воссоздаёт звучание оригинала.

Кстати, в узбекском языке в кириллице данный термин передавался в форме «шеър», с разделительным знаком в середине слова. В арабском же языке, из которого происходит термин, на этом месте находится гортанный звук «айн». В новой узбекской графике на основе латиницы место разделительного знака занял апостроф: she'r.

Общеизвестно, что в некоторых восточных, закавказских поэтиках встречаются термины «шаир», «шаири», обнаруживающие, будучи однокоренными, нечто общее с «пушкинским» «шеер» как по форме, так и по семантике. Например, грузинское «шаири» означает и строфическую форму классической литературы, использованную в знаменитой поэме «Витязь в тигровой шкуре», и стихотворение вообще¹.

Думается, что «шеер» в пушкинском понимании – небольшое лирическое стихотворение в восточном стиле. Кстати, в русской поэзии существовала и существует традиция называть стихотворения словами-терминами, на самом деле означающими жанровую форму поэтического произведения, создаваемого в инонациональных эстетических традициях, заимствуя из тех же языков и саму терминологию. Например, нередко встречаются стихотворения, называющиеся «Сонет», «Газель» (газелла), «Стансы» и др., написанные по правилам сложения этих жанровых форм.

Можно предположить, что поэт, по-видимому, хотел создать цикл ориентальных стихотворений, поэтому-то в рукописи стоит не просто «шеер», а «Шеер 1», что следует понимать как первое произведение из задуманного цикла.

Таким образом, комментарий, содержащийся в примечаниях к указанному стихотворению А. С. Пушкина, на самом деле не проясняет идейно-эстетический смысл пушкинского слова, а затемняет его. Читателю невдомёк, что стихотворение с необычным названием в рукописи – одно из многочисленных доказательств тонкого восприятия А. С. Пушкиным восточной поэтики.

¹ Краткая литературная энциклопедия. – М., Советская энциклопедия, 1975.

ПОЭЗИЯ

**Я иду по годам, как по
лестнице...**

За мною – мир моих стихов,
Где я – бродяга и король,
В них летопись моих веков
И недописанная роль.
Александр Симонов

Расстояния

Круглый шарик Земли мы катаем в руках
Наших судеб и наших метаний.
Пусть плывут в небесах корабли-облака,
Ветер шепчет, что нет расстояний.
Расстоянья придуманы нам на беду
Вышей силой в минуту печали.
Мы расстались с тобою в далёком году,
Адреса в суете потеряли...

И соседей своих мы не знаем порой,
А друзей мы встречаем в дороге,
И идём на вершину троюю одной,
Подводя нашей жизни итоги.
Сколько звёздных ночей провели у костра,
Здесь у жизни иные мерила,
И вершина, отлитая из серебра,
Нам торжественность жизни дарила.

Пусть стремление к чистым красотам Земли
Станет главной для нас аксиомой.
Мы в узоры судьбы без сомненья вплели
Дни, что греют в дороге и дома.
Если вспомнишь Чимган, он поможет всегда
Ярким солнцем ненастье развеять.
Расстоянья не властны над нами тогда,
Если можем друг другу мы верить!

**Александр
СИМОНОВ**

Родился в 1960 г.
в Омске. Окончил
физический
факультет ТашГУ
(ныне НУУз), рабо-
тает в АН РУз.
Публиковался в
периодической пе-
чати Узбекистана
и России.
Живет в Ташкенте.

Ташкентский февраль

Дождь по улицам мокрым гуляет,
Небо серым прикрыто чехлом.
Ветер ветки лениво считает
И беседу ведёт с Февралём.

– Не пойму я погодной причуды –
Встретил утром Весну! Вот дела...
Появилась она ниоткуда,
Раньше срока на месяц пришла!

И Февраль, на себя не похожий,
Белый плаш на скамейке забыл,
Не по моде одет, ну и что же,
Он Весну погостить пригласил.

И чудака долговязый, нескладный
Гостью ввёл в свой неприбранный дом,
Чай поставил и торт шоколадный
На старинную скатерть с пятном.

В угол смёл прошлогодние листья
В холостяцком жилище своём,
Спрятал в шкафчике краски и кисти,
И романсов зачитанный том.

От стеснения сердце заныло,
К Февралю прикоснулась Весна
И на танец его пригласила,
Песню звонкую спела она.

От печали сумел он оттаять,
Снял застенчиво серый пиджак,
И Весна подарила на память
Яркой зеленью вышитый фрак!

Не успеваю

Не успеваю сделать то, что важно,
Не успеваю письма написать,
Не успеваю жить полнометражно
И чаще навешать отца и мать.

Не успеваю пообщаться с другом,
Или послать хотя бы СМС...
И на часы опять смотрю с испугом,
Так незаметно целый день исчез.

Не успеваю выйти на природу,
Поллюбоваться утренней звездой,
Быть научиться полностью свободным,
Не заниматься всякой ерундой.

Десятки мыслей, тысячи желаний,
И заклинание: успеть, успеть...
И серебро потерянных призваний,
И потускневших искушений медь.

Я не могу никак поспеть за веком,
Свои проблемы разом одолеть!
Не успеваю жизни быть стратегом,
Не успеваю, к счастью, повзрослеть.

А может быть, не надо суетиться,
Часы считая, напряжённо жить.
С друзьями, в кои веки, созвониться
И без причины в гости пригласить.

Осенний ветер

Ты не звонила мне тысячу лет –
Грусть поселилась в квартире,
В тучах запутался солнечный свет,
День – в тёмно-сером мундире.
Плотно застёгнут его воротник,
Ветер гуляет осенний,
Тучи гоняет седой озорник,
В этом, конечно, он гений.

Осень – золото волос твоих,
Осень – синева небес и глаз,
Осень – в небе журавлиный крик,
Год разлуки и свиданья час.

Ветер с усердьем сметает листву,
Ловкий невидимый дворник.
Он в небесах распахнул синеву,
В сердце своём – не затворник.
Видно, заметив тебя вдалеке,
Тучи согнал он с насеста...
Зонтик ненужный несла ты в руке,
Осень приняв без протеста.

Ветер окно распахнул невзначай,
Чтоб не смотрел я уныло...
Крикнул он мне: «Что ж ты медлишь? Встречай!
Ту, что тебя полюбила».
Ветер затих и исчез вдалеке,
Вместе сведя нас с тобою.
Зонтик ненужный несла ты в руке,
Волосы пахли листвою.

Вальс дождя

Я иду по годам, как по лестнице,
Только странная лестница это:
То вдруг звёздное небо разверзнется,
То в пустынном подъезде нет света.

Белым снегом окно запорошено,
И неяркая лампа маячит...
Может, это мечты, что заброшены?
Вдруг за дверью ребёнок заплачет.

На дверях номера обозначены,
Мне напомнят они, что когда-то
Были встречи с друзьями назначены,
И не знали мы боли утраты.

Наша дружба казалась бессмертной,
В праздник жизни уверовав свято,
Будни делали мы многоцветными,
Простодушным общеньем богаты.

Мы любили каникулы жаркие,
Наших девочек смех серебристый.
Годы школьные, тёплые, яркие
Пронесли и растаяли быстро.

Я иду по годам, как по лестнице,
Где ступеньки то выше, то ниже,
И надежда – удачи предвестница,
Годы юности делает ближе.

Тишина

Я научился слушать тишину,
В которой скрыта музыка вселенной,
И созерцать в тиши ночи луну,
Приняв гармонию душой нетленной.

В безмолвии ночном нет пустоты,
А есть особенное содержание.
В безветрии задумчивы цветы,
И так приятно робкое касанье.

А после шума нервных площадей,
Я чувствую, как тишина прекрасна,
Как музыкален маленький ручей,
Скользкий нежно по камням атласным.

Ну, что слова? В них суeta и пыль,
И мы от слов становимся ранимей,
В них не понять, где клевета, где быть,
А тишина бывает слов значимей...

Вдвоём на тропе мы с тобою стоим,
Где больше воды, чем земли...
И небо из синего стало седым,
Исчез вертолёт наш вдали.
И рокот турбин незаметно сменил
Блуждающий шорох дождя.
И кажется дождь нескончаемо лил
С тех пор, как возникла Земля.

Круги на воде, круги на воде,
Здесь тучи за скалы цепляются.
Круги на воде, круги на воде –
В озёрах дожди растворяются.

Хотели встречать мы с тобою рассвет,
Но краски размыли дожди,
И взгляд твой задумчивый грустью одет,
Не стоит грустить, подожди!
Наверно, нам всё же с тобой повезло,
Пусть капли слетают с ветвей.
Ведь нас в удивительный мир занесло,
Где музыка в ритме дождей.

Ростки весны

На деревьях листва молодая,
И асфальт зазеркален дождями,
Сновиденья весны разбивая,
Суетятся машины ночами.

Но печали весна неподвластна,
Каждый миг для неё – миг творенья,
И трудилась зима не напрасно,
Подготовив весны возвращенье.

Смысл жизни, наверное, в этом,
Чтоб уйти и опять возвратиться.
И закаты сменяют рассветы,
И строка на бумагу ложится.

А в далеких просторах Вселенной
Зодиака созвездья сверкают,
Награждают судьбою бесценной
Тот росток, что асфальт пробивает.

Мы, альбомы души раскрывая
Сотни лет, забываем разлуки...
На деревьях листва молодая,
И гитара вдруг просится в руки!

Память детства

Детства яркая память – базары Ташкента,
В деревянных рядах – толчея, суета.
И огромные дыни под старым брезентом,
И скрипучий чигирь тихо крутит вода.

Кожура золотистым покрыта загаром,
Аромат сладкой дыни смешался с жарой.
И наполнена мякоть медовым нектаром,
Как наполнено детство весёлой игрой.

Мякоть дыни пропитана солнечным светом,
Азиатского солнца особым теплом –
В нём читаются сказок восточных сюжеты,
Шум базара, халва и ряды с кишмишом.

Пышет жаром тандыр, и дымятся мангалы,
Лудит мастер задумчивый груды кастрюль.
Горы сложенных дынь, и кричат зазывалы:
«Подходи, покупай золотой Мирзачуль!»

И ломоть в угошенье, конечно же, даром,
Липкий сок, побежавший к локтю по руке,
И мелодии детства напеты дутаром,
И разрезана дыня на белой доске.

Подарок из Ташкента

Г. и Л. Васильевым

Я позвонил друзьям в холодную Москву:
– Мой брат в Россию улетает в среду.
Хочу послать кишмиш в подарок, пахлаву,
Хурму, миндаль и специи к обеду.

Но в трубке пауза и робкие слова:
– Спасибо, сладостей в Москве хватает,
Доступны специи, доступна пахлава,
О вкусах других семья мечтает.

Пришли, пожалуйста, лепёшки и самсу...
Затихший телефон я отключаю.
Прохладным утром на базар спешу,
Похожий на вулкан тандыр встречаю.

Плитою газовой тандыр не заменить –
Здесь сам Восток огонь воспламеняет.
Такую печь в иных краях не сотворить,
В ней солнце азиатское пылает!

Способен мастер ремеслом своим пленить:
Чайханшик тесто по доске катает,
Чтоб нежным мясом, сочным луком начинить,
Курдючный жир вложить не забывает.

Старое кино

Кинотеатрам г. Ташкента

Вам не казалось иногда, что это чудо,
Когда прошедшие вновь оживают дни?
Звучат слова забытые из ниоткуда,
И разгораются погасшие огни.

О, киносёмки прежних лет: горит юпитер,
Снимается кино в сиянии эполет...
Пусть согревает душу мягкий тёплый свитер,
Искусно связанный из тонкой пряхи лет.

Наивность давних кинолент смешна немного,
Герой умён, силен, находчив, справедлив,
Он смело рвётся в бой, зовёт его дорога,
Противников в финале фильма победив,

Любовь заслуженно встречает в жарких странах.
Кинотеатров старых – пылкое кино...
Нас восхищали приключения Тарзана,
Семь смелых самураев в чёрных кимоно,

Кавказкой пленнице мечты свои дарили,
И путешествия Синдбада нас влекли.
И вовсе не наивными те фильмы были,
Мы доброту и откровенность в них нашли.

проза

**Александр
СВИСТУНОВ**

Родился в 1961 г. в Ташкенте. В 1987 г. окончил Ташкентский Политехнический институт (ныне ТГТУ). Автор 12 сборников фантастики. Живет в Ташкенте.

ГОСТИ

Рассказ

Давно это было. А может недавно. Запутался я в этих мирах и временах. С духами мы тогда воевали, душманами то есть. Я, лейтенант Зайцев, командир огневого взвода артиллерийской батареи честно выполнял свой долг. Мы давили огнем позиции противника, прикрывали наши конвои, совершали марши по этим чертовым горным дорогам. Война не всегда сражение, война – это долгие нудные переходы и тяжелая работа по рытью окопов и перетаскиванию пушек вручную. И самая главная неприятность...

В этих экзотических местах солдаты у нас пропадали. Месяцами их потом разыскивали. И не всех находили. Это потому, что здесь с недавних пор, как говорил наш полковник, непознанный феномен объявился или муть необъяснимая. Необъяснимая потому, что ученые еще до конфликта этот говорящий туман исследовали, так ничего и не поняли. Что он есть, и откуда он?

Вот когда начиналось сражение, обязательно туман белый возникал. Чаше далеко от нас, только взглядом до него и доберешься, а изредка эту загадочную молочную пелену, которая совсем не похожа на водяной пар, можно было и потрогать. Удобная штука, я скажу. Влезешь в него с одной стороны, а выйдешь совсем в другом месте. Знать бы, где окажешься, цены бы этому туману не было. Но возникал он вдруг и пропадал вдруг, и забрасывало тебя за сотни и тысячи километров, черт знает куда. Никогда не угадаешь, где объявишься, потому и бойцы пропадали. Возникнет рядовой Пупкин где-нибудь в безлюдном месте за сотни километров от цивилизации, а то и посреди моря-океана. Как оттуда выплывешь? А скорей всего этот воин, ежели оказывается посреди западной цивилизации, так и убежища политического попросить может. Тогда он не вернется, я так думаю. Жаль, на поле боя туман редко клубится. И мы, и духи прыгали бы в него, от пуль и снарядов спасались. Если бы допрыгнули. А то бежишь, бежишь до тумана, чтобы от смерти сбежать, а он взял и растаял. Или долбишь, долбишь фугасами по врагам, а их туман укрывает – и все, нет никого. Или выстрелил из пушки, снаряд туман чиркнул – и все. Где он взорвался? Может на луне? Это не война, а муть белая получается. И еще, призраки

из тумана часто вылазят и шастают туда-сюда толпами. Все со знакомыми физиономиями, сплошь двойники чьи-то. Попробуй, разберись, кто есть кто. Пока они свеженькие, бесплотные и безобидные, пусть себе шастают. Но говорят, если долго живут среди людей, массой обрастают, поплотнее становятся, мысли у них появляются, почти как люди кругом бродят, чье-то место занимают.

Да уж. Бегаешь, бегаешь по жизни, голову под пули подставляешь, вдруг мысль как стукнет по лбу. Сам-то настоящий? Или гость из параллельного мира? И вообще, может все вокруг призрачное? Может даже пули и снаряды – одна фикция? Помню пушку, которая стволом в белый туман вляпалась. Ствол в тумане таял, как пластилин от жары. Дульный тормоз форму потерял, капал-капал темными каплями и исчез. Ствол изогнулся и укоротился заметно. Видно, металл совсем мягкий стал. А пушка, наверное, в другом месте по частям появляется, из капель собирается. Я тогда руку на боевой щит положил – холодный. Станный сегодня туман, думаю, попадешь в него и рассташь, как снегурочка. Бросили мы оружие, ушли на другую позицию.

Сам себя все время спрашиваю: «А наша жизнь настоящая? Я сейчас кто? Я или призрак?» Нет, я – это я, и хватит об этом, а то после той контузии совсем можно свихнуться. Как в прошлый раз, когда я доктора встретил и не узнал его сразу.

Отпуск мне дали в сентябре. Иду по мирному городу, радуюсь. Ни обстрелов, ни туманов – хорошо. По небу белые облачка плывут. Тепло, светло, ни намека на дождик.

– Ба, Зайцев! Или это не ты!

Вздрагиваю: слишком громко и неожиданно окрикнули.

– Жив?!

Ничего себе, думаю, вот тебе вместо «здравствуйте». Чувствую неприятный озноб, поворачиваюсь к незнакомцу. Очень хочется крепкое слово сказать, чтобы не приставал с дурацкими вопросами.

– А мы вас хоронили давеча.

У меня в бешенстве глаза широко распахиваются, и нос жутко чешется, это к драке.

Шас, думаю, я его урою, или хоть придушу немного, чтобы охрип от таких шуток. А незнакомец стоит напротив, ехидно шурится, хотя нет, во взгляде удивление непритворное. Сам в костюме, при галстукe, в темных очках, такой торжественно печальный, но чужой, не наш человек, будто издалека прибыл. Я все еще злюсь на него, потому грубо спрашиваю:

– Ах ты, мать белая, ты кто, мил человек?

– Или это действительно не ты, Константин, или не помнишь меня? Служили мы вместе, только ты боевой состав, а я доктор Блюм, медсанчасть!

– Очки сними, – говорю и взглядом в его лицо упираюсь. Нос крючком, немецкий, глаза – буравчики, взгляд докторский, внутрь меня смотрит. Да, пора в памяти покопаться.

Очередная командировка в ту горячую точку. И мое первое попадание в туман.

Крикнул я команду: «выстрел», рот по привычке не закрыл, чтобы по ушам не получить, чтобы воздух насквозь просвистел и не тронул барабанные перепонки. Батарея шархнула из всех стволов. Отплевался я, очистил рот от пыли, которая после отдачи кисельным туманом поднялась, тут ко мне сержант подбегает, выбивает пыль из пилотки и радостно докладывает. Мол, идиоты снабженцы снарядов припасли недостаточно. И они внезапно кончились, так что стрелять нам больше нечем. Этот залп последний. И весь из себя довольный предом мной

вытянулся, будто отпуск заслужил, и война у него кончилась. А мне чего делать? Командую:

– Орудия перевести в положение для буксировки.

А сам пошел на противника смотреть.

Тягачи рычат, смрад висит в воздухе от солярки и пороха, солдатики, ругаясь, пушки разворачивают. Я старшину поминаю незлым тихим словом, животом на пригорок бросаюсь, чтобы скрытно рассмотреть, что на склоне у противника творится. Вдруг свист слышу, душу изматывающий. Мина летит. Испугаться не успел. Носом в траву зарылся, жду, может, мимо пролетит. Трах, бах и нет меня. Туман возник рядом, кажется, я в него вляпался, или это у меня темнота в глазах от взрыва.

Голова звенит, как треснутый колокол, тело ушибленное, тупо болью ноет. Пытаюсь сообразить сквозь муть в голове, что это было? Начинаю различать окружающее. Где это я? И кто надо мной склонился? Не вижу. Темное пятно вместо лица. Все-таки что-то со зрением случилось. А мужик молча через меня перешагивает, вижу подошву ботинок да кобуру замечаю от «грача» на поясе с моей надписью на кармашке «КСЗ», сам вытравливал, чтобы никто не покушался. «Спер сволочь», – думаю, по боку себя хлопаю, с первого раза не попадаю, рука как не своя, не слушается. Ан, нет, вот и кобура на месте и пистолет внутри. Смотрю вслед мужику сквозь туман, у него и спина на мою похожа, тот же бушлат со вчерашним заштопанным осколочным порезом. Я с трудом приподнимаюсь, тяну к нему руку, зову, но вместо слов бульканье в горле бессловесное, а мужик, призрак мой, в тумане тает. Я на бок переворачиваюсь. Зрение вернулось! Могу осмотреться. Валяюсь под деревом – то ли дуб, то ли чинара, не разберу. Дети орут неподалеку, машины фырчат моторами, люди шуршат. Да, здесь мирная жизнь! Мальчик подбегает с пластиковой бутылкой воды:

– Что с вами? Помощь нужна? Мы уже скорую вызвали.

А потом меня везли в госпиталь, а я все думал: «Хорошо, что в столице нашего округа оказался, это же триста километров от места боя, а не три тысячи! А то выташили бы меня из канавы полицейские где-нибудь в Нью-Дели. Сочинял бы им тогда сказки, как незаконно ихние границы пересекаю».

Этот доктор Блюм меня тогда и принял. Холодно отметил контузию средней тяжести, прописал уколы и полный покой. А теперь видит во мне покойника. Ну, так или иначе, я его вспомнил.

– Здравствуйте, доктор, – говорю с притворной радостью, – когда вы меня хоронили?

– Вчерась, – отвечает. А сам искоса рассматривает, будто особые приметы выискивает, глазами хлопает от удивления, признал за живого.

– Да, – отвечаю, – кто-то из нас с ума сошел, или призраков с того света нагнали. Что же меня-то на собственные похороны не пригласили? Доктор, – спрашиваю, – а у вас в жилах кровь течет?

Доктор недоуменно чешет затылок, внимательно меня рассматривает. Диагноз ставит... А мне его проверить придется.

Подхожу вплотную, обнимаю крепко, поднимаю в воздух, взвешиваю. Доктор грустно крикнул, но возмутиться не успел, обратно его ставлю.

Ну, что, думаю, килограмм семьдесят, а может и восемьдесят. На призрака не тянет, массу имеет, хотя призраки все совершенствуются, уже и вес набирают. Тени второй не вижу. Нет, похоже, живой человек.

– Привет, доктор! – радостно ору ему в ухо. Доктор недовольно морщится. – Здесь в столице вы какими судьбами или в отставке уже?

– В отпуске, – сухо доктор отвечает, – а вы?

– И я в отпуске. Вот отдохнул называется. Так как вы меня хоронили? И кто вам сообщил?

А доктор успокоился, опять наглым стал.

– Что же, – говорит, – здесь будем беседовать?

– А, че, – отвечаю, – я никуда не тороплюсь, ты рассказывай, а вот если рассказ покажется интересным, может, в кафешку переместимся.

– Я закурю? – Блюм вдруг у меня спрашивает. На кой черт ему мое разрешение, я же не дама, но киваю в ответ. Он сигарету достает из пачки, пальцы дрожат, занервничал немец, но продолжает наглым тоном:

– Ты, Зайцев, брось дурака валять, живой – значит живой. Не я тебя в гроб ложил, нечего на меня орать, а то, что тебя хоронили или двойника твоего, так это факт. Позвонил мне ваш полковник Градов Семен Михайлович. Он мужик конкретный, сразу мне и сообщил. «Зайцева помнишь, – спрашивает, – артиллерииста?» «А, этот, который контуженный», – отвечаю. Полковник и говорит: «Мол, с ним уже все, вчера. Помянуть придешь?» Я что, отказываться буду боевого товарища в последний путь проводить? Конечно, пришел.

Мне чего-то плоховато стало, звон в ушах появился и в животе пустота, как перед атакой.

– И какой я был? – спрашиваю.

– Такой, как всегда, только смиренный, ну и бледный как смерть, извини.

– Ну, тогда это точно не меня хоронили.

– Я бы так не сказал, – с сомнением Блюм отвечает, – костюм черный, рубашка белая, галстук красный, а голова точно твоя. Да и не один я Зайцева в покойнике признал.

– Много народу было? – спрашиваю с живым интересом. – А речь кто-нибудь толкнул?

– Народу было много, – обстоятельно доктор отвечает, – речи были короткие, но правильные. О мертвых же только хорошо. Женщины не плакали. Хранили скорбное молчание. Все до одной были элегантны, все в черном.

– А она была? – спрашиваю и вдруг пугаюсь ответа. Я же мог для нее умереть!

Блюм непонимающе меня рассматривает.

– Елена Эдуардовна?

Доктор ждет подробностей, даже курить перестал.

– Ну, такая, – говорю, – эффектная стройная брюнетка, глаза глубокие-глубокие, и бездна в них плещется.

– Очень поэтично, но, пожалуй, я понимаю, кого вы имеете в виду. Была такая дама. Стояла в сторонке, к ней друзья ваши подходили, что-то говорили, но она ничего не отвечала, мне кажется, ни слова не проронила во время церемонии.

Моей голове вдруг холодно стало, будто макушкой в ледяной ветер окунулся, а в животе наоборот горячо. Алена, Алена! Но как она могла меня хоронить? Ведь вчера с ней виделись. Или не вчера? Нет, точно дня три назад виделись или четыре. Или я опять куда-то пропадал? Что-то с памятью моей. Болею, наверное.

Помню, как говорил ей: «До свидания». А она мне свое очередное предсказание выдала. У нее же прозвище, вернее рабочий псевдоним – мадам Ленорман. Вот она стоит с несчастным видом и тихим голоском возражает, мол, не встретимся мы с тобой, дорогой мой, четырнадцатого числа, потому что тринадцатого ты в госпиталь попадешь, возле тебя в бою взорвется что-то, и увезут тебя в столицу. Она даже всплакнула от жалости. Добрая она у меня, вечно собак и кошек бродячих жалеет, с улицы подбирает. И даже предсказания свои делала

она с виноватым видом, будто извинялась за то, что знает будущее. Но главное, все, что она мне предсказывала, моя мадам Ленорман, все всегда сбывалось. Я с ней тогда на желание поспорил, мол, плевать мне на взрывы, а если я явлюсь перед ней четырнадцатого – с нее желание, а если нет, то желание с меня. А она спокойно возразила, что не надо ей никакого желания, все равно мою контузию отменить невозможно, и спор этот я обязательно проиграю.

И случилась у меня контузия именно тринадцатого. Я уж подумал, что это она меня по жизни ведет, как бычка на веревочке. Мозг приказами накачивает. Не дает шагу в сторону ступить. Или она и духам предсказания делает и командует, когда, куда и в кого миной надо попасть? Есть у меня смутные подозрения, что она с говорящим туманом связь имеет. Говорящий он потому, что призраки, пока в тумане находятся, бубнят что-то невнятное на нечеловеческом языке.

Доктор докурил свою сигарету.

– Лейтенант, – обращается, – могу я вас в кафе пригласить, отметим ваше воскрешение.

– Ага, – зло отвечаю, – только не сейчас.

У меня все мысли Аленой заняты. Моей любимой. Быстрее бы ее найти, предьявить себя живого. Еще и призраков выловить всех надо.

– Пока, доктор, некогда мне. Позже встретимся. И помянем меня, и за здоровье выпьем.

– Удачи вам, – с завистью доктор пожелал, – теперь долго жить будете.

– Алена, родная, я живой.

– А я знаю.

Любимая, поджав губки, уставилась на меня чужим взглядом, в левой руке держит чашечку горячего кофе, правой, будто руну в воздухе чертит, защищает от меня магически. И это была моя проблема – завоевать ее доверие.

– Ты, что, не рада?

– Ну, заходи. И прекрати называть меня Аленой, Лена я, – вдруг с обидой объявила она. – Знаешь, не люблю это шоколадное имя. Нарочно дразнишь?

Я ничего не понимаю, что за капризы, еще вчера любила, с удовольствием на Аленку отзывалась, и вот тебе. Фигня какая-то у нее в голове творится. Или мне память отшибло?

Шагаю навстречу, хочу обнять, а она чашку перед собой держит, того и гляди, горячий напиток в лицо плеснет.

– Что-то ты мне не очень рада, – говорю и в дом протискиваюсь.

– Я вчера на твоих похоронах побывала.

– Но это же не меня хоронили, – отвечаю в сильнейшем раздражении, – живой я, живой. Дотронься до меня, – и вновь объятия раскрываю.

– Хоронили не тебя, – отодвигаясь вглубь комнаты, задумчиво Лена произносит, – но и ты, может, не ты. Я что, каждому проходимцу верить должна?

– Ого! Мадам сегодня не в настроении. Где же твои доброта и ласка? Даже если я призрак или двойник, пожалуй бедное животное, дай коньяку. Или, – смотрю на нее с хитрым прищуром, – ты что-то обо мне знаешь, чего я не ведаю!

– Знаю, знаю, я все знаю, я много знаю.

Смотрю, нехорошие мысли ей покоя не дают, начинает нервничать моя красавица. Она обычно, когда обижается, замолкает надолго, не разговаривает, пока не простит, и никаких истерик, но не в этот раз.

Кофе в ее дрожащей руке в чашке плещется, капельки разлетаются, задышала Лена часто, носик покраснел, глаза злые стали, а фразы обидными.

– И зачем ты пришел? Пришелец с того света, двойник алкоголика, коньяк ему с утра подавай. Обойдешься! Вот кофе в физиономию плесну сейчас!

– Не понял, чего ты мой коньяк жалеешь?

– Чей коньяк? – она искренне удивляется. – Чего ты вообще от меня хочешь? Пришел с того света, даже кофе попить не даешь.

– Ага, так ты меня все-таки похоронила.

– Да не тебя! – крикнула она. – Знала я, не ты покойник, но у тебя все равно все будет плохо, и у меня будет плохо, все будет плохо, – Лена чуть не плакала. – Твои похороны – это нехороший, плохой поворот в нашей жизни. Все теперь будет плохо, убирайся!

Стою весь потерянный, слов не нахожу. Я же контуженный, когда нервничаю, плохо понимаю, что говорю и что делаю. Есть у меня одно желание, и я его прямо сейчас и исполню. И сам могу предсказать, что оно сбудется.

Отодвигаю Лену от двери, грубовато, конечно, получается: обнимаю, приподнимаю и на свободное место переставляю.

– Хам! – по-доброму обласкала она меня.

А я до коньяка добрался и рюмку не искал. Пробку скovyрнул и глоток большой сделал. В холодильник полез за лимоном.

Лена на пороге кухни стоит, глаза злые, губу нижнюю закусилa, чашку с кофе аккуратно на стол ставит и говорит холодно:

– Когда напьешься и уйдешь, дверь не забудь захлопнуть.

– Ты что, Лена-Алена? Я к тебе бежал со всех ног. Не виноват я, что какого-то другого Зайцева хоронили, и ты знала, что это не я. Иди, присядь, я тебе кофе с коньяком сделаю. Похоронили и похоронили, значит, долго жить буду. Тем более я тебе желание должен за четырнадцатое, проси чего хочешь. Или? – я замолк в сомнениях. – Думаешь, я ненастоящий?

А любимая женщина смотрит на меня, будто сквозь туман призрачный, чашку кофейную по столу елозит. И под этот скрип задумчиво отвечает:

– Во-первых, прекрати называть меня Аленой. А во-вторых, ты не понял, мне все равно настоящий ты или нет. Просто я будущее знаю. Нехорошее оно у нас с тобой.

– Ой, ой, ой. Ну да, ты же у нас ясновидящая, предсказательница.

Делаю вид, что обиделся, налил себе коньяка в стопку, выпил, лимон резать не стал, так отгрыз.

– Ты, конечно, можешь предсказывать будущее и даже его угадывать, но ты лучше настоящее, здесь и сейчас делай.

Подхожу, обнимаю любимую крепко, она стонет, будто больно ей, освобождается от объятий.

– Задушишь, дурак.

– Или, – вдруг догадываюсь, – у тебя как у психотерапевта интересный пациент появился, и ты теперь вся в нем? Доктор, ты часом не влюбилась в предмет исследований?

– Дурак, – коротко бросила она, – не влюбилась.

– Так, – делаю вывод и наливаю коньяка, – пациент появился, какой он?

– Такой же, как ты.

А у меня после коньяка голова легкая, как воздушный шарик, я уже люблю своих двойников. Сколько их еще будет. Пора отлавливать.

– Не его часом хоронили?

– Нет, что ты! Живой!

– Уже радостно, познакомишь?

– Зачем? – Лена искренне удивляется. – Больной человек, лечить его надо, а не знакомить с другими психами.

– Так он псих?

Я внимательно рассматриваю любимую, пытаюсь понять, что у нее в душе творится. А ничего не творится, глаза ее – зеркало души – красные и заплаканные, ревели что ли? А чего ревели? Я живой, и знала она это, я так понимаю.

– Тебе чего-то привиделось, – делаю вывод и опять коньяк отхлебываю. Лимон просто кусаю и жую, как яблоко.

Лена хватает стакан, наливает минералки до половины, потом в задумчивости барабанит пальчиками по столу, достает из шкафчика валерианки, капает тридцать капель. Выпивает с отвращением.

Я тут же включаюсь.

– Коньячку? – спрашиваю.

– Издеваешься, – заключает она. – Ты что о себе возомнил? Когда хочешь, приходишь, куда хочешь, уходишь, хоть на тот свет. Захотел – помер, захотел – воскрес. Да тебе плевать на меня, – сделала она вывод и одарила ласковым взглядом.

– Не, не плевать, слюна кончилась, – пытаюсь шутить.

– Что? Хам, – ровным голосом ответила Лена.

Она взяла стакан и плеснула мне в лицо недопитый глоток воды с валерианкой, а потом бросила пустой стакан на пол. Стакан не разбился, отскочил от линолеума и глухо шебурша, покатился из кухни.

– Все, уходи, – просит она и смотрит на меня с сожалением.

– Ладно, – соглашаюсь, – сейчас уйду.

– Бросить меня хочешь?

Я фигею от женской логики.

– Сама же гонишь, да и есть у тебя другой псих, только что говорила, – теперь я начинаю закипать.

Лена села на стул, закинула ногу на ногу, озабочилась, чтобы поза у нее была элегантная, чтобы стройная ножка в разрез халата эротично выглядывала.

– Сигарету дай, – снисходит она.

Я оглядываюсь, нахожу взглядом ментоловый L&M, протягиваю. Закуривает.

– Я думала, – выдает она неожиданную фразу и делает паузу. Курит.

Мне молчание надоедает.

– Чего думала? – резко спрашиваю. – Про меня думала или про кого думала?

– Про то, что нас ждет.

– Ах да, – в раздражении бросаю, – ты ясновидающая. И что, мадам Ленорман заглянула в будущее? Погрузилась в печаль и уныние? Так измени его.

– Кого?

– Не кого, а что. Будущее.

– Ха, наивный. Ты че, совсем тупой, я же вижу то, что в будущем уже случилось!

– Ну, тупой я, ну просвети, что же такого у нас уже случилось в будущем?

И в раздражении коньяку хлопнул.

Лена подходит к окну, стоя спиной ко мне, пускает равнодушную струйку дыма, произносит мечтательно.

– Тебя там нет.

– Меня нет?! – с обидой кричу. – А кто есть и что есть? Двойник мой есть? Он, вообще, где? Он, вообще, кто? Он, вообще, зачем? Вместо меня? Может, мы его позовем и устроим конкурс на твоего лучшего друга?

Я бешусь, неплотный туман глаза застилает, и головная боль просыпается робко пока.

Лена в сигарету зубками вцепилась, сейчас фильтр откусит, зло отвечает:

– Оставьте меня оба, все, в покое. Что один псих, что второй контуженный. Оба вы уже проиграли.

– Что значит оба?! – не выдерживаю, ору, как ненормальный. – Он что, здесь?

– Ты зачем на меня кричишь? Нет здесь никого. И вообще, уходи, – Лена сигарету отложила, смотрит на меня печально, – не хочу я с тобой сегодня ругаться.

А во мне обида кипит, чего это она со мной так разговаривает. Гляжу, на столике телефон ее мигает и попискивает, СМС-ка пришла. Хватаю телефон, чтобы Лене отдать, экран вспыхивает. Физиономия знакомая смотрит. Взгляд колючий, слегка безумный, щеки впалые, нос острый, губы в ехидной усмешке искривились. Мое лицо, только бритое. И переписка идет справа в колонке. Что-то: люблю, целую, жду и прочая романтическая дребедень.

– Что это? – ошалело спрашиваю. – Это я? Или кто? Двойник-недоросток? Сколько же их вокруг тебя этих меня, даже похоронить лишних не жалко?

А коньяк бурлит в башке бредовыми мыслями. Чувствую себя окончательно потерянным в моем родном мире с погребенным двойником. Да черт с ними с двойниками. Я есть Я. Мне нужна моя женщина. А может, у нее тоже есть двойники? Где МОЯ Алена?

– Так ты точно не Алена? – спрашиваю.

Лена довольную улыбку демонстрирует. Чего-то она от меня добилась, знать бы чего.

– А что? Очень хочется Аленой меня назвать? Ну назови, но мне почему-то кажется, только ты не обижайся, что ко мне сейчас другой Константин придет, который будет меня Леной называть.

Так, думаю. Эта мадам от меня, считай, отказалась. Будущего у нас нет! У нее другой я! Моя любимая мадам Ленорман поняла, что у нас нет будущего! Или это сказка для меня сочиненная. И все ее поведение трезвый расчет? Или она мне в мозги опять какой-то приказ поместила, и я сейчас брошусь его выполнять? Или еще что?..

Я для нее на все готов. Я для нее – то, что надо, где она лучше найдет? Я же это Я. Я считал, что я ее люблю, да и она меня тоже. Кого она мне предпочла? Двойника? Призрака? Психа? Зло меня взяло, обидно же. Прочь отсюда.

Боль в башку стукнула, туман сгустился, продираюсь сквозь него, а туман сопротивляется, не пускает, рот и нос мокрой ватой залеплен, дышать тяжело, тиной пахнет. Шаг делаю, влезаю в какой-то проем, оглядываюсь.

Лена удивленно смотрит, зрачки в испуге во все глаза светятся.

– Куда ты?! – кричит пронзительно. – Не надо, третий этаж!

– Какая разница, – отвечаю.

Оглядываюсь и любимую не узнаю. Зеленые глаза, бледное лицо, длинные волосы, будто под водой колышутся. Руки ко мне тянет, рыбий хвост вместо ног из под халатика вылез, чешуйки золотом горят, с плавника вода капает.

Русалка моя женщина!

Так потрясло меня это видение, что я шагнул в туман. И откуда он взялся у моей мадам Ленорман дома? Или мы здесь с ней боевые действия вели? Прыгнул я куда-то в неизвестность, в пропасть, в другую жизнь.

С утра небо было ясное, а теперь облачка все прибывают и прибывают. Белые, не дождевые, будто городок ватой обкладывают, как одеялом на ночь укрывают. Слышу громкий голос Блума, который навстречу шагает. Он в форме военврача, при фуражке, честь мне отдает.

– Здравия желаю! – кричит.

– Доктор, с моих поминок возвращается?

Злой я на Блюма, хочется что-то обидное ему сказать, а что – не знаю, да и не за что. Я в отпуске всегда паршиво себя чувствую. Как танк на постаменте без боезапаса или как волк на привязи. Ни по лесам побегать, ни на луну повыть, ни лося задрать. Кормят сытно, но из миски, и бегаешь только по восьмерке в тесной клетке. Поневоле на людей бросаться станешь.

– Каких поминок, никаких поминок не было. Слава Богу, все живы, здоровы. Только вчера ты напился и набезобразничал.

– Ничего не помню, – грустно отвечаю, – нет у меня в памяти вчерашнего дня, а чего я на жизнь жаловался? – спрашиваю.

– Ну не совсем на жизнь... Слушай, лейтенант, у тебя сигарет нет?

– Не курю.

– Это правильно, – доктор нижнюю губу закусил, думает с досадой, где ж ему куревом разжиться. – На женщин ты жаловался.

– На женщин? – удивляюсь.

– Зайцев, дойдем до магазина, курить очень хочется после вчерашнего, – Блюм нежно меня под ручку берет с собой увлекает. – На одну женщину ты жаловался, хотя называл ты ее то Леной, то Аленой, то вообще мадам Ленорман, которая тебе напроорочила не то, что тебе хотелось. С этими пророчествами ты нас так запутал, что никто не понял, какое будущее нас всех ждет, и что ты со своей женщиной делать собираешься.

– А я что-то делать собирался? – сильно удивляюсь. – Это после того, как набезобразничал?

– Да вроде бы и сделал, – Блюм радостно заулыбался, витрину с сигаретами увидел, – вчера ты к ней направился.

– Все, доктор, – кричу в ответ, – мне пора.

Меня опять беспокойство одолевает. Я же мог любимой вчера черте что наговорить. Надо выяснить отношения или хотя бы извиниться.

– Лена, здравствуй, дорогая.

– О, Костик пришел.

Лена ласково улыбается. Стоит в цветастом халатике, одета по-домашнему, но вся в боевом раскрасе. Макияж обалденный, не девочка – картинка. Я замер в восхищении, а потом несмело коснулся губами ее щеки. Вот весь день злой ходил, не знал на ком оторваться, а теперь оттаял. Добрым стал. И Блюм, и товарищи офицеры вдруг хорошими друзьями оказались, как по волшебству.

– Ждала меня? – говорю удивленно. – Ах, да ты же предсказательница! Все наперед знаешь.

Лена улыбнулась очаровательно, уступила дорогу в комнату.

– Костик, ты же тоже знал, что ко мне придешь, что же с пустыми руками? Ни цветочков, ни тортика?

– Тортик, сейчас будет тортик, или чего другое закажем?

– А чего ты меня Леной дразнишь? Знаешь, не люблю, когда мое имя пополам делят. Магдалена я, запомни, пожалуйста. Ни Магда и ни Лена – Магдалена.

– Прости, прости, любимая, как же это я...

А сам думаю, опять неладно с моей Аленой-Леной, а теперь и Магдаленой, резко она меняется. А она ли это? Смотрю внимательно. Рост, лицо, фигура вроде ее. Цвет волос и прическа у моей любимой... Так это самое переменчивое. Чаше меняется только настроение. Глаза – все та же бездна, только сегодня ласково манящая.

Улыбка добрая, ироничная, ждет, когда я ею повосхишаюсь или хотя бы приятный сюрприз преподнесу. Можно поспорить, что она та самая, но можно и проиграть этот спор. Ладно, пусть будет Магдалена. И такую мою любимую я люблю.

– За тортиком бежать? – спрашиваю.

– Заходи, потом сбегашь, найдем что-нибудь к чаю. Или можно пищу заказать. Обед же скоро.

– Точно, давай закажем, – телефон достаю, где-то у меня был номер доставки, набираю, – тебе как всегда «Маргариту»?

– Ты что? – глаза Магдалены сделались круглыми и безмерно удивленными. – Опять все забыл? Я хочу «Кальцоне» с сырной массой и салями.

– Ладно, – удивленно отвечаю, – будет тебе «Кальцоне». Смотрю, ты как имя меняла, так и вкусы тоже. У тебя шампанское есть?

Магдалена ресничками хлопнула, понимает, наверное, зачем мне шампанское, даже наверняка знает, она же будущее видит, но прикидывается, что ни о чем не догадывается.

– Поискать надо, вот если очень попросишь, может, и найду.

Проходим на кухню... ну хоть здесь ничего не изменилось. Тот же стол, стулья, окно, через которое я выходил. Подхожу, выглядываю на улицу. Мальчик с собачкой гуляет. Черный ротвейлер на поводке таскает пацана по двору. Мимо старушка шла, так к стене прижалась, подальше от собачки. Мужик в пиджаке строго ротвейлеру пальцем пригрозил, сказал что-то. На дорожках уже первые желтые листья. Однако высоко, третий этаж все-таки. Как я в прошлый раз не вернулся? Выскочил сквозь туман?

Поворачиваюсь к любимой.

– Дай я тебя поцелую, – говорю.

– Не сейчас, – отвечает она и бутылку шампанского за спиной прячет. Сначала пища, ужин при свечах, я послушаю, что ты скажешь, а потом и поцелуешь, если захочешь.

– Пищу нужно есть горячей, а шампанское пить холодным, – веско заявляю.

Принял я пищу у посыльного, сервировал столик, усадил любимую напротив, заставил ее по кусочку пищи в тарелки положить и бутылку шампанского хватать. Не знаю, с чего вдруг засуетился, но чувствую, времени мало осталось.

Зажал бутылку коленками, пробку дернул.

– А шоколадку к шампанскому? – капризно спрашивает Магдалена.

Шампанское хлопнуло и на брюки мне полилось. Я салфетку хватаю, промокаю мокрые пятна, наливаю вино в бокалы.

– Шоколадку после получишь, если захочешь, Алена-Лена, – отвечаю в ее же тоне, – Магдалена, – поправляюсь, читая в ее взгляде раздражение.

А она бокал с вином подняла, глазками поверх него стреляет, вся в ожидании.

– Короче, любимая, – выпаливаю я с солдатской прямоотой, – выходи за меня замуж, будь моей женой, и я это... делаю тебе предложение руки и сердца.

Магдалена очаровательными глазками удивление изображает.

– Замуж? За тебя? – говорит она с большим сомнением. – Ты ж военный.

– Военные лучшие мужья в мире.

– Что ты говоришь? Ты еще про моряков мне расскажи, они, наверное, потому мужья хорошие, что их дома по полгода не бывает.

– Про моряков врать не буду. А я артиллерист, крепкий и надежный, как скала. Сбегал быстренько на войну и опять дома.

– Хи, хи, – хихикнула Магдалена грустно, – ты же можешь и не вернуться или вернуться в госпиталь, а я заранее за тебя переживать буду, поскольку все наперед знаю.

– А не переживай, ведь ты рядом, и потому со мной ничего не случится, тем более ты это знаешь. Ты меня люби крепко-крепко, остальное я сделаю.

– Нет, я тебя люблю, конечно, но у нас и так все хорошо. Сейчас, пока ты не муж, ты еще спрашиваешь, можно ли ко мне прийти, а потом будешь ходить, как к себе домой.

– Это... Думаешь, я на какое-то твое имущество претендовать собираюсь? Изволь, подпишем брачный контракт на твоих условиях.

– Милый, ты сам напросился. Во-первых, пирожное, во-вторых, мороженое, кофе в постель по утрам подавать вместе с завтраком, в бутики я хожу не часто, раз в неделю, фитнес, косметолог, няня для нашего будущего малыша. Мне нужна собственная машина, недорогая, но хорошая. Ну, там драгоценности всякие. Об остальном я еще подумаю. И вообще, не хочу больше пищу, будем кофе с шоколадом пить.

Магдалена встала, озорно сверкнула глазками и принялась колдовать с кофе-варкой.

– Так ты согласна?

– Может быть, может быть. Но тебе же надо будет уволиться со службы и зарабатывать деньги, – ответила она.

– Я уволюсь, у меня через два года контракт заканчивается. Но мы подадим заявление теперь, не будем ждать два года. Я исполню все твои желания. Приказывай, моя повелительница. Луну с неба, виллу в Ницце, личный самолет, остров в океане – все тебе! О, нет, завоюю город и назову твоим именем, Магдаленбург. У нас будут мальчик и девочка. И будем мы жить долго и счастливо.

Мадам погрузстнела, глотнув шампанского. Не поверила моим обещаниям.

– Личный остров в океане? Мальчик и девочка? – с печалью в голосе спрашивает.

Повернулась ко мне расстроенная. Слезка в правом глазу оторвалась от реснички, по щеке катится. Кофе она себе наливает и со вздохом разочарования говорит:

– Нет, мой дорогой, мы с тобой не поженимся. Твою жену будут звать Элеонорой.

– Какая Элеонора? – отвечаю. – Ни за что. Я тебя ни на кого не променяю.

– Ты меня слушай, знаешь, я никогда не ошибаюсь. Она будет очень на меня похожа, но она будет Элеонорой. А меня в твоей жизни уже не будет.

У меня в голове что-то взорвалось. Контузия проснулась, боль так стукнула – в глазах потемнело. Хотел я еще повозражать, но только простонал в ответ.

– Молчи, слушай, – предсказывала Магдалена, – через пять минут тебя вызовут по тревоге. А завтра ты совершишь маленький подвиг. Куда-то там попадешь, кого-то разгромишь. После твоих снарядов, которые удачно где-то взорвутся, враги запросят мира, тебя наградят, и ты отправишься в отпуск, в другую жизнь. Там тебя и встретит Элеонора. А мне достанется другой Константин.

– И тоже псих? Как в прошлый раз?

Я, наконец, смог говорить, хотя в глазах еще было темно, и боль тихонько стучалась в затылок.

– Чего я за всеми вами бегаю. Алена, Лена, Магдалена. Теперь еще Элеонора. Все, хватит. Не хочу, не буду, я тебя хочу в жены. Дай кофе и таблетку от головы, – попросил я ласково. – Признайся, – говорю тихим голосом, – ты ведь не хочешь, чтобы я тебя бросил.

– Ха, – бодро вскринула Магдалена, – если хочешь, чтобы женщина тебя заметила, брось ее. Тебя кто-то этому научил? Так это не про меня.

– Ничего такого я не думаю, – угрюмо отвечаю, – значит, сегодня не судьба жениться?

Телефон мой на столе забился в тревоге.

– Лейтенант Зайцев? Команда три тройки.

Опять этот военный долг. Она права, любимая мадам Ленорман, как всегда права. Как она скажет, так и сбывается. А я так не хочу. Посмотрим, что можно будет сделать с ее предсказанием.

Целую ее крепко в губы. Она отвечает. Какая женщина, как голова кружится от счастья. Никому ее не отдам. Быстро всех победу и вернусь.

– Пока, любимая. Я обязательно вернусь. И опять на желание поспорим.

Смотрю, глазам не верю. Когда мы целовались, она была в халатике. А сейчас в роскошном белом платье, длинном, до пола, с декольте очень волнующим. Спинной отступаю к входной двери, глаз не могу от любимой оторвать. По-моему, у нее даже маленькая корона в причёске появилась, или мне кажется в полутьме коридора? Принцесса, как есть принцесса!

– Зайцев, где ты ходишь?

Полковник Градов освирипел. Леопард в пятнистой шкуре, старый, разжиревший, рычащий, не страшный.

– Батарея к маршу готовится, а комвзвода в тапочках гуляет, ждет, пока духи ему какаву с чаем предложат! Верблюд белокопытный ты, а не офицер! Переобуться немедленно и на батарею!!!

Полковник даже голос сорвал. А я смотрю, действительно, что это я, комбез надел, а кроссовки белые остались. Так и сверкают в зеленой траве.

Переобулся, выхожу на рык моторов. МТАБ-шки дизельными выхлопами атмосферу портят. Пацаны за рычагами дергают их без надобности, гаубицы еще не прицепили. Личный состав выстроен, внимают какому-то лейтенанту. Тот как раз говорит, что в туман стрелять не следует, а то попадут, черт знает куда, может, в Антарктиде чего взорвут, а может, и на наши позиции снаряды прилетят, это уже совсем неприятно будет. Сержант Синицын шеку трет в задумчивости и кошака черного разглядывает, соображает, как ему к оружию сейчас бежать, чтобы кот дорогу не пересек. Остальные – кто чешется, кто зеваает, а кто комментирует слова офицера. Бардак. Подхожу, ору:

– Смирно, ежики в тумане, разболтались, приматы с гранатами!

Оглядываюсь на офицера и офигевая. Да это ж Я! Хотя, Я бывают разные. Брат-близнец? Откуда? Не было никогда у меня братьев. Двойник из тумана! Ну да! Кто же еще. И что с ним делать? Два одинаковых офицера, а личный состав один! Вздво забыл команду смирно. Они теперь зрители в цирке, где Кио фокусы показывает. Двойник рассматривает меня безумными глазами. Хрипит от злости.

– Ты што, лейтенант, бес обыкновенный? Играть со мной вздумал! Игры с дьяволом – это удел избранных!

«Ага, – думаю, – он меня сам за призрака принимает. Ну что ж, сыграем по его правилам».

– Ты, что ли, избранный? – пытаюсь язвить.

Взгляд у двойника мрачный, тяжелый. Уголки губ опустились, нос вытянулся, каркает, словно хищная птица. Злая версия Зайцева получилась. И несет его, понимаешь, нового пророка...

– В голове твоей под черепом бесы прячутся. Мир отравлен. Тьма бесовства опустилась на землю. Где прячется бес, а где человек – только мне ведомо. Я – единственная сила, очищающая этот мир, – голос его стал совсем трагичным,

прямо как у шекспировского Гамлета, – исчезну я – воцарится ад на Земле. Что испугался? – рявкнул он. – Живи, пока я добрый.

«Вот ведь муть белая, – думаю, – и это офицер, который тут вместо меня командует? Он накомандует, он не по противнику, он в бесов разных-всяких палить будет».

– Взвод! – ору что есть мочи. – Подготовить орудия к буксировке, цепляйте, цепляйте к тягачам, – уже спокойнее добавил: – Чего стоим, воин? – обращаюсь к обалдевшему от двух командиров Синицыну. – Выполнять приказ, бегом марш!

Двойник зло на меня смотрит: «Чего это я раскомандовался?! Надо бы успокоить».

– Здесь красивая местность, – говорю, – отойдем?

Голос мой звучит как приглашение к дуэли. Ну, да, как это принято говорить, остаться должен только один.

Местность, конечно, красивая: сухие, выжженные солнцем склоны, редкая арча с пыльными иголками торчит с пригорков, травка под ногами, сухая и колючая, и небо совсем не голубое, бледное, выцветшее от солнца.

Отошли. Двойник зло смотрит, весь сосредоточен, типа: в себя погрузился и мысли безумные изрекает:

– Мир катится ко всем чертям, и мы не лишние на этом празднике жизни, – мрачно произносит он. – Умеешь бесов изгонять? – вдруг таинственным шепотом спрашивает.

Я изображаю удивление, отрицательно качая головой, достаю фляжку, делаю громкий глоток воды.

– Кругом одни бесы, – продолжает двойник и вдруг начинает плевать по сторонам, – тыфу на вас, – при этом приговаривает.

Я опять не удержался, хотя грешно смеяться над убогим.

– У тебя слюна на святой воде настоена, да? Иначе ты своих бесов не пугаешь.

– Ты хитрый враг, думаешь умнее всех? – он прищурил правый глаз, прицеливаясь. – Старый прожженный бес, – дружески добавил он, – я выскребу тебя из этого тела. Возможно, даже не сильно его повредив. Готовься, – замогильным голосом прошипел он.

– Стоп, стоп, – не выдерживаю я, – это ты про мое тело говоришь. А я, может, против.

– Да кто ж вас бесов спрашивает, – веселится и хохочет двойник.

А мне перестает этот разговор нравиться. Тоже мне великий инквизитор.

– Я обязан, я должен очистить мир от скверны, – продолжает проповедовать он, – хотя, конечно, это легко и приятно позволять бесам управлять собой. С бесами ты сверхчеловек, типа как я, как ты. Эх, жаль пушек у меня в батарее мало!

«Вовремя, – думаю, – я появился, а то здесь псих артиллерией командует. Это уже не обезьяна с гранатой, это обезьяна с тысячей снарядов калибра 122 миллиметра. Придется мне с него погоны сорвать и отправить на гражданку, пусть лечится».

– Бес внутри тебя сеет страх, калечит души, убивает веру, уродует мир. Но я спасу тебя. Я изгоню твоего беса.

«Какой такой бес, – думаю, – похоже, это тот самый псих, который у Магдалены лечится и, кажется, безрезультатно».

Вдруг он просветлел лицом, и его спокойный взгляд уперся в мою физиономию. Двойник достает пистолет. Это был «Макаров». Поднимает на уровень глаз, прицеливается, стреляет.

Звук выстрела я не слышал, но слышал свист пули, клянусь, хотя вряд ли успел услышать, исчез я уже. Я, кажется, еще до выстрела ушел в туман.

Стою в густом облаке пыли. Дышать невозможно. Рядом тягач проревел рассерженным медведем и удалился, обиженно скрипя гусеницами. Он эту пыль и произвел. Провожу рукой по лицу, где-то у меня платок был, надо физиономию протереть. Чихаю, кашляю, облако рассеивается, пыль ложится на сухую траву, замечаю колею, проложенную тягачом. Стоит двойник мой на гусеничном следе. В ушах звенит, это он меня вспоминает. Вон, как нецензурщина из него прет. Нет, не меня ругает, вслед механику-водителю брань несется.

И как-то мне все равно стало. Устал я от этих прыжков в туман. Что будет, то и будет. Подхожу.

– Что, братуха, – спрашиваю, – опять стрелять в меня будешь? Лучше уж в русскую рулетку сыграем.

– На фига? – двойник удивленно спрашивает. – Ты топай, топай отсюда, своим взводом занимайся, а я уж здесь сам. У меня тридцать душ. Мне нужно боевое крещение им устроить, очистить от скверны, сделать неуязвимыми и бессмертными. А тогда, – он довольно улыбнулся, – тогда и отправимся в гушу духов. Прямо на их позиции. Вот уж настроеляемся, – счастье нарисовалось на его лице, глаза стали добрые-добрые, – всех положим, – мечтательно произнес двойник.

«Вот так кисель фиолетовый, – думаю. – Этот сумасшедший действительно всех положит. Весь взвод. Чувствую, теперь моя очередь его пристрелить и самому ребятам в бой вести. Но вдруг он не уйдет в туман, и я его на самом деле пристрелю? Может, другим способом нейтрализовать? Как бы его в психушку отправить?»

Слышу голос полковника Градова.

– Зайцев, вы офицер или что? Вы оба? Ландскнехты со свинофермы.

«Крепко, – думаю, – Градов ругается, случилось что?»

А он стоит в двух шагах, мечет громы и молнии, доктор Блюм выглядывает из-за его спины, виновато улыбается, рядом два солдата с автоматами, штыки почему-то примкнуты.

– Бабуины в пилотках, – продолжает воспитывать нас полковник, – дульный тормоз вам в одно место. Который? – спрашивает он доктора.

А Блюм, нимало не удивленный, что нас двое, подходит и тыкает пальцем в двойника.

– Он, – говорит сурово, – как приговор зачитывает.

Приговор зачитал полковник.

– Ты че, лейтенант, – обратился он к двойнику, – бригаду нашу позоришь? Нажрался в дым, павиан надутый. Капитана, командира сушки тридцать пятой, летать на метле учил, а за неимением метлы веник ему совал в одно место неподобающим образом. Шут гороховый! А потом и пехотинца отметелил, который тебе замечание сделал. Все, Зайцев, конь ты безбашенный! Трое суток ареста. А потом подумаем, что с тобой делать.

Двойник голову опустил, но глаза горят бешенством, скоро ему надоедят нрауочения, и он рывкнет, как тигр, которому запах дрессировщика не понравился.

– Зайцев, – обращается ко мне Градов, не удивляясь, что нас двое, – принимайте взвод и выполняйте поставленную задачу.

Я растерян. Все так, как сказала Магдалена. Сейчас пойдем на войну, я совершу подвиг и отправлюсь к Элеоноре! А потом опять упаду в туман, и опять все изменится. Особенно моя женщина. И доктор каждый раз все не приветливее, и полковник все злее, а двойник, если это я, вообще псих.

Стоп! Я понял! Ох, ежики в тумане. Это я не просто в туман, это я в соседние миры проваливаюсь. А оттуда мои двойники-призраки вместо меня лезут. Свято место пусто не бывает. Потому и мадам моя то Алена, то Лена, то Магадлена. Да и не похожа каждый раз на себя предыдущую. Иногда, как сейчас, я со своими другими Я пересекаюсь. Правда, этот не совсем Я. У этого двойника, наверное, отчество другое, надо будет спросить, как его по батюшке. Этот сильно по башке стукнутый, бредит бесами и спасением мира. Ну, жизнь у него тут такая была. И в этой жизни я любимую могу потерять. Или даже себя забыть в одном из миров.

Не хочу. Моя или нет, но такая жизнь мне не нравится. Поломать надо эту судьбу. Не хочу я подвиг совершать, орден получать, в отпуске отдыхать и на Элеоноре жениться. Конечно, это моя Алена, Лена, Магадлена так приказала. Может, она и видит будущее, она наверняка все предсказания из тумана достает. У нее туман дрессированный, ее двойники по времени сдвинутые. До сих пор я не смел ее послушаться, но свою жизнь мне самому делать.

А отправлю-ка я за подвигом своего двойника. Пусть он по мирам прыгает, счастье свое ищет, хотя зачем психу счастье. Пусть ему Элеонора достанется. А я, может, в этом мире задержусь. Изменяю предсказание, не буду больше в туман проваливаться.

– Полковник! – во весь голос кричу я.

Градов смотрит на меня со свирепым недоумением, мол, субординацию нарушаю.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, – продолжаю по уставу.

Решил я: «Сам пойду под арест, а безумец пусть подвиг совершает».

– Доктор ошибся, – веско заявляю, – это я дебоширил. Это я напился, помните Блюм? Я еще вам на жизнь жаловался и в войска просился досрочно из отпуска. Ну, доктор, признайте, что это я, – и глазами обоими ему подмигиваю, мол, так надо, ты признай, потом сочтемся.

Доктор с неохотой кивнул.

– Он это, – говорит печально полковнику, – перепутал я в первый раз. Этот Зайцев действительно больше помятый, посмотрите на его физиономию. Да и не брит.

Хотел я на доктора обидеться за помятую физиономию, но сдержался. Не время, мне на губу попасть надо.

– Этого арестовать, – приказал солдатакам Градов и мне в грудь пальцем указательным тычет.

Я сразу облегчение в душе почувствовал: «Неужели судьбу обманул? Или нет никакой судьбы, и мы только чьи-то приказы по жизни выполняем и всегда можем взбунтоваться, изменить предначертанное?»

А двойник смотрит удивленно то на меня, то на Градова, вид у него обиженный, будто ребенка наказали, лишили прогулки в зоопарк. Но молчит, не кричит, что это он вчера дрался. Ну и хорошо. Он в бой, а я под арест. Вот только одна проблема возникает: ведь что я сделал? Отправил безумца на войну вместо себя! Хотя, может быть, именно безумцы и выигрывают войны. А я устал. Уволюсь на-пиг. Мирной жизни хочу.

Кто у меня в этом мире? Алена? Лена? Магадлена? Эх, скучаю я по моей доброй, ласковой Алене, которая из первого мира. Она у меня самая любимая. Но здесь я отправлюсь к Магадалене. Что ж, любовью и терпением сделаю из нее мою Алену.

А если здесь Элеонора? Я же опять в туман проваливался. Ну что ж, любовью и терпением сделаю из Элеоноры мою Алену.

Или Элеонора сделает из меня своего Константина...

философия искусства

ПАМЯТИ ДАВНО
МИНУВШИХ ЛЕТ

*У каждого из нас на свете есть места,
Что нам за далью лет всё ближе, всё дороже,
Там дышится легко, там мира чистота,
Нас делают на миг счастливей и моложе...*

А. Фадеев

Наверное, никого не оставляют равнодушными эти строки из популярной песни «Чистые пруды» в великолепном исполнении Игоря Талькова. Всякий раз, слушая эту песню, мыслями уношусь в далёкое детство. Память человека, словно извергающийся вулкан, может вдруг озарить давно забытые мгновения.

Иногда становится страшно, что всё может исчезнуть безвозвратно, и уже не впервые я решаю взяться за перо, откладывая всякий раз то по одной, то по другой причине на неопределённое «после».

Мне хочется написать о махалле, где я родился и вырос, о ее неасфальтированных пыльных улицах, по которым мы бегали босиком, обжигая ноги о раскаленную солнцем землю, о переполненных водой арыках по обочинам тротуаров, из которых можно было пить, не опасаясь ничем заразиться, о родных и близких людях, друзьях и о многом другом.

Так получилось, что с ранних лет я увлёкся фотографией, а затем и кино. Окончив школу и институт кинематографии, я стал кинооператором. По долгу службы мне пришлось объездить много стран, что, несомненно, оказало влияние на формирование моей личности. Проработав всю жизнь в кино, невольно становясь критиком и каждый раз, когда на экране появляется неправильная трактовка исторического прошлого, становится грустно и жалко молодых режиссёров, операторов, художников, которые рискнули обратиться в своём творчестве к исторической теме, не осознавая до конца всей сложности задачи.

Моё детство и юность прошли в трудные 50–60 годы прошлого столетия. Помню, на нашей улице жили узбеки, русские, татары, армяне, азербайджанцы, уйгуры,

**Гайратулла
ШУКУРОВ**

Родился в 1953 г. в Ташкенте, в 1980 г. окончил кинооператорский факультет Киевского театрального института, работал режиссером-оператором, пресс-атташе Республики Узбекистан во Франции, в настоящее время работает начальником управления информации и маркетинга Академии художеств Узбекистана.

евреи. Мои друзья тоже были разных национальностей. И наша дружба была самым дорогим для нас! Другие ценности: дом, одежда, имущество – серьёзно не воспринимались. Помню, что лишь у троих наших соседей были маленькие чёрно-белые телевизоры всего с двумя программами вещания и, когда шёл какой-то интересный фильм, мы все – взрослые и дети – заходили к ним смотреть кино, располагаясь прямо на полу, как в кинотеатре. Ни у кого даже в мыслях не возникало избавиться от непрошенных «зрителей». Иногда кто-то из нас засыпал прямо во время просмотра, и по окончании фильма родители уносили своих детей на руках.

Мне до сих пор помнятся тогдашние взаимоотношения между людьми. Каждый праздник был радостным событием для всех. Если кому-то из ребят родители покупали велосипед – им могли пользоваться все его друзья. Один мяч летом и один санни зимой – для всех. Люди были намного проще, щедрее, доброжелательнее.

Я помню, что в те годы централизованного водоснабжения ещё не было. На каждой улице было по одному водопроводу, которым пользовались все жители, если кто-то и забывал закрыть кран, любой прохожий тут же бережливо отключал его. И всё это происходило в те времена, когда о высыхании Арала ещё не было и речи. Реки и каналы радовали людей своим полноводием, в арыках звонко журчала вода. Всех приучали к бережливости и экономности. К сожалению, сейчас таких качеств не встретишь.

В народе издавна принято ценить и оберегать воду как главную живительную силу живого мира. В каждой семье это внушалось всем с самого детства. В каждом дворе рыли самопоглощающую яму глубиной от 3 до 5 метров в виде колодца для слива грязной воды. Дно ямы до полуметра выкладывали большими булыжниками, и вся вода уходила глубоко под землю. В яму сливали воду после стирки белья, мытья посуды, а также она вбирала всю дождевую воду, которая могла накопиться во дворе.

Почти в каждом дворе был тандыр, где пекли горячие ароматные лепёшки и самсу. Один угол двора специально отводился для приготовления пищи на кирпичных очагах. Топили дровами и углем. Под потолком развешивали связки сушёных помидоров, перца и других овощей, которые зимой служили специями. Такие добавки в супы придавали особый аромат, неповторимый вкус и цвет. О пользе таких биологически чистых приправ нет нужды говорить...

В то время ещё не во все махаллы Ташкента был подведен природный газ. Зимой от холода спасали чугунная «печка-буржуйка» или сандал – обычная хонтахта (стол на коротких ножках), накрытая сверху ватным тёплым одеялом. Внутри по центру была ямка, куда вставляли тазик с раскалённым углём, который обогревал внутреннюю часть сандала. Мы рассаживались вокруг, укрывались по пояс одеялом, так спасаясь от холода. К сожалению, это гениальное изобретение наших предков сегодня ушло в далёкое прошлое, как и многое другое.

Когда я рассказываю об этом своим внукам, они смотрят на меня с недоумением, не представляя что это. А между тем сейчас, как никогда важно сохранить и передать историю страны, ее бытовые реалии, тот дух, который способствовал формированию лучших душевных качеств в человеке. Немаловажную роль в этом играет кино. Всякий снятый фильм должен соответствовать исторической достоверности. Передать правду жизни – главная

задача того, кто взялся экранизировать тему из жизни прошлого. При создании таких фильмов необходимо учитывать ее реалии и нюансы, некоторые из которых умышленно описаны мною, только лишь в таком случае можно рассчитывать на успех и на то, что фильм действительно будет полезен в познавательном и идеологическом смысле.

Ярким примером может быть всеми любимый фильм «Об этом говорит вся махалля» режиссёра Шухрата Аббасова. Отражая очень простые житейские истории с помощью великолепно сыгранных актёрских ролей, он до сегодняшнего дня остаётся любимым фильмом как старшего поколения людей, так и молодого. Секрет его успеха состоит в том, что изобразительный ряд до мельчайших деталей играет на драматургию фильма. Конечно же, одним изображением трудно передать атмосферу времени, в данном фильме ее воссоздают тонкие психологические нюансы, особенности взаимоотношений, диалоги, а также реквизиты, воссоздающие особенности эпохи. Этот фильм может служить хорошим эталоном того, как нужно изображать на экране жизнь и быт простых людей, не упуская мельчайших деталей эпохи. Для достоверности снятых эпизодов многие предметы прошлого сейчас ищут у населения, на блошиных рынках, где можно приобрести за умеренную цену антикварные вещи, которые убеждают зрителей, помогают поверить в происходящее. Большая роль отведена художникам-постановщикам, которые могут дорисовать недостающие детали. Из мелочей в кадре складывается настоящая эпоха. Так снимали кино в прошлом.

Сейчас смотришь некоторые узбекистанские фильмы и замечаешь один за другим ляпсусы... Недавно по телевизору демонстрировали фильм, где герой в возрасте 25 лет вспоминает своё детство. Его воспоминания даны в чёрно-белом цвете. Мать оставляет своего 5-летнего сына в детском доме, действие происходит в здании с пластиковыми окнами «Акфа». Тогда, 20 лет назад, у нас таких окон не было. Второй пример. В фильме «Предатель» повествуется о трагических событиях, произошедших в 2005 году в Андижане. Сам фильм, безусловно, снят профессионально. Авторы попытались раскрыть драматические события в хронологической последовательности грамотным кинематографическим языком. И это им удалось. Но и здесь хочется обратить внимание на некоторые неточности. Все задействованные в съёмках автомобили с номерными знаками нового образца, которые введены в пользование лишь два года назад. Казалось бы мелочи, но, конечно же, на них необходимо обращать внимание особенно художникам-постановщикам и операторам, которые отвечают за изобразительный ряд. Эти оплошности явно умаляют достоинства фильма. Такие ошибки в изображении равносильны тому, что, например, снимая фильм о войне 1941–1945 гг., в руки солдат раздать автоматы Калашникова.

Ещё один пример. В фильме «Ватан» («Родина») – режиссёр З. Мусаков, оператор А. Исмоилов – главный герой в юности из родного кишлака уезжает на войну и по воле судьбы оказывается на чужбине, на родину возвращается спустя 60 лет. Зритель запоминает волнующие моменты проводов призывников, и его в том числе, на фронт. На экране хорошо видно старое здание сельсовета с кривыми ступеньками, деревянные колонны веранды, окрашенные в голубой цвет, рядом растёт дерево и прочие детали. Герой приезжает в родные края спустя много лет, и уже сейчас вспоминает своё прошлое

на фоне того же сельсовета. На экране зритель опять видит то же здание, те же колонны, которые не претерпели никаких изменений за столько лет, и, что ещё абсурднее, даже деревья вокруг здания так и не выросли за все эти годы. Такие ляпсусы на экране вызывают недоверие к происходящему, обиднее всего то, что такие ошибки можно встретить в произведениях больших мастеров-профессионалов. Нужно всегда помнить, что человек воспринимает окружающий мир прежде всего зрительно, глазами. Сколько наслаждения получает зритель от таких фильмов, как «Титаник» (реж. Джеймс Кэмерон), «Бег» (реж. А. Алов и В. Наумов), «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов), «Ташкент – город хлебный» (реж. Ш. Аббасов)! В этих фильмах авторы сумели мастерски передать дух, атмосферу, малейшие нюансы времени. Таких примеров множество.

К сожалению, сейчас, в эпоху бурного развития цифровой техники, в целях экономии фильмы стали снимать одним фотоаппаратом. Даже та необычная съёмочная атмосфера с командами режиссёра: «внимание», «камера», «мотор», «стоп» и т. д., – которая присутствовала во время съёмок, исчезла безвозвратно. Трудно представить, как можно снять хороший фильм без этой творческой съёмочной атмосферы...

Совершенно очевидно, что при создании фильмов и телепередач о событиях 40–50-летней и более давности, необходимо внимательно и досконально изучить особенности времени, своеобразие героев, их внешность, манеру общения, быт, поведенческий стереотип и многое другое. Только тогда зритель будет верить в то, что происходит на экране и в свою очередь все это будет служить достоверным архивным материалом для будущих поколений. Фильмы на историческую тему пользуются популярностью, всегда смотрятся с большим вниманием и интересом, а потому и подготовка к осуществлению таких проектов должна быть очень серьёзной.

Только профессиональные грамотные фильмы вызывают сладкие мгновения возвращения в детство, только при просмотре таких достоверных фильмов зритель получает неопишемое наслаждение, которое делает каждого из нас на миг счастливее и моложе.

литературоведение. литературная критика

«СОЛНЦЕ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Одна из характерных черт языка Навои состоит в чрезвычайной распространенности в нем определенных сочетаний, в которых сближаются понятия, не имеющие реальной связи или зависимости, но пересечение которых создает синтез смысла определяемого слова со зрительным образом, который несет определяющее слово. Окружающий поэта мир рождает у него целую цепь поэтических представлений, переданных с помощью астрокосмических терминов: небо кажется ему опрокинутой чашей, смятение чувств сравнивается с сумятицей базара. Светлый мир наполнен отражениями: блески солнца сверкают в каплях воды или вина, свет луны отражен в облике возлюбленной...

В поэзии Навои широко используются астрономические термины: Солнце, Луна, Звезды, Месяц. Сама возлюбленная не иначе как луноликая, брови, как месяц, улыбка, как солнце, глаза, как звезды.

*Украшение золотое над изгибами бровей
Иль звезда и полумесяц – светлый лик красоты твоей?
Это складки покрывала, что по ветру развивы,
Или крылья нежной пери, чтоб лететь ветров быстрее?
Это ветер легких перьев у тебя на голове
Или то кольцо Венеры, что луны и звезда светлей?
Это в зеркале явилось отражение лица
Иль в пруду сверкает солнце блеском огненных лучей?
Вкруг серебряного стана опоясанный платок
Или то дракон обвился, сжавший пояс твой тесней?
Не шипы ли это розы иль, быть может, острие,
Что пронзить тебя готово, о, несчастный соловей?
Навои, мне нет надежды на свидание с луной...*

Мы подробнее остановимся на использовании в gazeх поэта самого величественного явления природы – солнца для мотивировки художественного образа, проанализируем отношение поэта к использованию небесных светил в контексте его лирических произведений.

Образ идеального правителя осмысливается Навои как самое величественное явление природы – солнце, именно

**Дильбар
ДЖАББАРОВА**

Окончила Джизакский государственный пединститут.

Преподаватель кафедры русского языка и литературы ГулГУ.

Публиковалась в Международном журнале «Молодой ученый» (Казань), в журнале «Педагогические науки» (Москва), в «Гулистанском вестнике».

оно борется с самыми страшными пороками.

Лирика Навои демонстрирует его особое отношение к женщине. Красота, чистота и благочестие женщины украшают мир, как солнце. В словесной структуре языка Навои непременно присутствует точная мотивировка каждого образа, что подчеркивает одну из сильнейших сторон его поэтического таланта. Способы создания внутренней мотивировки того или иного образа в произведениях Навои разнообразны и оригинальны.

В арабском языке Солнце – женского рода, поэтому сравнение женщины с солнцем обосновано не только психологической оценкой, но и общностью грамматической категории рода.

Каждая поэтическая строка Навои – это целостное поэтическое единство, которое достигается виртуозным владением всеми потенциальными возможностями языка, умением наполнить живым смыслом те его элементы, которые самостоятельного значения не имеют. Это позволяет Навои создавать удивительные по своей насыщенности, поэтической логике строки:

*Бог волею своей дал тебе лик, что солнце.
Дал месяцы бровей – дар, все сердца гнетущий.*

Мастер изумительных афористических человеческих образов Навои не менее силен и в создании широко и последовательно развернутых образов природы. Вот как он дает картину необычно знойного лета:

*Конец джауза. Ветер раскален,
Все обжигает он со всех сторон;
И небо, словно печь, раскалено,
И солнце, как язык огня, красно.
Заря вздувает пламя, словно мех,
Ночь подсыпает уголь без помех;
Не метеоры падают в ночи,
То искры вылетают из печи...*

В рассказе о походе против хана Маллу большое место уделено Средней Азии и Хорасану, родине Навои. С теплотой и мастерски изображает поэт места, где проходила его жизнь.

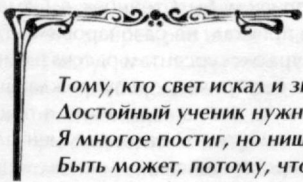
*Как солнце посреди планет своих,
Так Хорасан средь поясов земных.
А в Хорасане – величавый град,
Прекрасная душа – его Герат...*

«Язык птиц» (Лисон – уттайр) – сложная философская поэма, в которой посредством аллегорических образов и богатой символики Навои излагает свои взгляды на действительность, религию и многие другие важнейшие вопросы жизни. В центре его поэмы находится человек – тень бога. Но тень полная мудрости и сознания. Во всех его описаниях важнейшую роль играют астрокосмические термины и производные от них эпитеты:

Как сокровище, скрыт он , и суть его – тайна,
 Блещет в зеркале мира красы его тайна.
 И когда он явить себя миру решил,
 Он затмил своим блеском сиянье светил.
 И в лучах его солнцеподобного блеска
 Сто миллионов теней обозначились резко.
 И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
 Вездесущим своим обратился он взором.

Итак, слово «солнце» у Навои использовано в нескольких значениях: в значении образа идеального правителя, женщины, в прямом смысле – как природное светило, в значении родины Навои Хорасана, лика и красоты возлюбленной, в значении человека. Такие метафоры и его эпитеты придают поэтической речи Навои высокую стилистическую окраску, позволяют поэту выделить в явлении какую-то одну его сторону и придать ей осязаемый зримый облик, что способствует достижению поэтической достоверности стиха, выразительности и убедительности авторской мысли.

Непостижимые по глубине, мудрости и красоте произведения Алишера Навои звучат современно, благозвучно и являются непревзойденными образцами восточной поэзии, на которые равняется не одно поколение поэтов!

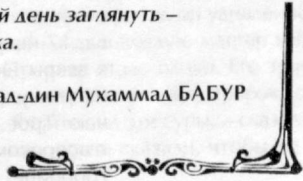

Тому, кто свет искал и знания постиг,
 Достойный ученик нужнее всяких книг.
 Я многое постиг, но ниш учениками,
 Быть может, потому, что сам я ученик.

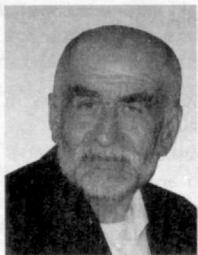
Сто тысяч врагов повергнуть во прах нетрудно,
 Прожить без любви, будь ты и герой любой, нелегко.

Не дано человеку в свой завтрашний день заглянуть –
 Если жив ты сегодня, будь весел пока.

Захир ад-дин Мухаммад БАБУР

проза

**Мирякуб
КОБИЛОВ**

Родился в 1947 г. в Самаркандской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз), работал в школе, был переводчиком с персидского языка, работал в журнале «Санъат». Публиковался в республиканских СМИ. Живет в Ташкенте.

ОЧЕРЕДНАЯ МИСТИЧЕСКАЯ ТАЙНА

Очерк

«За любовь красавицы турчанки из Шираза. За одну ее родинку на щеке я отдал бы и Самарканд, и Бухару», – писал великий Хафиз Шерази. Интересно, какой же Самарканд он хотел подарить своей возлюбленной? Почти все шедевры зодчества Самарканда были созданы при Темуриде и в период правления династии Темуридов. А что было здесь, особенно после набегов диких орд Чингизхана? Знаменитый американский писатель, лауреат Нобелевской премии Джон Стейнбек, путешествуя по Америке, захотел увидеть места своей мечты и расстроился, что не увидел то, о чем мечтал. Тяжело, когда созданный тобой миф рушится у тебя на глазах. Не знаю, приехал бы Стейнбек в Самарканд? Уверен, если бы приехал, не разочаровался бы. В мавзолее Амира Темура экскурсантам рассказывают таинственную историю о стариках, предупреждавших ученых не беспокоить духа войны – оставить в покое прах Темура. Впрочем, многие видели документальный фильм, демонстрировавшийся по многим каналам Российского телевидения. В нем рассказывается, как по приказу правительства было вскрыто захоронение великого полководца, и что последовало за этим, какие загадочные события произошли. По рассказу очевидца этих таинственных событий Малика Каюмова, 17 июня 1941 года члены экспедиции приступили к вскрытию гробницы Темура. «Я вышел из мавзолея на улицу и направился в ближайшую чайхану выпить чаю. Трое сидевших там стариков обратились ко мне с вопросом, имею ли я отношение к происходящему в гробнице? Один из них протянул мне книгу и указал на строки, в которых было написано, что вскрывать могилу Темура нельзя – выйдет дух войны. Я в школе учил арабский, поэтому смог прочитать эти строки...» Дальнейшее всем известно. 22 июня началась страшная война.

Но самое интересное и загадочное в этой таинственной истории... продолжение с последствиями более грандиозного, мирового масштаба. Я лично был свидетелем мистики высшей пробы.

В начале 1991 года в газете «Туркистон» было напечатано предложение известного узбекского журналиста Саттора Хаками «организовать экспедицию по следам Амира Темура». Оно было горячо одобрено общественностью. Редактор газеты активно старался воплотить эту идею в жизнь. Нашлось много спонсоров. День отъезда назначили на 1 августа. Экспедиция была рассчитана на 20 дней. За день до этого мы – я, мой одиннадцатилетний сын Синдбад и журналист Рустам Боймухаммад – сидели в редакции газеты. Зашли две женщины-узбечки. Одна из них – красивая интеллигентная, одетая по-европейски, в кофту и юбку, другая по виду из провинции.

– Я только что прилетела из Москвы. Я экстрасенс и контактер, – сказала первая. – Вот мои документы. Это моя пациентка, вот ее история болезни и прогноз врачей о том, что она обречена умереть. Я ее вылечила. Таких историй у меня множество. Я узнала, что вы собираетесь ехать в экспедицию по следам Амира Темура. Я должна поговорить с вашим руководством. Необходимо отложить срок отъезда хотя бы на неделю. В противном случае вы разрушите великую страну!

Мы обещали передать ее слова нашему начальству.

– Хотите, я проведу с вами показательный сеанс? – спросила она, усадив меня на стул, и стала делать за моей спиной движения руками.

– Что вы делаете? Вы мне мешаете. С вами невозможно работать, – сказала она расстроено.

Я уверен, она не слышала, что я бормочу про себя.

– Что за бред она несла?... – произнес Рустам Боймухаммад после их ухода. И вдруг его, психически совершенно нормального человека, охватила дрожь и необъяснимый страх. – Со мной что-то происходит странное, – сказал он, побледнев.

– Не паникуйте! Наверное, она навела на вас порчу, чтобы показать свой феномен, – успокаивал его я.

– Почему она не смогла подействовать на вас?

– Для каждого яда есть противоядие – я читал молитву, – ответил я.

– Пожалуйста, прочитайте и за меня! – попросил он.

Я прочитал молитву «защиты». После чего он вскоре успокоился.

– Мне стало лучше. Что за молитву вы читали? – спросил он удивленно.

– Как сказано в преданиях, однажды еврей – маг и колдун, мастер каббалы – навел порчу на пророка Мухаммада. Пророку стало плохо. Его трясло. Бог немедленно послал своего Ангела Джабраила научить своего пророка суре «ан-нос» и «фалак» – защите от колдовства. Я прочитал эти суры, – сказал я.

Конечно, мы о визите загадочных леди никому не сказали, чтобы не выставлять себя на посмешище.

Экспедиция началась в точно установленный день – 1 августа. Ход её широко освещался в молодежной прессе.

Мы миновали город Самарканд, не заехав в столицу Темура. Было решено посетить его по завершении экспедиции. Сначала мы решили посетить кишлак Илгор, расположенный вблизи Шахрисабза, где, предположительно, родился великий полководец. Нас встретили очень радушно: резали баранов,

как это делается на Востоке, когда встречают желанных гостей, накрывали дастарханы. Мы подарили плакат – портрет Амира Темура, выполненный известным художником Рузи Чарыевым на основе миниатюры, якобы сделанной с натуры при жизни Сахибкирана. В городе Шахрисабзе меня удивило множество туристов, съехавшихся с разных концов света. Они толпами ходили по магазинам и скупали все, что лежит на прилавках. А наши глупые продавцы были рады, что у них идет бойкая торговля. Только через некоторое время они поняли, что все прилавки опустошены надолго, в ближайшее время товаров не будет, а вырученные от продажи деньги – всего лишь пустые бумажки, как опавшие осенние листья. То же происходило и в Ташкенте. Хорошо помню, как зачастили гости отовсюду и скупали буквально все, что попадалось им на глаза.

На мощных автомашинах-вездеходах отправились мы в очень далекий, затерявшийся в горах кишлак Ташкуртан. Бросались в глаза отсутствие людей, заброшенные дома, сады. Почти все население кишлака было переселено на равнину для освоения новых совхозных земель. Остановились в родительском доме Хакима Саттори. На следующий день предстояла задача посетить пещеру Амира Темура. По пути к ней на берегу речки мы увидели одиночную юрту. Местный проводник сказал, что там живет отшельник – писатель Евгений Березиков. Я раньше раза два разговаривал с ним. Очень интересный собеседник. С сыном Синдбадом мы пошли к нему пообщаться. У Евгения Березикова феноменальная память, он сразу узнал меня. Согласился на интервью. Ему 58 лет. По его словам, он перестал есть мясо. Питается в основном яблоками и хлебом грубого помола. Пишет книгу.

Потом мы посетили очень живописное ущелье Кальаи шерон (Крепость львов), где по преданию Амир Темура скрывался со своей дружиной от неприятеля. Здесь его воины усиленно учились лазить по голым отвесным скалам, перебираться с одного обрыва на другой по канату и т. д. В этом ущелье находится одно из самых чудесных творений природы, именуемое в народе Пещера Амира Темура. Высота входа в пещеру 5-6 метров, ширина 4-5 метров, а длина... Мы прошли до 850 метров, до самого большого зала с озером. Раньше сюда приезжало много туристов-спелеологов со всех концов света.

Исколесив Кашкадаринскую область, мы приехали в Бухару.

Я считаю, что историю можно переписать заново, но ее никак не переделаешь, и думаю, надо учитывать уроки прошлого.

18 августа 1991 года, приближаясь к мавзолею Великого Темура, чтобы отдать ему дань уважения, мы услышали по радио, что в Москве произошел путч. Власть захватила горстка сумасбродов, членов ГКЧП, вскоре полностью была разрушена великая империя.

20 августа 1991 года мы вернулись в Ташкент, а 21 августа в Москве начались события, последствия которых известны всем.

Прошло немало лет, но я до сих пор не могу забыть невероятную историю, свидетелем которой был. Совпадение ли это?

НОВЫЕ ИМЕНА

ШЕСТОЕ ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

Рассказ

Сквозь утреннюю дремоту слышались чьи-то быстрые шаги. Сон незаметно покидал, но открывать глаза не хотелось. Это отец уже который раз проходит мимо моей кровати, громко сопит, выходит из комнаты, заходит, что-то бормочет, снова выходит... Сначала подумал прикинуться спящим и полежать еще с полчаса. Но решил, что этот нервический марш не закончится, пока не открою глаза. И я их открыл.

– А, ты не спишь уже? Дай ключи, мне идти надо.

– Куда?

– Как куда?! На работу.

Смотрю на отца еще немного, потом поворачиваюсь на спину и перевозжу взгляд на окно. За ним все будто покрыто пеплом. Вязкая серая жижа течет по небу, черные, будто обгоревшие, ветки обвязаны запачканными бинтами, на земле лежит окаменевшая лунная пыль. Во сне (а я вижу цветные сны) красок было больше.

Прямо напротив стройный тополь, он не сдается, тянет руки вверх, толкается с соседями. Холодно ему там стоять. Я его жалею, а он наверняка надо мной насмехается, когда наблюдает вот это наше с отцом театральное действие.

– Артем!

Артем – это я. Остаюсь неподвижным, только перевозжу глаза.

– Чего?

– Ну дай ключи, говорю! Мне надо идти.

– Куда?

– На работу, куда! Я же говорю...

– На какую работу?

– Мы там с Саньком яму копаем. Уже половину выкопали, надо доделать. Дай ключи.

– Какую яму?!

– Долго объяснять. Ты дашь ключи или нет?

– Нет.

**Владимир
ПАНКРАТОВ**

Родился в Ташкенте в 1990 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУЗ). Работал книжным обозревателем, журналистом в различных ташкентских журналах. Живет в Москве, занимается библиотечным делом. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Его старый лоб нахмурился, заморщичился, глаза, и без того большие, выпучились, уткнув в меня темно-голубые зрачки на сером белке.

– Ладно...

Отец ухмыляется и уходит.

Нужные ему ключи лежат под моей подушкой, как молочные зубки маленькой девочки. Не лучшая идея – прятать ключи от квартиры. Да кто спрашивает четырнадцатилетнего пацана.

Домашний арест нашего папочки продолжается уже давно. Схема такая: мать, уходя на работу, запирает нас снаружи, второй ключ остается у меня. Это смешно уже потому, что у отца тоже есть ключи, а когда мать их у него отбирает, откуда-то появляются новые. Думаю, он просто сделал несколько копий бабушкиных. Она уже сто лет как померла. Пряча ключи по всей квартире, отец никогда не оставляет их в собственных вешах, где роется мать. Однажды очередной ключик случайно нашелся в шкафу с щетками для обуви.

Нам, слава Богу, редко удается поиграть в надзирателей. Приходя со школы, я, конечно, уже не обнаруживаю отца дома. Но в выходные или на каникулах, как сегодня, я остаюсь в качестве настоящего дозорного. Хотя, если отцу надо уйти, он делает это рано утром, пока дозорный спит. Если же дозорный не спит, он делает вид, что спит, через закрытые веки чувствует, как отец крадущейся поступью заходит в комнату, смотрит на него, снует туда-сюда по квартире, словно набираясь уверенности перед побегом. Я не просыпаюсь. Зачем? Как я могу его остановить?

Надо бы спросить это у матери, которая назначила меня дозорным. Но об этом я с ней не разговаривал. Как и о том, что все это бессмысленно, что пытаемся посадить в клетку солнечного зайчика.

Медленно, нехотя поднимаюсь с кровати. Прохожу на кухню, наливаю себе чаю. Отец на балконе курит в окно.

Если он не ушел утром, значит мать умудрилась-таки найти и забрать его ключи. Тем хуже для меня. Не просто держать человека в клетке, сидя с ним там же.

Холодок прошелся по спине. Оборачиваюсь: дверь на балконе медленно открывается, ветерок играет с прозрачным тюлем на окнах, тот лениво толстеет, как воздушный шар, потом быстро сдувается, потом снова вздымается над полом, пропуская поток холодного воздуха.

– Закрой окно, дуэт.

Отец затягивается последний раз, бросает бычок в ржавую банку из-под кофе и направляется ко мне.

– Открой дверь, мне надо идти.

Он так просто не отстанет.

– Что за яму вы там копаете?

– Обыкновенную яму. В гараже.

– В автосервисе?

– Нет... У частников. Открой дверь. Хорош мне свои дурацкие вопросы задавать.

Не отвечая, встаю и иду обратно в комнату. Лучше там отсидеться.

Заточению отца предшествовала длительная слежка.

Однажды на домашний телефон позвонил его знакомый по работе (это когда он еще работал) и спросил, где отец. «На работе», – сказал я растерянно, не поинтересовавшись, с кем говорю. «Нет его здесь. Это Паша, с его работы. Он

там что, спит до сих пор?» Я немного помолчал. «Скажи ему, чтобы после обеда пришел. Заедет клиент, которому он машину чинил на прошлой неделе. Давай».

Я тогда не сказал матери, что отец, оказывается, иногда не ходит на работу. А через несколько дней, в воскресенье (автосервис работал без выходных), неведомый Паша вновь позвонил, попав теперь уже на мать, вновь спросил, где отец, вновь не поверил, что он не дома, вновь посоветовал привести его в чувство и послать в гараж. Мать, обычно по любому поводу вспыхивающая как солома, выслушала все это, не моргнув глазом. Она отправилась в гараж и там со спокойным выражением лица узнала, что с работы отец всегда уходит «с какими-то непонятными типами», а в последнее время иногда и не приходит вовсе. Когда отец, наконец, явился домой, она взорвалась.

Он пришел поздно, за полночь, сильно поддатый. Впрочем, это было уже не в первый раз.

Тогда я впервые по поручению матери почувствовал себя следяком. Каждый день после школы я ходил к отцу на работу, это было не очень далеко, минут 20 пешком, чтобы проверить, там ли он вообще. Глупее ничего нельзя было придумать. Я звал отца на обед, но он всегда отказывался. Мы оба понимали, зачем я шастаю в его автосервис, который был совсем мне не по пути.

Но скоро мои рейды прекратились.

Как-то, придя в отцовский бокс, я его там не обнаружил. «Только что пошел домой на обед», – сказал тот самый Паша. Это был низенький, пузатый человек с рыжей щетиной на красных щеках, с короткими, торчащими в разные стороны руками. Худой, скрюченный отец по сравнению с ним выглядел престарелым мальчиком.

Я поспешил, думая догнать отца, но вдруг понял, что догонять некого.

Дома его тоже не было. После этого Паша перестал нам звонить. Видимо, понял, что бесполезно.

Я не уведомил мать, что добровольно сложил с себя полномочия сыщика, и стал, получается, невольным сообщником отца.

В комнату заходит отец.

– Артем. Ну, хватит комедию ломать. Дай ключи, я пойду. Неудобно перед людьми. Санек меня ждет. Мы договорились, что сегодня докопаем.

Пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица.

– Нет.

Отец сокрушенно качает головой, будто лишается многомиллионного состояния, топчется на месте, как бы думая, что предпринять, наконец нерешительно подходит к окну и начинает говорить, глядя в стекло.

– Там чуть-чуть осталось. В глубину докопать и подравнять, чтоб цивильно было. Это не двойной гараж, как у Кривого. Яма одна. Я мог один раскопать, но долго бы мудохался. Поэтому Санька позвал. Мы вчера договорились, что в 9 встретимся. Он уже давно ждет. Некрасиво же.

Не смотрю на отца и ничего не говорю. Я и не знаю, что говорить.

– Не крути мозги, дай ключи. Еле работу нашел, а ты меня не выпускаешь. Сейчас работы нет нигде, а Юрка предложил у него в гараже яму раскопать. Отказываться что ли? Нормальная работа, за полтора дня можно легко сделать.

Он запинается на последнем слове и делает паузу. После которой говорит немного быстрее и громче:

– Выпусти, я хотя бы Саньку ключ от гаража отдам. Мы вчера не dokonчили,

я ключ с собой унес. А теперь он там стоит. Ни домой пойти не может, ни в гараж зайти. Открой дверь, что ты за человек!

Мое единственное оружие – молчание. Вот только пользоваться им я не очень умею. Я, знаете ли, человек вспыльчивый, из-за пустяков начинаю нервничать.

– Мне и лопату надо у Юрки забрать. Мы же своими лопатами копали. И там оставили, думали, сегодня докопаем. Юрка после обеда придет, мы лопаты заберем и ключи отдадим. Ты меня слышишь, нет?

Зачем мать забрала у него ключи... Это ведь ничего не решает. Сколько же это выслушивать.

– Мы быстро все сделаем, и я сразу приду, можешь не волноваться. Надо же работу до конца довести. Юрка еще не заплатил нам просто. Сказал, заплатит, когда сделаем. Сегодня должен заплатить. Открой дверь, у меня нет времени с тобой языком чесать. Выкабениваешься тут.

Стараясь его не слушать, смотрю на кусок обоев, который уже давно отклеился и обнажил серую стену. Будто вся комната смеется и показывает мне язык.

Отец устает говорить, отходит от окна, шагает по комнате из угла в угол. В какой-то момент останавливается, смотрит пристально на меня.

– Артем! Я ж не буду у тебя ключи искать. Открой дверь. Я быстро вернусь, серьезно говорю. Мне некогда с тобой тут разговаривать.

Он некоторое время стоит неподвижно, затем, так и не дождавшись какой-либо реакции, опускает руки и уходит.

У меня пробегает мысль, что я сижу в своей комнате, как в осажденной крепости.

Отец всегда говорил, что «идет на работу», даже когда его выгнали с последней.

Начала его сократили на авиазаводе, за полгода до того, как сам завод стал большим складом металла. Они с матерью начали работать там сразу после института и, не успев проработать и трех лет, вместе получили пинка: самолеты в государстве стали незаметным фоном более важных проблем. Не то, что была разрушена их мечта, но они как-то совсем растерялись и не понимали, чем теперь заниматься. Ответа на этот вопрос они не нашли до сих пор.

Потом его выгнали из автосервиса. Правда, долго терпели. Терпели, когда отец повадился с самого утра приходить на работу пьяненьким, терпели, когда он залил весь гараж собственной кровью, придя в бокс поздно вечером и успев уже где-то «подкрепиться», упал в смотровую яму. Охранник, наверное, обмочился со страху, когда к нему в коморку заглянула окровавленная, будто разбитая надвое голова и попросила «кому-нибудь позвонить». Нам только часа через полтора сообщили об этом из больницы. В результате у отца остался шрам на пол-лица.

Месяц он не работал, сидел дома с забинтованным лицом. Паша, как и мать, надеялся, что отец одумается, и терпел.

Но они ошибались.

Постепенно отец нашел новую «работу» и стал появляться в боксе все реже. С новыми друзьями, которые тоже отправились в свободное плавание по бескрайним просторам случайных заработков: они клеили обои в чьих-то квартирах, чинили смесители в школах, меняли полы в домах культуры, помогали заделывать крыши в детских садах. Шайка выброшенных на улицу мужчин на первых порах даже умудрялась неплохо зарабатывать.

Откуда брались эти деньги, мы узнали, конечно, только после звонка Паши. Он сказал в трубку, чтобы я пришел забрать отцовские вещи.

– Это его штаны сменные. Это майки. Это ключ, он приносил из дома. Нарды тоже его.

Он всучивал все это мне в руки. Я стоял как истукан, ничего не понимая.

– Уже месяц как его нет, ходит где-то. Раньше хоть заявлялся к обеду, а сейчас совсем пропал. Скажи ему, чтобы больше не приходил. Календарь, я думаю, ему не понадобится. Чашка его. И вот, деньги. Заначка у него тут была. Да он, видимо, сам про нее забыл, – он передал мне пачку мелких денег. – Смотри, ему не давай! Матери передай.

Он внимательно посмотрел на меня, я отвел глаза.

– Ты его видишь хоть?

– Вижу.

– Домой приходит?

– Приходит.

– Ну и, слава Богу. Ладно, давай.

С этим скарбом я поплелся домой, не зная, как все это объяснить матери. Она, впрочем, сделала вид, что не удивлена и пообещала «устроить ему сегодня», каждый вечер, когда он приходил домой, еле стоя на ногах, она не уставала «устраивать» ему.

Минут через десять вновь появился отец.

– Ну что, ты еще долго будешь придуряться? Выпусти меня, я схожу и быстро приду.

– Ты же не придешь.

Зря я заговорил.

– Не выдумывай, я приду сейчас. Открой дверь.

– Не открою.

Смотрю в окно. Отец начинает сопеть.

– Артем, я приду сейчас, обещаю. Нам немного доделать осталось. Человек ждет, мы уже полчаса назад должны были встретиться...

– Да пусть он там хоть весь день ждет.

Говорю уже что-то не то. Но слушать его бредни просто невозможно.

– Как весь день? Иди сам постой весь день на морозе, я на тебя посмотрю. Ты думаешь легко на холоде работать? Замерзшую землю копать...

– А кто вас просит ее копать?

– Кто просит? А ты, когда чай с хлебом и маслом ешь, не думаешь, откуда они берутся? Ты бы тут сидел и палец сосал, если б я эти ямы не копал.

– Неправда. Домой ты ничего не приносишь.

Отец тяжело вздыхает, будто только что мешки таскал.

Раз уж я заговорил, пробую его заговорить.

– Пересиди сегодня дома. Один день. Ничего с твоей ямой не случится. Потом докопаете.

– Как потом?! Юрка придет сегодня к обеду, он должен заплатить!

– Потом заплатит, когда докопаете. Ничего страшного, один день погоду не делает.

– Ну ты даешь. Открой дверь!

– Нет.

– Да что такое! Ты зачем мне на нервы действуешь? Издеваешься что ли? Ты мне что ли работу будешь искать?

– Отвали! – выкрикнул я, не выдержав.

Отец замолчал, уставился на меня. Я, не моргая, смотрю на него.

– А, ты вон как, да?.. Ну ладно, ладно...

Он медленно поворачивается и вразвалочку уходит.

Я не боюсь его. Он смелый только когда примет. Да и то, быстро засыпает. Но вот так разговаривать тоже неудобно. Это все-таки мой отец.

Почему он не может уйти через окно, чего он пристал ко мне. Я сделаю вид, что не заметил. Он уже как-то исполнял такое на радость соседям.

Отец вылез из нашего окна на втором этаже и встретился со мной на первом, где я гостил у одноклассника. Не знаю зачем, я побежал домой, то есть наверх. Прошел коридор, гостиную, мимо матери, сидящей на диване и ничего не подозревающей, вышел на балкон, посмотрел из окна вниз и увидел отца, лежащего на земле. Видимо, упал только что с соседской решетки. Он медленно встал, посмотрел на меня и, хромя, пошел в неизвестном направлении. Люди во дворе остолбенело смотрели на отца, пока он не исчез из виду.

Мать приказала беглеца догнать, я вышел из дома, но побрел в другую сторону. Сначала он на глазах у десятков зрителей сбежал из дома через окно, а теперь я под их пристальным вниманием потащу хромого обратно. Смех, да и только.

Это было года полтора назад, с тех пор он такого больше не повторял. Больно упал, наверное. А может, просто на трезвую голову его не тянуло на подвиги. Ведь по решетке он лез, будучи под градусом.

Слышу голос комментатора. Отец телевизор включил. Вряд ли он сдался, просто решил сделать паузу. Мне сейчас лучше подумать, что делать дальше. В том смысле, что я так долго не продержусь. Отцу-то все равно, он может изводить сколько влезет. А я спокойно слушать его речи не могу.

Сидеть вот так в комнате целый день? Может вообще уйти из дома. Нет, он не даст мне уйти одному. Придется пробыть с ним до вечера, до прихода матери.

Может, все-таки выпустить его? Ко всем чертям! Зачем мне с ним собачиться. Кому вообще было угодно там, на небе, чтобы я не выпускал собственного отца из дома?

Но тогда получается, что я зря так героически держал оборону. И мать зря каждый раз ждет до ночи и выслушивает его несвязные речи.

Прохожу мимо него, на кухню, начинаю снова что-то есть. Не спускаю с него глаз. Он будто не обращает на меня внимания, смотрит телевизор, переключает каналы.

Но что-то в его движениях не так.

Какая-то чуть заметная вязкость. Чуть медленнее, чем следовало бы, он нажимает на кнопку. Чуть сильнее, чем обычно, он давит на нее. Чуть дольше, чем надо, он держит палец на пульте. Чуть рассеянное, чем несколько минут назад, он смотрит вперед. Самую чуточку.

Подхожу ближе, сажусь на диван. Смотрю на него. Он поворачивается ко мне. Его глаза, до этого, как матовое стекло, сейчас будто смочили маслом.

На них теперь тончайшая глянцевая пленка, которая замутняет взгляд и делает его самую малость потерянным.

Отец пьян.

Совсем немного. Выпил одну стопку, не больше. Но я это почую, даже если на параде его встречу.

Черт, как это возможно? Я только что с ним разговаривал. Он никуда не выходил.

Заначка. Где-то дома.

– Ну, ты решился? – это он меня спрашивает.

– Ты что, выпил?

Отец вздыхает, видя, что я еще не наговорился.

– Да. И что?

– Зачем?

Откуда я беру такие глупые вопросы. Отец поднимает глаза и улыбается.

– Знаешь... Сложно ответить. Ты не поймешь.

Сижу с открытым ртом, вперив в него непонимающий взгляд. Облысевшая голова, как перезревшее яблоко, покрыта бурыми пятнами, сморщенная кожа на лбу кажется прозрачной, вот-вот порвется, кости черепа выпирают пугающе острыми углами, гладкий, бледный шрам начинает свой путь на середине лба и растягивается по всему носу, мешки под глазами, когда-то полные гадкими отложениями, сдулись, как раздавленный клещ, на скулах россыпь из черных точек, морщины изрезали лицо вокруг глаз и рта, как самосвал мягкую глину, застывшую потом на солнце. Полные губы, не потерявшие формы, теперь кажутся инородными на безжизненном поле, как два слизня, спасающиеся бегством от огня. Этому человеку тридцать два.

Отправляюсь на кухню, открываю шкафчик с посудой, отодвигаю тарелки, заглядываю за мусорное ведро, на антресоли. Может, в гостиной, в книжном шкафу, внизу.

Господи, неужели я смогу найти его клад?! Отец ходит за мной по пятам и медленно читает мантру.

– Артем, ну в самом деле. Я сейчас вернусь. У меня еще тут дела есть. Мама попросила швейную машинку посмотреть. У нее там как всегда что-то не работает. Поэтому я быстро приду.

Получается, что я проиграл. Какой теперь смысл держать его взаперти.

Нет, в таком состоянии его нельзя выпускать.

Но что мне делать?

– Мы бы уже давно все сделали. Раньше начнем, раньше закончим. И лопата там наша все равно. Забрать надо. И Санькина лопата тоже там. Он сам не заберет, ключи же у меня.

Так и не придумав, что предпринять, я снова ухожу в комнату и на этот раз машинально закрываю дверь на щеколду.

Вечером того дня, когда я принес последние отцовские вещи из гаража, матери не удалось с ним поговорить. Наутро, протрезвев, он рассказал, чем занимается. Говорил, что на ремонтах зарабатывает больше. Единственным его доводом было то, что он действительно приносил домой деньги, почти такие же, как из автосервиса. Но это при том, что половина заработанного все чаще оставалась в пивнушках.

На следующий день я не пошел в школу, потому что должен был проследить, куда пойдет отец. Так решила мать.

Помню тот день во всех деталях. Иду за отцом, почти не прячась. Он не оборачивается. Минут через десять он встречается с каким-то человеком, они идут вместе, разговаривают, смеются. Мы уже прошли два квартала, наконец, отец со своим спутником останавливаются у какой-то школы. Здесь их ждут еще двое, здороваются, входят внутрь. Я подхожу к воротам школьного двора. Отсюда видно, как отец с друзьями заходят в спортивный зал, полностью остекленное помещение, стоящее отдельно от школы. Четыре фигуры, среди которых я легко узнаю отца по глупой кепке с козырьком, встречаются с пятой – наверное, директрисой. Она что-то показывает на стенах, разводит руками.

Не хотелось бы здесь встретиться с кем-то из одноклассников... Оглядываясь: район незнакомый. Наблюдаю из-за деревьев.

Скоро устаю, начинает болеть голова. Делаю несколько шагов вправо, влево и обратно, смотрю в сторону спортзала. Фигурки двигаются, будто в замедленной съемке, время тоже движется медленнее некуда.

Через какое-то время захотелось есть, но я боялся отойти от ворот далеко и надолго. Боялся, что именно в этот момент они уйдут. Может, они вообще давно заметили меня и теперь готовы улизнуть. Смотрю: снова появляется пятая фигура, но уже другая. Принесли обед. Я долго колеблюсь, но когда все четверо усаживаются за едой, устремляюсь к ближайшему магазину.

Я прождал отца до вечера. На обратном пути все повторилось, как в обратной перемотке. Двое сразу пошли в другую сторону. Третий попросился с отцом там же, где они встретились утром. Отец, не спеша, вопреки всем моим страхам, никуда не сворачивая и больше никого не встретив, пришел домой. А я за ним, секунд через десять.

Уставший и голодный, я вернулся домой победителем, да еще и привел под конвоем пленного.

Но уже на следующий день пленный дома не ночевал, а явился лишь через два дня с многочисленными ссадинами и отеком под глазом, неделю лечился, затем на столько же пропал. Вернулся с большой пачкой денег, мокрых и рваных. Вновь дня три просидел дома. Потом к нам домой пришли друзья, которые его потеряли. Одного из них я узнал, он был тогда в школе. Увели его на какую-то стройку. Около двух недель он ходил туда, затем ушел в запой. Потом к нам домой пришли совершенно другие люди, и он ушел с ними «чинить трубы». Потом принес домой большой ящик с тонкой фанерой и стал из нее делать доски для игры в нарды. Сделав доску, уносил ее куда-то, приходил с пустыми руками и карманами, но навеселе. Мать в исступлении выбросила фанеру, но он через неделю принес другую. Потом она сама решила загрузить его работой. Все, что угодно, только не уходить из дома: переделывать антресоли на балконе, перебрать старую обувь и выкинуть ненужную, починить телевизор, прошкурить и заново пролакировать старые стулья. Он все это делал, но постоянно норовил куда-то выйти на пять минут, с кем-то поговорить, где-то забрать забытое, кому-то отдать одолженное. Потом в дверь позвонили какие-то мальчишки в школьной форме и сказали, что наш папа лежит на дороге. Он мирно спал не на дороге, а на тротуаре у дороги.

Когда мать объявила, что собирается закодировать отца, он снова пропал

на неделю, но на сей раз обошлось без травм. До кодировки дело все-таки дошло, но отца хватило только на полгода. Затем снова появилась фанера, продырявленные кастрюли, порванная обувь, неиграющие магнитофоны. Отец чинил все и снова куда-то уносил. Мне он говорил, что делает это для друзей. Бесплатно. После чего обязательно приходил подшофе. Каждое утро сервис в старой стенке трясся, когда мать пыталась выяснить у отца, где он вчера был, что это за куча барахла у нас дома, что вообще с ним происходит. Я лежал в комнате и делал вид, что сплю. Она до изнеможения кричала, но ответов никогда не слышала.

Понадобился год, чтобы отцовский поезд растерял все свои вагоны, окончательно сошел с рельсов и порос мхом в глухом лесу.

Всего год или целый год.

– Артем, ты что, закрылся что ли? И долго ты там будешь сидеть? – отец дергает дверь за ручку и наигранно посмеивается.

Если начнем разговаривать через закрытую дверь, посмеяться действительно будет над чем. Я как будто от маньяка прячусь. Открываю дверь и жду от отца следующих действий.

– Я одного не пойму: что я вам сделал? Я же вас не трогаю.

Это мы уже проходили. Похоже, он уже пропустил вторую.

– Или ты просто удовольствие получаешь, когда тебя умоляют?

– Что ты несешь...

– А ты понимаешь, что подставляешь меня? Я человеку пообещал, что сделаю. Он сейчас придет, а нас нет.

Опять по кругу.

– Я там корячился, корячился, а ты теперь дурку включаешь.

– Сделай что-нибудь по дому. Почини маме швейную машинку.

– Машинку можно и потом сделать, а заказ надо сейчас сдать.

– Так говоришь, будто у тебя там целый объект.

– А ты попробуй яму выкопать человеку по плечи глубиной, я на тебя посмотрю. Идем со мной, попробуешь как раз.

– Отстань.

– Не хочешь. Ну я не сомневался. В земле копать никто не хочет.

Это все равно что беседовать со стеной.

– Слушай, я не дам тебе ключи. Делай, что хочешь.

В его глазах глубокое разочарование.

– Такая лажа. Собственный сын не выпускает из дома.

– Лажа – это когда ты около подъезда дрыхнешь.

– А ты смотришь и не можешь поднять.

– Я поднимаю. У всех на глазах.

– Тебе стыдно. Ну, открой дверь, и я больше не приду.

– Ты это уже много раз говорил.

– Да потому что вы у меня уже вот здесь сидите, – отец вдруг прикрикнул и схватил себя за горло.

Я такого не ожидал.

– Ты все равно не поймешь. Я это как-нибудь потом объясню. Когда повзрослеешь. Тебе мать что-то наговорила, а ты уши развесил. Я все понимаю, маму надо слушать. Только вы уже слишком загнули. Открой дверь!

– Нет.

– Твою мать!

Закрывает глаза, делает глубокий вдох. Долго смотрит на меня. Всё. Уходит.

Тут я вспоминаю то, что должно было сразу всплыть в памяти. Вчерашний день, когда отец пришел домой поздно вечером в бессознательном состоянии, в одувшей от холода спортивной кофте, с головы до ног в замерзшей земле. Мы удивились, где он зимой в земле извальялся. Яму, оказывается, раскапывали.

Что-то подобное уже было однажды. Вымазанный с головы до ног в мокрой земле отец лежал на диване в гостиной. От дивана до входной двери вели нестройные грязные следы. Дверь тоже была облеплена грязью и открыта настежь.

Придя со школы, я встал перед ней как ошарашенный. Оглянулся (не знаю, что я надеялся увидеть вокруг), подошел к двери и услышал отцовский храп. Переступил через порог, увидел комья грязи, отставшие от чьих-то башмаков. Последовал по следам и добрал до лежащего на спине отца, с закинутыми вверх руками и открытым ртом.

Так я простоял с минуту, ловя его вдохи и выдохи.

Через мгновение из кухни вышли два человека. Тоже мокрые и грязные.

– О! Здорово. Принимай товар, – сказал один из них, показав рукой на отца. – В канаве нашли. Пока несли, так ни разу и не проснулся.

Я разглядывал их лица, пытаюсь вспомнить, не приходил ли кто из них сюда раньше.

– А откуда вы узнали...

– Мы знакомые. В гараже когда-то работали. Правда, давно уже не виделись.

Второй человек, не обращая на меня внимания, прошел в прихожую. Когда я оглянулся в его сторону, он уже выходил из квартиры. Первый крикнул:

– Антоныч, погодь. Куда умотал?

И снова мне:

– Ладно, мы пошли. Ты тут справишься? – посмотрел на отца. – Да, не трогай его лучше сейчас. Сними одежду, и пусть лежит.

Он хлопнул меня по плечу и тоже направился к выходу.

– Извини, наследили. Дождь с утра проливной был.

После этого мать в первый раз забрала у отца ключи от дома. Но это мало что изменило. Она так же громко кричала. Отец так же легко нас обманывал. Я так же дрейфовал меж сторон этого противостояния, не принимая ни одну из них.

Смотрю на часы: половина десятого. День еще не начался, а он уже успел мне все мозги высушить. Надо успокоиться, чем-то себя занять. Отвлечься от этой ерунды с ямой.

Решаю перебрать комодик со всякой мелочью, которая копится за время учебы. Небольшой ящик с тремя отделами сделал еще дед, который не успел меня увидеть. Тут действительно много хлама. Надо навести порядок, от лишнего избавиться.

Исписанные блокноты, стикеры, фонарик. Включаю – не горит, батарейки нет. Цветные карандаши разной длины, клей. Уже засох. Какие-то брелоки, ластик, скрепки. Кости для игры в нарды. Велосипедный фонарь. Если бы у меня еще велосипед был. Удостоверение... Боже, что я нашел. В третьем или

втором классе, совсем детьми, мы делали свою газету. Я туда писал статьи. Самодельное удостоверение прессы, надо сохранить это. Вообще, я писателем хочу стать. Только никому этого не говорю.

Наушники, ручки, визитка. Тихонов... Вспомнил, это стоматолог. Шарики для пинг-понга, ракетка. Отец гордился этой чехословацкой ракеткой. Массивная ручка, гладкая красная поверхность.

Беру шарик. Набиваю о стенку.

Отец рассказывал, что когда-то у нас во дворе стоял теннисный стол. Вбитый в землю. Днем он пустовал, потому что солнце пекло. А вечером к нему протягивали лампочку и играли до полуночи под неугомонным роем мошкеры. Здесь слушали записи Высоцкого или Led Zeppelin на ленточном магнитофоне, похожем на алюминиевый чемодан. Сами учились что-то наигрывать на гитаре. Она была одна на весь двор, черная, вся в царапинах. Соседские бабки всегда чем-то угрожали негодной шпане. Здесь отец долгое время сидел рядышком со Светкой, его первой любовью. Она уехала потом навсегда. Здесь он многих обыгрывал в теннис, при этом почти не двигаясь. Вот этой ракеткой.

Лет в семь он и меня научил играть. Но того стола во дворе с дырявой фанерой вместо сетки уже не было. Поэтому нашим игровым полем стал лакированный стол в гостиной, раздвигающийся посередине и чудесным образом удлиняющийся благодаря спрятанной дополнительной столешнице. Вместо сетки шалашиком расставляли книги, вытасненные из серванта. Зажигали люстру, чего обычно никогда не делали, обходясь бра. Ставили на края спичечные коробки.

Мать такие вечера проводила в спальне. Смотреть телевизор тогда было невозможно: мы играли громко, да и махали руками так, что за нами ничего не увидишь. Я следил за тем, как отец закручивает шарик, и пытался повторить, любил метить в углы, мне нравилось, когда шар совершал затяжную дугу и в конце все-таки ударялся о поверхность, делаясь почти не отбиваемым. Отец же, будто издевался, метился в коробок и часто попадал, объявляя при этом мое поражение. Со временем я научился крутить шары, но для этого приходилось дальше отходить от стола. Тогда отец перекидывал их на мою сторону у самой сетки так, что просто приходилось бежать к столу, чтобы их отбить.

Мы играли на счет, иначе было неинтересно. Длинную партию, до двадцати одного, потому что в игре до одиннадцати я всегда проигрывал.

Через какое-то время отец дал мне свою ракетку. С непривычки я долго направлял шар мимо стола. Потом понял преимущество тяжелой ручки, с которой мне было легче ошущать угол наклона ракетки при ударе, и снова стал играть чисто.

Когда мы с друзьями ходили в теннисные клубы, эта ракетка выделяла меня среди остальных. Все удивлялись, как можно играть этим «кирпичом».

Это до сих пор, пожалуй, единственное, чему меня научил отец.

Но мне вообще-то и не нужно было, чтобы он меня чему-то учил. Все эти рассказы о том, что отец должен научить сына обращаться с ракеткой или смесителем, придумали взрослые, чтобы было больше поводов поворчать. Все должно быть подчинено правилам. Сына стоит приобщить к спорту, и желательно какому-нибудь нормальному, типа поднятия тяжестей. Нормальная девочка должна научиться готовить.

Когда в детском саду попросили принести доски для лепки, мы с отцом долго выжигали на прошкуренной фанере медведя, покрывали его лаком. Из другой фанерки выпиливали меч для дворовых состязаний. Делали свое лото из картона. Выводили каллиграфическими буквами заголовки в школьной стенгазете. Варили из металлолома пугающе большую юлу. Прибивали петельки к доске для нард. Вырезали из брусочков какие-то футуристические шахматные фигуры. Мы с отцом провели много времени вместе, но я ничему не научился. Мне и так было интересно.

Я многое помню. Но не могу поймать тот момент, когда тридцатилетний папа начал превращаться в высыхающего шестидесятилетнего старика.

Кто-нибудь помнит, как это произошло?

В дверь позвонили. Совсем не вовремя.

Выхожу из своего подполья. Смотрю в глазок. Какой-то мужчина.

– Кто там?

– Сантехник.

Какой еще сантехник...

– Мы не вызывали.

Вижу – снизу поднимается сосед, отец моего одноклассника.

– Артем, открой, нам надо в шахту залезть. Вентили меняем на трубах.

Я и забыл уже про эти вентили. Сантехника потом все равно не дожدهшь, придется впустить. Смотрю на отца: сидит перед телевизором. Когда снова выхожу в прихожую с ключом, он уже обувается.

– Куда ты собрался?! – произношу это полусшепотом, чтобы стоящие за стеной сосед с сантехником не стали свидетелями этой тарабарщины.

– Артем,пусти его. Я пока схожу на работу. Пока они тут разберутся, я уже приду.

Отец тоже шепчет. Дай бог мне терпения.

– Ты уже и так не трезвый. Вы там друг друга закопаете.

– Ты совсем что ли? Никто никого не закопает. Думай, что говоришь.

Зачем я вообще подбираю слова и с ним разговариваю.

– Я тебя не пушу.

Отец снова вздыхает и делает небольшую паузу.

– Артем, я могу отобрать у тебя ключи. Просто отобрать. Я пока еще сильнее. Но не хочу. Я знаю, маме ты все равно ничего не скажешь. Но я хочу общаться по-человечески. Я тебя уважаю как взрослого. И ты должен меня уважать. Или что, будем драться?

Его речь стала еще более развязной.

– Нет.

– Вот именно. Потому что ты проиграешь. И будешь на меня потом обижаться. А мне это не нужно. Мне хватает твоей матери.

– Но ты же делаешь ей плохо.

– А она делает плохо мне. Но ее за это никто не держит взаперти.

– Она о тебе думает.

– Да! А она хоть раз спросила, почему я ушел с работы? Она пыталась узнать, почему я ухожу из дома? Без криков, просто поговорить. Нет. Ей все равно.

Больше не могу смотреть отцу в глаза, в горле ком. Не дослушав, отхожу к двери и громко говорю тем, кто стоит на лестничной клетке:

– Я не смогу вам открыть. Мама закрыла двери и случайно забрала мои ключи. Секундная тишина.

– А... У отца нет ключей что ли? Он дома вообще?

– Дома. Но у него нет ключей. У нас только два комплекта.

Еще пара секунд.

– Ну вы даёте. Сейчас всем менять будем. А вы останетесь. Когда мать приходит?

– Обычно к шести.

– Я зайду вечером, поговорю с ней. Надо эти вентили быстро поменять. Ладно, пошли дальше тогда.

Это он говорит уже сантехнику, и они уходят вверх.

Я еще стою некоторое время у двери, потом поворачиваюсь к отцу, который улыбается и качает головой:

– Ну, ты и придурок!

Он медленно снимает обувь, направляется в гостиную, садится в кресло, то, что рядышком с телевизором, включает его и застывает, глядя на передвигающихся по зеленому полю футболистов.

Я нигде его сегодня не пушу. Хотя это и ничего не изменит.

В комнате темно, словно на дворе не утро, а вечер. Будто это не моя комната, а темница для осужденных. Кто здесь взаперти, отец или я?

Отдвигаю занавески, оголяя немытые окна. Это мало помогает: за стеклами безжизненный ландшафт, как на какой-то планете, где нет ни дня ни ночи. Земля и небо одного цвета.

Пошел снег. Совсем не так, как в мультиках, где снежинки порхают, словно ласточки на воздушной качельке. Редкие белые мошки, словно птички подстреленные, словно бестелесные, не имеющие веса, безжизненные тела, одни оболочки, еле-еле падают, будто пробираясь не через воздух, через какую-то более густую субстанцию. Не падают, а опадают.

Это происходит так медленно, что снежинки будто не долетают до земли. На черном мокром асфальте они быстро тают, их не видно на грязном снегу. Они не достигают поверхности. Тысячи крошек так долго опускаются, что в какой-то момент начинает казаться, будто они поднимаются. Свободное падение с нулевым ускорением, обманув зрение, перестает быть падением.

Снежинки возвращаются вверх, не желая оставаться там, где их не принимают. Где их ждет смерть. Пока падают одни, другие летят туда, откуда прилетели.

Толстое одеяло ртутных туч бродит здесь в собственном соку, меняя цвет с белого на серый и обратно. Тягучая пелена, не пропускающая солнца, набухла так, что вот-вот обрушится с небосклона. Свисая тяжелым шатром, она освобождается от тянувшего ее книзу снега, не пропуская вернувшиеся пушистые льдинки.

Они снова летят вниз, потом снова вверх, навсегда оставаясь заложниками пространства между величавым небом и мрачной землей.

Две черно-белые сороки вертят своими грозными клювами. Их перья сливаются с мрачным пейзажем, и только качающаяся ветка выдает крикливых птиц. Изучив местность с одной позиции, они на одном взмахе крыльев долетают до другого дерева и снова принимаются рассматривать снег смолистыми глазами. Эти две ведьмочки – единственное, что нарушает покой мертвого города.

переводы

Гози РАХМОН

Родился в 1947 г. в Кашкадарьинской области. В 1968 г. окончил Каршинский государственный пединститут (ныне КГУ). Член СП Узбекистана с 1993 г. Автор 20 сборников рассказов. Награжден орденом «Эл-юрт хурмати». Живет в Кашкадарьинской области.

ДОМ С ГОЛУБЯМИ

Рассказ

Однажды в селе Саркенти, окруженном горными склонами Катта Чакила¹, родился достаточно крупный малыш, которого назвали Джумакул. Здесь жили узбеки из рода барлосов. В том же году очень далеко от села Саркенти, в краю, где шесть месяцев в году царствует холод, произошел государственный переворот. Удивительно, но отзвуки кровавых событий, как пелена с далекого кровавого горизонта, оттуда, где случилось это событие, перевалив через горы, достигла и этого села в канун совершеннолетия Джумакула. Да и как можно было тогда протестовать против Новой Власти, когда всякий вторил, что бай – это плохой человек и надо отнять его собственность, а мулла сбивает людей с пути, потому его необходимо сослать на каторгу!

А та, которой в будущем было суждено стать женой Джумакула, появилась на свет как раз в тот самый год, когда в соседнем селе Даралисой Бухарский Эмир, не выдержав натиска красных, бежал, покинув свой трон, а его казначей Мухиддин Махзум, вознамерившись переметнуться в Афганистан, сбился с пути и оказался в здешнем местечке Лангар Ота. Потом он выпустил фальшивые деньги и на базаре Калкама даже купил на них дюжину овец и коз и подался было в сторону Ургута, а здесь попал в руки красных и лишился всего нажитого. Жизнерадостную малышку назвали Маликой. Одна из ветвей барлосов почему-то была рыжеватого оттенка с голубыми, как у цветков льна, глазами. А барлосы из ветви Калтатой были темноглазыми и смуглыми. Мужчины выделялись статью, хорошим сложением. А женщины их племени все, как на подбор, были просто красавицами. Матери-кормилицы еще с младенчества омывали девочек душистой водой, настоенной на пахучем горном растении каравуш. Когда они подрастали, воздух вокруг них наполнялся пьяняще приятным ароматом гвоздики и базилика. Малика росла неотразимой прелестной девочкой, словно цветок гиацинта.

Однажды в возрасте 14-15 лет Джумакул пригнал

¹ Горы Зерафшанского хребта

в соседний аул стадо овец и заглянул к своей тетке. Приветливая тетя, указывая на маленькую Малику, сказала, что выдаст ее замуж за него, когда девочка подрастет. А если он не женится, то тетя насильно заставит его жениться. Джумакул очень смутился, не зная, как ему реагировать на такое заявление тети, и спешно ретировался. Он долго не мог забыть еще об одном произошедшем случае, о котором услышал тогда. В доме одного муллы в селе Даралисой нашли редкий портрет Амира Темура, что и послужило причиной ссылки хозяина.

В народе говорят, от судьбы не уйдешь, то есть, что на роду написано, то и свершится. Отец и два брата Джумакула оказались неимущими пролетариями, со своей домашней скотиной (3-4 головы) записались в колхоз. Никто не знает, как может совершенно здоровый человек, в здравом уме вдруг превратиться в неимущего. В народе говорят, что бедняк – это тот, которого Бог обделил даже в дровах и воде. Человека, который не может раздобыть для себя даже этого, только и остаётся назвать бестолковым. Представим себе, что у баев насильно отобрали всю их собственность и раздали беднякам. Но, как принято говорить у русских, «осел останется ослом», бедняк все равно не разбогатеет, не сможет разумно распорядиться имуществом. Именно такие первыми померли, когда вслед за войной наступил страшный голод.

Джумакул в семи-восьмилетнем возрасте ходил в школу в село Катта кишлок и кое-как обучился грамоте, а в пятнадцать лет начал работать в колхозе. Вначале он присматривал за ишаками, а потом стал конюхом. Его отправили в Самарканд на трехмесячные курсы подготовки зоотехников. В двадцать лет это был уже статный джигит, заведовал фермой и как-то кособоко ездил верхом на коне от отары к отаре. Очень скоро он возжелал стать председателем колхоза имени русского революционера Жданова, которого местные называли на узбекский лад «Гиждонов» или «Виждонов».

Этот колхоз сильно отличался от колхоза Янги турмуш в селе Катта кишлок, потому что там были и приличное пастбище для скота, и хорошие угодья под земледелие, и гектары виноградников. Колхоз им. Жданова был животноводческим, земли под земледелие было немного. На угодьях между горных возвышенностей, на горных склонах пахали землю волами, рыхлили и окучивали кетменями, выращивали ячмень и пшеницу. Вручную косили, связывали в снопы, молотили, используя быков, ссыпали урожай в мешки, грузили на ишаков и «Красным караваном» везли за 150 верст до станции Чумич. Четверо-пятеро болтливых старцев написали про это заявление и подались в Самарканд на прием к Юлдашу Ахунбаеву. Благодаря его решению удалось отменить зерновой план «Жданова», и колхозу стало немного легче. Неустанный трудяга, постоянно голодный колхозный активист Джумакул, можно смело сказать, был всей душой предан своему делу.

А тем временем Малика достигла пятнадцатилетнего возраста и вступила в пору, когда от волнения стала просыпаться и пьянеть от собственного аромата. Вы когда-нибудь пили послеродовое молоко овцематки? Именно его очень любила Малика. Именно такого молочного цвета было и все ее тело. У нее была очень стройная фигура, особенно изящная, когда она, слегка наклонившись, входила в юрту. У этой девушки, никогда в жизни не видевшей усьмы и сурьмы, были тонкие, изогнутые полумесяцем, словно нарисованные художником, очень черные брови и длинные густые ресницы, и когда она сладко произносила «вой ман вудай» («ой, чтоб мне провалиться») и звонко смеялась, словно жемчужины осыпались на землю не только в доме, но и по всему Даралисаю. С тех пор, как ее сосватали за Джумакулбая, проживавшего всего-то за соседним

холмом, она старательно готовила приданое: разные платочки, скатерти, кружевные платки, украшая их края разноцветными переливчатыми бусинками.

В другие времена за Малику и тысячи овец было бы мало на выкуп. Но у колхоза даже зародыш в животе овцематки и тот на счету. Отец Джумакула Кадыркул ничего не имел за душой. Он шлепал себя по лицу, чтобы щеки были румяными. От пощечин они ненадолго розовеют, но потом вновь становятся бледными.

Отец девушки тоже считал: «Найдешь ровню – отдай дочь замуж без выкупа». Перед всем честным народом он принял от Кадыркула в качестве выкупа только двух козлят да старую беззубую овцу, кое-что наскреб у себя, приодел свою прекрасную, как цветок, любимую, нежную дочку и сыграли они «большую» свадьбу. Многие тогда с уважением расхваливали отца девушки, мол, посмотрите, насколько он великодушен и щедр. Женщины села пели свадебные песни, вкладывая в них всю душу, звонко и красиво в честь уважаемых и почитаемых в селе жениха и невесты. Хорошо, что председатель колхоза, родной брат Джумакула, дал на время свою сивую лошадь с колхозным клеймом, чтоб привезти невесту. Друзья жениха и близкие подруги невесты веселились и резвились. В юрте, покрытой белой кошмой, занавеской отгородили место для новобрачных. Невеста, укутавшись в старую паранджу, покружила вокруг костра из колючего кустарника и приготовилась к почтительному поклону. Она была прекрасна, словно ангел небесный. Все остальное действо происходило в отгороженном уголке для жениха и невесты. Все, кто был на свадьбе, желали им долгой счастливой жизни, любви и удачи во всем. Все шло своим чередом, и Маликахон в течение двух-трех лет родила друг за другом двух здоровых малышей. Молока в семье было достаточно, дети росли здоровыми и крепкими, словно близнецы. У Джумакула тоже все ладилось. Его брата забрали в армию, и он вместо него стал председателем колхоза. Но самое интересное впереди.

Сыновей назвали Гулом и Кахрамон, построили роскошный новомодный дом. Такой прекрасный дом в Саркенти был только у них. Даже в окрестных аулах сколько-нибудь похожего жилья не сыскать! Барлосы с весны, все лето и до конца осени кочуют с отарами овец с одного пастбища на другое, а перед самой зимой возвращаются со всем скарбом в Саркенти и живут в своих развальных, темных, но достаточно теплых, а овец загоняют в наскоро сооруженные приземистые загоны. Известно, что потом в колхозе понастроили домики для чабанов и загоны для овец и коз полукруглой и круглой формы. Джумакул чувствовал себя человеком нового времени. Он пригласил строителей-поденщиков из других кишлаков, произвел планировку и разметку, заложил каменный фундамент, возвел глинобитные стены, соорудив таким образом добротный дом с прихожей, большими дверями и окнами. Этому дивились все в округе. «В больших селах и в Самарканде люди уже давно живут в таких просторных, светлых, уютных домах. Чем мы хуже их?» – говорил Джумакул. Он построил такой дом, не жалея средств. И даже побелил его внутри и снаружи, украсил большую комнату цветами, а на стене попросил нарисовать пару устремленных друг к другу сизых голубей, сказав при этом Малике, что один из голубей – он, а второй – она. Про себя он подумал, что попросит мастеров нарисовать на стенах еще семь голубей. Полюбоваться его домом приходили все сельчане. Была в доме еще одна диковина. В нише стояла коробочка под названием «патефон», из которой звучали песни. Сельчане очень удивлялись, как же это железная коробочка сама поет?! Кому-то было интересно, кто-то – завидовал. А вот женщины сокрушались, мол, надо было им идти замуж за председателя...

Но, к большому сожалению, как только стала налаживаться счастливая жизнь, пришла большая беда – началась война. Никто не мог остаться в стороне. Рожок, звучавший в селе два раза в день, призывая сельчан на работу в поле, безостановочно звучал целых три дня. От его ужасного звука содрогались даже попрошайки. Собаки стали сутками выть, глядя в небеса. Кто-то предположил, что, наверное, людоед Эшназар снова ожил. Всюду звучало и всем управляло слово «мобилизация», которого до той поры никто не знал. Теперь у всех на устах звучала одна песенка: «Старый ты иль молодой, бери оружие и в бой!»

Джумакул только недавно получил красный, как огонь, билет коммуниста с изображением вождя народа. Он гордо носил его в нагрудном кармане, и билет согрел его сердце, как тлеющий уголек. Что же ему было делать? С одной стороны просторный дом с голубьями на стене, два подрастающих сына, нуждающихся в отцовской ласке, и прелестная белокожая жена-красавица, источающая аромат, а с другой – вождь и война. Кого ему выбрать? И то, и другое ему очень дорого...

В тот день он принял твердое решение. Собрав у сельсовета всех сельчан, от мала до велика, он провел сход, на котором громко зачитал обращение товарища Сталина. Затем сказал, что теперь председательствовать могут и женщины, а место мужчин на фронте. «Кто хочет – записывайтесь в добровольцы! Начнем запись с Кадыровых, мой брат давно уже на фронте. А теперь на войну поедет я и мой средний брат. А кто проявит трусость, лично сам пристрелю!» У кого-то в толпе мурашки пробежали по телу, кто-то стал невольно трястись от испуга. В тот день Джумакул говорил очень пылко и решительно.

В родное село вернулся Джумакул только через три года. Вначале домой от него часто приходили маленькие треугольные письма, но через год вдруг перестали приходить совсем. Его мать, день и ночь не смыкая глаз ожидавшая писем от своих троих сыновей, ушедших воевать, не выдержала и слегла. А отец, получивший сразу две «похоронки» на двух первых сыновей, сколько ни пытался скрыть эту страшную весть от жены, не смог. В конце концов, и он слег с горя. Безжалостные жернова войны перемалывали, как зернышки, их пострадавшие, из последних сил бьющиеся сердца. А беспощадная беда под названием «голод» без устали подливала на мельницу свою убийственную воду.

Горе и страдания кружили над всеми селениями, специально заглядывая в каждый дом в поисках жертвы. Тут бы хоть как-то заняться выращиванием пшеницы, но в горах нет пригодной для этого земли. Кое-кто из сельчан погрузил свой скарб на тощего ишака и в поисках хлеба отправился через горы в сторону Самарканда. А оставшиеся стали, словно дикие животные, искать и питаться различными растениями и кореньями. Людей косила лихорадка. Люди умирали со словами «Хлеба, хлеба...».

От горя и голода померла мать, а немного погодя и отец Джумакула. Похоронившая их Малика все слезы выплакала. Ни живые, ни мертвые не стали гроша ломаного стоить. Когда Малика похоронила старшего сына Гуломжона, от Джумакула пришло письмо, в котором именно о нем он справлялся в первую очередь. А через неполный год покинул бранный мир в малолетнем возрасте и младший сын Кахрамон, так и не дождавшийся возвращения с войны своего отца-героя. Он тихо угас на руках матери от голода и высокой температуры. Прежде прекрасная, как сказочная пери, женщина, хозяйка чудесного дома с голубьями на стене, потеряв обоих бесконечно любимых юных сыновей, от безмерного горя окончательно сникла. Она сморщилась, словно поджаренные в

масле грибы, прежде прекрасное, как наливное яблоко, гладкое и сверкающее лицо безвременно покрылось морщинами. Длинные волосы осыпались и поседели. А рядовой Джумакул Кадыров, не шадя себя, насмерть сражался на войне. Он попал в окружение и, не выдержав мук голода, вынужден был вкусить человеческой плоти, был ранен минимум десять раз, все его тело было изрешечено пулями и осколками. И когда он сталкивался лицом к лицу со смертью, перед его глазами тут же возникала та самая пара голубей, нарисованная в его доме, и две колыбели, которые раскачивала, напевая колыбельную, его любимая жена Малика. Он поклялся, что не умрет до тех пор, пока хотя бы один еще раз не увидит их. Эта клятва придавала ему сил, и каждый раз после очередного ранения он вновь упорно вставал на ноги, возвращался в строй и продолжал биться с врагом. Последний раз он получил тяжелую контузию головы и долго пролежал в военном госпитале, чуть не потеряв рассудок. Когда к его груди прикрепляли орден «Красной Звезды», он как раз находился именно в таком неадекватном состоянии. Кровь в сердце вскипала, а в голове, словно целый улей, постоянно гудело.

Наконец его отправили домой. Он с трудом вспомнил дорогу в родное село. Но любовь к родине, к своему дому и семье, как магнит, тянула домой. Он долго и трудно добирался до дома, но то, что увидел там, совсем лишило его рассудка. А увидел он, что теперь не было ни его заботливых родителей, ни двух любимых сыновей, только начинавших учиться ходить. На прежде снежно белых, узорчатых стенах отпечатались грязные полосы от воды, потоками льющейся из прохудившейся крыши. Ковры из птичьих перьев и другое имущество, видимо, были проданы из-за нужды в деньгах, словом, дом был совершенно разорен, на полу разбросана сухая трава. Стекавшая с потолка мутная вода совершенно испортила, обезобразила рисунок на стене. Нет-нет, такого не может быть. Малика, моя Малика, где же ты? Гуломжон, Кахрамонжон, мои голуби, где вы? Ему никто не ответил. Джумакул вышел и, глядя в небо, так дико взревел, что его крик был страшнее и прискорбнее воя волчицы, лишившейся волчат, рева льва, потерявшего свою львицу. От этого рева содрогнулись горы вокруг и село Саркенти. Сбежавшиеся на его страшные вопли соседи и односельчане увидели Джумакула, дрожащего всем телом, изо рта его шла пена, а глаза уже ничего не видели. Этот мужественный человек, стойко преодолевший тяжкие муки, не раз смотревший в лицо смерти, прошедший через страшный огонь беспощадной войны, получивший множество орденов и медалей, сейчас лежал, как ребенок, на пыльной земле вниз лицом, бил по ней кулаками, плакал и ругался на чем свет стоит. Никто не решался к нему подойти, лишь три-четыре голодных мальчика в рваной одежонке от безысходности приняли горестно плакать вместе с ним. Хорошо, что вовремя подросл лекарь Абдулла-табиб, который обучался врачеванию за рубежом – в Афганистане, Италии – и умел исцелять от недугов. Он нашел слова утешения и успокоил Джумакула. Лекарь принес в посуде, сделанной из тыквы, холодную родниковую воду, набрал ее в ладони и стал брызгать в лицо и на руки обезумевшего от неизмеримого горя солдата, обхватив голову обеими руками, бормотавшего что-то невнятное. Затем лекарь стал повторять: «Бисмиллохир рахмонир рахийм. Ло хавла вала куввата илло биллахил алиюл азийм. Уйди прочь, шайтан!» После третьего раза Джумакул внезапно смолк и стал озиаться по сторонам. В это время Абдулла-табиб спешно подошел к нему и протянул воду. «Пей, сынок, эту воду, напейся вдоволь. Это вода из нашего родника Жонбулок, ты с детства пил ее

и вырос на ней. Она очень целебная». Джумакул, не раздумывая, выпил всю воду одним махом. А Абдулла-табиб в это время повторял: «Лоилохо иллаоллох Оллоху акбар, Оллоху акбар». Как только вода была выпита, лекарь произнес: «Хвала тебе, хвала, Всевышний, что вернул его». Джумакул пришел в себя. Он, словно стесняясь, поднялся на ноги, отряхнулся от пыли, заправил гимнастерку и открыл объятия для Абдуллы-табиба.

– Дядя Абдулла, живы, здоровы ли вы? Получаете ли письма от Сатторкула? Мы расстались с ним в Житомире, и я его больше не видел.

– Племянник ты мой, дорогой наш председатель. Жив и здоров ли ты сам? Ты так нас напугал! Герой ты наш, поздравляю тебя с этими наградами! В народе не зря говорят, если час твой еще не настал, то хоть сорок лет воевать будешь, а все одно живым останешься, не погибнешь! А родители твои не дожили до этого светлого дня. Что ж, все мы смертны. А Малика, прекрасная моя невестушка, все так же неугомонна. Пошла на кладбище, вот-вот вернется. У вас еще будет много детей, целая жизнь еще впереди. А то, что Создатель сам подарил детей и сам же их забрал, пусть не огорчает тебя, а то прогневишь его. Ты настоящий джигит, ты мужчина, держи голову выше! Утешь Малику! Вон она, идет сюда, горемычная...

Увидев мужа, Малика запричитала:

– Простите меня, председатель дорогой, что не уберегла наших детей, не уберегла родителей. Простите. Убейте меня за это, если хотите, я согласна.

– Нет-нет, Малика, не говори так, ты ни в чем не виновата. Всею виной эта проклятая война. Подлый Гитлер во всем виноват. Я еще покажу этому гаду. Мы все равно победим. Враги не укроются от возмездия! – успокаивал ее Джумакул.

Малика, стесняясь Абдуллы-табиба, который в отцы ей годился, осторожно положила голову на грудь мужа. Холодный металл орденов и медалей на груди Джумакула, звякая, не давал Малике расслышать гулкое биение пылкого сердца мужа. Наконец-то они в своем доме, где суждено прожить им до самой смерти. Когда рядом любимый муж, даже в темную ночь свет не нужен. Муж и жена допьяна уладились запахом и близостью друг друга и крепко уснули. Хотя на стенах по-прежнему были грязные полосы, дом, освещаемый сиянием рассвета, казалось, и сам излучал свет.

Малика выскользнула из объятий мужа, вышла в переднюю, умылась, причесалась, отыскала лежавшее где-то подобие веника и принялась подметать двор. Джумакул так безмятежно и умиротворенно ни разу еще не спал за все три года, что он провел вне дома. Ему даже сны не снились, и многочисленные раны его не беспокоили. Когда шумно закипела над огнем вода в черном кумгане, Джумакул быстро встал с постели. Малика принесла теплой воды в посуде из тыквы (в те времена ведер просто не было) и поливала, помогая мужу умыться. Он мылся, шумно фыркая и брызгая водой. Затем надел военную форму, накинул на плечи халат, который остался еще со свадьбы, открыл вешмешок, вынул оттуда два куса черного хлеба, сахар и положил на скатерть. Но подарки, которые купил специально для сыновей, показывать жене не стал. Потом они вместе завтракали, пили чай, тайком наблюдая друг за другом...

«Она совсем отошла, видно и хлеба вдоволь не ела. А больные дети, которые умирают на руках один за другим, разве это не растерзает жестоко сердце матери?» – думал Джумакул.

«Мой бедненький муж, измучился совсем на войне. Живого места на теле не осталось. О чем это я, ведь вернулся живым. А сколько мужчин так и не вернулось обратно. А мой вернулся, живой, здоровый. Слава Богу! Тысячекратное

благодарение Богу, что вернул мужа в мои объятия!» – думала Малика.

Это происходило поздней осенью. С деревьев осыпалась листва, ветки стали совершенно голыми. Только на веточках абрикоса остались висеть последние листочки, никак не желавшие отделяться от них и колыхаясь, словно маленькие флажки. А вот листья карагача увидят и снег, и резкий холодный ветер. Джумакул, до сих пор ходивший в военной гимнастерке и галифе и не отказавшийся от толстых военных портянок, перед самой зимой сделал то, что задумал уже давно. Он взял в руки нож, соскоблил штукатурку со всей стены, где была изображена пара голубей. Потом замесил жидкую глину и ровно оштукатурил ею эту стену. Не удовлетворившись этим, он и кирпичную печь разрушил в углу комнаты, а вместо нее соорудил сандал из ивовых досок. А окна, форточки и двери совсем заколотил. Теперь и зима не страшна, пусть приходит. По сравнению с теми зимами, что он пережил на войне, здешние – благодать.

Кое-как они пережили эту зиму, а в один из теплых весенних дней Джумакула вновь отправили на фронт. Но теперь враг отступал, сжигая все на своем пути. Необходимо было по пятам гнать фашистов туда, откуда они пришли, чтобы растоптать гадов в их же логове, а потом водрузить над Берлином красный флаг. Именно это и свершилось. Джумакул видел своими глазами, как над Рейхстагом водружали алый стяг. Реки несправедливо пролитой крови даже солнце окрасили в кровавый цвет. Победа в этой войне для каждого оставшегося в живых была бесценна. А для стоявшей за его спиной безграничной Родины эта Победа ценилась еще выше.

Джумакулу посчастливилось оказаться в рядах победителей, и он с грудью, увешанной дорогими боевыми наградами, вернулся на родную землю, к тому времени совершенно разоренную. Рядовой Джумакул Кадыров разрушил свой некогда единственный в ауле новомодный дом и построил обычное для этих мест жилище с простой глинобитной крышей, ничем не отличающееся от других. Он предпочел даже не белить свой дом, не украшать стены, чтобы ничего не сглазить, и жить в нем тихо и мирно. Джумакул не торопился обновлять жилье даже тогда, когда подросли его дети – четверо или пятеро мальчиков и девочек. Когда все вокруг крыли крыши шифером, он не стал ничего менять в своем доме.

Послевоенные десять лет были всецело посвящены восстановлению разрушенного хозяйства. Зарплата, деньги за выполненный труд превратились в ценные бумаги – обычный заем. Люди неустанно трудились целый месяц, а в итоге становились обладателями золотого займа – на деле обычного клочка бумаги. Бедность продолжала править бал. Джумакул – член партии – успокаивал себя и детей словами, мол, очень скоро всем станет хорошо, мы обязательно построим Коммунизм и заживем лучше других. «Славная КПСС» без устали вторила, что до Коммунизма осталось всего-то двадцать лет. Но именно в преддверии коммунизма началась перестройка. Бедная Малика умерла от болезни печени, так и не увидев этой самой перестройки, не успев выдать замуж старшую дочку Турсунтош, не увидев свадьбы своего сына Илашбая. А коммунист Джумакул, прежде не обращавший внимания на свои раны, внезапно совсем сник. Потом появились гипертония и сахарный диабет, но ни головы, ни хвоста Коммунизма нигде не было заметно. И даже если бы он вдруг где-то появился, зрение у Джумакула было уже совсем слабое, чтобы наверняка его узнать.

Перестройка вселила тревогу и страх в сердца людей. А тут еще свалилась напасть под названием «Хлопковое дело», из-за которой в тюрьмы было брошено немало прекрасных людей. Собрат Джумакула по оружию коммунист

Обиддин, глубоко возмущенный тем, что его сына хлопкороба Олима, совсем немного проработавшего председателем хозяйства, несправедливо осудили, написал заявление и отправился прямо в Москву, но вернулся ни с чем, тут же слег от горя и отошел в мир иной. Смерть родителей человек переживает очень тяжело, но не менее тяжко он скорбит по умершим друзьям. Вот и Джумакул глубоко переживал кончину своих друзей и соратников: Обида, Маматкула. Ему казалось, что теперь настала его очередь. Когда умирает жена, потом один за другим уходят друзья и близкие, это заставит любого задуматься. Ведь лекарства в пожилом возрасте помогают только тому, у которого еще не иссякли интерес и надежда на жизнь. Однако надежда старого Джумакула была на исходе, ему казалось, что стоит упасть – он уже не поднимется.

Благо, однажды в селе распространилась радостная весть. Ожидался приезд первого руководителя области, который собирался провести встречу с ветеранами войны. И старого Джумакула тоже вспомнили, увезли на это мероприятие. В честь такого знаменательного дня Джумакул-бобо нацепил на свой халат орден «Красной Звезды». Первый руководитель долго и душевно беседовал с ветеранами, интересовался их здоровьем, бытом, насущными нуждами. Особое внимание уделил старому Джумакулу, поднял ему настроение добрыми словами, искренними пожеланиями, посоветовал пройти курс восстановления здоровья. Со светлой улыбкой он обратился ко всем участникам встречи и отметил, что очень скоро наступят добрые времена, и ветераны обретут второе дыхание, помолодеют. Его сердечные слова и пожелания по доброму повлияли на душевно уставшего Джумакула, он словно вновь обрел интерес к жизни, воодушевился.

Наутро у ворот Джумакула-бобо остановилась новенькая машина «Скорой помощи». Два молодых приветливых медработника в белых халатах осторожно под руки вывели старика из дома.

– Вы ведь фронтовик орденоносец Джумакул Кадыров, да? Мы из самого Шахрисабза приехали за вами по поручению Первого руководителя. Мы должны как следует подлечить вас, восстановить ваше здоровье. Не волнуйтесь, все будет проводиться за счет государства. Собирайтесь, обратно вернетесь уже без этой трости, мы гарантируем.

Джумакул уже давно не видел такого теплого отношения к себе. У него перехватило дыхание, на глаза нахлынули слезы.

– Спасибо, сынок, мне уже лучше. Да продлит Всевышний жизнь этого руководителя и одарит его благополучием и достатком! Я вижу в этом человеке великое будущее. Он приснился мне ночью верхом на белом коне. Будто он обращается ко мне и говорит: «Садитесь, дедушка, на лошадь, я увезу вас в большой город». А я ему отвечаю, что уже стар и немощен и не смогу забраться в седло. А сегодня он отправил за мной машину, большое спасибо. Пусть во всем ему сопутствует удача!

Джумакул должен был в течение месяца проходить лечение в одной из очень живописных лечебниц Шахрисабза с кристально чистым воздухом. Доктора и медсестры, словно ангелы бескрылые, с большой любовью и заботой ухаживали за ним, можно сказать, чуть ли не на руках носили. Умывали, одевали, аккуратно проводили процедуры. Чудеса, да и только! Через пятнадцать дней лечение и забота оказали свое воздействие. Джумакулу стало совсем хорошо, словно заново родился. Ходил без трости, глаза прояснились и стали видеть, как прежде. И тут он вдруг заторопился обратно, мол, «я уже поправился, пора ехать домой». В нем ожили мечты и планы, когда-то оказавшиеся на самом дне

Анвар Мамаджанов. Дервиши.

Анвар Мамаджанов

**Анвар Мамаджанов. Триптих. Память священна.
Картина 1. Фрагмент.**

Дорогие читатели!
**Литературно-художественный журнал «Звезда Востока»
продолжает подписку на 2016 год.**

В 2016 г. на страницах нашего журнала будут объявлены дискуссии с участием известных литературоведов, поэтов, писателей Узбекистана об основных тенденциях литературы XX – начала XXI вв., о структурно-содержательной трансформации жанров, о герое современной литературы; конкурсы на лучшую рецензию, очерк, публицистическую статью, поэтическую подборку.

В 2016 г. наших читателей ждут интересные произведения узбекистанских авторов и писателей из стран ближнего и дальнего зарубежья, новые переводы из узбекской литературы.

Подписаться на журнал «Звезда Востока» можно в любом почтовом отделении или в офисе редакции по адресу:

100027 Ташкент, ул. Узбекистанская, д. 16А, 5 этаж.

Подписной индекс – 831

Уважаемые читатели и авторы! Редакция готова рассмотреть все конструктивные предложения и ждет ваши материалы по адресу:
zvezdavostoka1932@mail.ru

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**